ТОМАС МАЙЕР

МАСТЕРА СЕКСА

ЖИЗНЬ И ЭПОХА УИЛЬЯМА МАСТЕРСА И ВИРДЖИНИИ ДЖОНСОН — ПАРЫ, КОТОРАЯ УЧИЛА АМЕРИКУ ЛЮБИТЬ

ПО МОТИВАМ КНИГИ СНЯТ ОДНОИМЕННЫЙ СЕРИАЛ

«Настоящая бомба... Книга о самом провокационном исследовании столетия».
NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1957 год, сексуальная революция еще не захлестнула Америку, до съемок «Секса в большом городе» 40 лет: врач-гинеколог Уильям Мастерс и его ассистент Вирджиния Джонсон начинают захватывающее исследование супружеской любви. Наблюдая сексуальные реакции более 700 мужчин и женщин, они впервые в истории изучают процесс возбуждения и тонкости половой стимуляции.

В своей книге Томас Майер подробно описывает личную жизнь и историю исследований Мастерса и Джонсон, удивительных ученых, научивших Америку любить.

По книге снят одноименный сериал Showtime с Майклом Шином и Лиззи Каплан в главных ролях.

- Томас Майер
  -
  -
  - Предисловие
  - Фаза первая
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
  - Фаза вторая
    -
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
  - Фаза третья
    -

- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая

○ Фаза четвертая

-
- Глава двадцать восьмая
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая
- Глава тридцать третья
- Глава тридцать четвертая
- Глава тридцать пятая
- Глава тридцать шестая
- Глава тридцать седьмая
- Глава тридцать восьмая
- Глава тридцать девятая
- Глава сороковая

○ Примечание об источниках

○ Примечания

- ГЛАВА I – ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО ГОРОДА
- ГЛАВА II – В САМОМ СЕРДЦЕ
- ГЛАВА III – МИССИС ДЖОНСОН
- ГЛАВА IV – НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ
- ГЛАВА V – ЧУДО ДЛЯ ГЛАЗ
- ГЛАВА VI – ЭКСПЕРТ ПО РОЖДАЕМОСТИ
- ГЛАВА VII – ПРИМЕРНАЯ ЖЕНА
- ГЛАВА VIII – АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА
- ГЛАВА IX – СКВОЗЬ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ
- ГЛАВА X – МАТРИЦА
- ГЛАВА XI – ЭКСПЕРИМЕНТ
- ГЛАВА XII – ВОЛОНТЕРЫ
- ГЛАВА XIII – НОЙ
- ГЛАВА XIV – МАСКИ
- ГЛАВА XV – УХОД ИЗ УНИВЕРСИТЕТА
- ГЛАВА XVI – ВОПРОС ДОВЕРИЯ
- ГЛАВА XVII – РАСКРЫВАЯ СЕКРЕТЫ

- ГЛАВА XVIII – ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ
- ГЛАВА XIX – ВОСТОРГ РАЗРЯДКИ
- ГЛАВА XX – ФОКУСИРУЯ ЧУВСТВА
- ГЛАВА XXI – СЕКСУАЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ
- ГЛАВА XXII – «СУРРОГАТЫ»
- ГЛАВА XXIII – ПЛЕЙБОИ И ПОКРОВИТЕЛИ
- ГЛАВА XXIV – «ПОЧИНКА СУПРУЖЕСКОГО ЛОЖА»
- ГЛАВА XXVI – АРОМАТ ЛЮБВИ
- ГЛАВА XXVI – ПРЕДАТЕЛЬСТВА
- ГЛАВА XXVII – БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ
- ГЛАВА XXVIII – ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
- ГЛАВА XXIX – БИЗНЕС НА СЕКСЕ
- ГЛАВА XXX – УЗЫ УДОВОЛЬСТВИЯ
- ГЛАВА XXXI – ПРОВОДНИК К ЗВЕЗДАМ
- ГЛАВА XXXII – КОНВЕРСИЯ И РЕВЕРСИЯ
- ГЛАВА XXXIII – ОБЕЩАНИЕ БУДУЩЕГО
- ГЛАВА XXXIV – КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ
- ГЛАВА XXXV – КРИЗИС
- ГЛАВА XXXVI – РАЗРЫВ
- ГЛАВА XXXVII – К РОЗАМ
- ГЛАВА XXXVIII – ПАРЫ
- ГЛАВА XXXIX–IN MEMORIAM
- ГЛАВА XL – НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ
- Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

○ 19

Томас Майер
Мастера секса. Жизнь и эпоха Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон – пары, которая учила Америку любить

«Настоящая бомба… Шокирующее откровение».

NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Лучшая научно-популярная книга 2009 года по версии Chicago Tribune

Отзывы о книге «Мастера секса»

«Рассказано обстоятельно и с любовью… Майер пишет бойко и весело».

New York Times

«Познавательная биографическая книга Майера открывает нам историю пары, которая начала «научную сексуальную революцию».

Discover

«Захватывающе… «Мастера секса» непременно нужно прочитать этой весной всем, кто хочет пережить первые головокружительные дни «сексуальной революции»».

The American Prospect

«Отмеченный наградами Майер в своей биографии впервые показывает нам двух выдающихся людей, которые революционизировали изучение человеческой

сексуальной реакции. Эта книга порадует и ученых, и любителей – «секс-экспертов».

Library Journal

«Замечательно написанная, захватывающая книга об удивительной паре».

Booklist

«Мастера секса» из-за своей «горячей» темы могут показаться некоторым читателям слишком натуралистичной книгой для биографии. Но эта волнующая история о сексе и науке в теории и практике – скорее, познавательная, чем эротическая».

The Oprah Magazine

Создание увлекательной, но серьезной биографии Мастерса и Джонсон – непростая задача. У любого писателя возникло бы естественное побуждение отказаться от тщательного разбора личностей и их страстей, подменив его поверхностным «наскоком». Майер не поддается этому импульсу. Это книга о героизме и слабостях, о двух людях, которые посвятили свою жизнь изучению доброй половины того, что мы считаем общеизвестными знаниями о хорошо знакомом нам предмете».

The Buffalo News («Editor's Choice»)

«Мастера секса» – потрясающая книга о замечательных супругах, которые дали старт «сексуальной революции». Это больше, чем биография – это интимная история о сексе в двадцатом столетии».

Дебби Эпплгейт, лауреат Пулитцеровской премии 2007 г. за книгу «Самый знаменитый человек Америки. Биография Генри Уорда Бичера» (The Most Famous Man in America: The Biography of Henry Ward Beecher)

«Томас Майер написал именно такую интимную и увлекательную биографию, какую заслуживают Мастерс и Джонсон. Критики часто обвиняли эту пару в том, что их исследования «обесчеловечивают» секс – лишают его

таинственности. Но, как сказала Джини Джонсон репортеру журнала «Плейбой» в 1968 г., тайна – это просто другое наименование предрассудков и мифов. Чем больше мы знаем о физиологии возбуждения, тем сильнее способны наслаждаться уникальным даром – сексом ради удовольствия. Мастерс и Джонсон продемонстрировали в своих исследованиях потрясающее мужество».

Хью Хефнер, главный редактор журнала Playboy

«Ни один романист не сумел бы выдумать более захватывающий сюжет, чем подлинная история жизни Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон, супругов-экспертов, дававших Америке советы о сексе и любви. Благодаря проницательности репортера и литературному таланту Томас Майер сумел описать необыкновенные отношения между этими мужчиной и женщиной – исследователями секса, и их наследие, которое преобразило жизнь супружеских пар».

Рут Вестхаймер

«Сюжет этой книги – секс и любовь – наверняка заинтересует почти всех. Но этого мало: Томас Майер – очень тонкий писатель, талантливый биограф и проницательный репортер. Если вы в этом году прочтете только одну биографию, пусть это будет первая в истории книга о тайной жизни Мастерса и Джонсон».

Нельсон Демилль, автор бестселлеров «Золотой берег» (The Gold Coast) и «Сторожка» (The Gate House)

«Хорошо написанный и глубокий рассказ о Мастерсе и Джонсон, которые, вероятно, знали о сексе и супружеской любви больше, чем любая другая пара в Америке».

Гай Тализ, автор книг «Жена ближнего твоего» (Thy Neighbor's Wife) и «Жизнь писателя» (A Writer's Life)

«Трудно представить себе исследователя или серьезного ученого в сфере сексуальности, который не выиграл бы от прочтения этой книги. Информация,

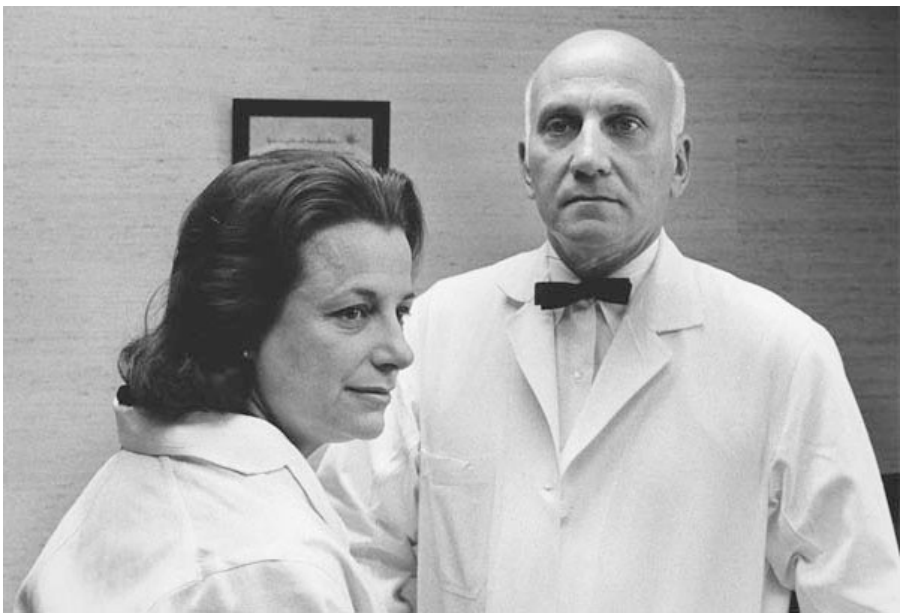
раскрытая в «Мастерах секса», никогда прежде не публиковалась. Помимо того, что эта книга вносит реальный вклад в историю науки, она является захватывающим чтением!»

Пеппер Шварц, бывший президент Общества научного изучения сексуальности и автор книги «Во цвете лет: приключения и советы о сексе, любви и чувственности» (Prime: Adventures and Advice About Sex, Love and the Sensual Years)

Посвящается моим крестным, Джун и Уильяму Андервудам

«Глубочайшее из всех наших чувств – чувство истины».

Д. Г. Лоуренс



Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон

Предисловие

«Что это за штука, которую зовут любовью?»

Коул Портер

Секс во всех его чудесных проявлениях был неотъемлемой частью американского жизненного опыта в четырех написанных мною биографиях – Сая Ньюхауса, Бенджамина Спока, семейства Кеннеди, а теперь и Мастерса с Джонсон. Как однажды сказал мне с обезоруживающей откровенностью доктор Спок, автор бестселлеров и эксперт, воспитавший американское поколение бэби-бумеров, «*Все на свете* связано с сексом!». Действительно, в своем наиболее могущественном и трансцендентном аспекте секс – это развитие биологических видов, источник происхождения самоидентичности и наиболее интимная форма отношений между взрослыми.

История Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон как, пожалуй, никакая другая история связана с вечными тайнами секса и любви. Их общественная жизнь открывает для нас окно в американскую «сексуальную революцию» и ее исторические культурные перемены, которые остаются с нами и по сей день. А личные отношения этой пары отражают распространенные страсти, конфликты и противоречия между мужчинами и женщинами.

Я впервые беседовал с доктором Мастерсом, когда в декабре 1994 года он отошел от дел. У него уже проявлялись симптомы болезни Паркинсона, которая впоследствии привела к смерти, настигшей его в 2001 году. В 2005 году я договорился о сотрудничестве с Вирджинией Джонсон. Мы провели в беседах много часов, и я довольно долго гостил в ее доме в Сент-Луисе. «Мы были двумя самыми скрытными людьми, каких носила на себе земля», – призналась мне Джонсон, и это несмотря на их всемирную славу. «На свете нет человека, который хорошо бы нас знал».

Долгие годы работу Мастерса и Джонсон скрывала завеса строгой конфиденциальности. Они сами стремились избежать докучливых взглядов публики. Только сейчас – благодаря согласию многих людей давать интервью и предоставить доступ к своим письмам, внутренней документации и неопубликованным мемуарам Мастерса – мы можем полностью оценить замечательную жизнь этих двух выдающихся ученых и их эпоху.

Несмотря на огромный объем научных знаний, полученных ими в ходе величайшего эксперимента в истории Америки (в нем участвовали сотни женщин и мужчин и наблюдалось более 10 000 оргазмов), их история относится к неуловимым и неопределяемым аспектам человеческой близости. И по сей день множество людей задаются вопросом: «Что это за штука, которую зовут любовью?»

Т.М.

Лонг-Айленд, Нью-Йорк

Апрель 2009 г.

Фаза первая

Джини в юности
#

Глава первая
Девушка из Золотого города

«Это часто начинается в припаркованной машине. Спешка, стремление «довести дело до конца», неудобное заднее сиденье едва ли оставляют возможность для раскрытия индивидуальности».

Уильям Мастерс

Два луча указывали путь во тьме. Пронзительный свет фар «плимута» пробивал неподатливую черноту сельской миссурийской глубинки. Машина, которая везла Мэри Вирджинию Эшельман и ее бойфренда-одноклассника Гордона Гарретта, медленно катила по трассе 160, широкой асфальтированной дороге без фонарей. Вечернее небо освещали только звезды и луна.

Для свидания с Мэри Вирджинией Гордон позаимствовал семейную машину Гарреттов – зеленый седан 1941 года с сияющей хромированной решеткой, выпуклым рисунком на капоте, «мускулистыми» крыльями и широким задним сиденьем. Они ехали мимо рядов фермерских усадеб и полей, нарезанных в поросшей высокими травами прерии.

В тот вечер они были с друзьями в «Паласе» – единственном городском кинотеатре, где мелодии и танцы голливудских мюзиклов на короткое время спасали их от скуки Голден-Сити. Журналы кинохроники давали ребятам представление о существовании иного, большего мира за пределами их крохотного городка с населением в восемь сотен душ. Приютившийся на границе горного плато Озарк Голден-Сити казался ближе к деревенской Оклахоме, чем к большому городу Сент-Луису – как по расстоянию, так и по агрессивному протестантскому духу.

Гордон свернул с дороги и приглушил свет фар. Шум шин, громко хрустевших по гравию, смолк, сменившись пронзительной тишиной. Они припарковались в уединенном местечке, где их не смогли бы застукать.

Сидя на переднем сиденье машины, Гордон расстегнул блузку подруги, ослабил застежку на юбке и прижался к телу девушки. Она не шевелилась и не сопротивлялась, только изумленно уставилась на него. Мэри Вирджиния никогда раньше не видела пениса – если не считать тех моментов, когда мать

меняла ее маленькому братцу подгузник. В тот вечер, вскоре после своего пятнадцатого дня рождения, Мэри Вирджиния Эшельман – которую мир впоследствии узнал под именем Вирджиния Джонсон – приобщилась к таинствам человеческой близости. «Я не знала ничего и ни о чем», – призналась потом женщина, чьему историческому партнерству с доктором Уильямом Мастерсом предстояло стать синонимом секса и любви в Америке.

В своей пуританской семье, воспитанной в традициях Среднего Запада, Мэри Вирджиния усвоила, что секс греховен. Он не имел ничего общего с захватывающими дух сказками о придуманной любви, которые она с жадностью впитывала, смотря кинофильмы, снятые до Второй мировой войны. Годы спустя она называла Гордона Гарретта «парнишкой с огненно-рыжими волосами». Как признавалась Вирджиния через много лет, она «ни разу не вышла замуж за мужчину, которого по-настоящему любила». Но она никогда не забывала ни Гордона Гарретта, ни того вечера за окраиной Голден-Сити, когда два подростка лишились невинности.

Юные влюбленные обнимались на переднем сиденье, потом перебрались на заднее. Тяжелое горячее дыхание туманило стекла. Автомобиль – явление все еще новое для такого захолустья как Голден-Сити – обеспечивал им относительное уединение. Гордон поставил машину на ручник, чтобы машина не покатилась под горку, пока их внимание занято совсем другими вещами.

В старших классах Мэри Вирджиния делила с Гордоном многие моменты взросления. Этот высокий парень с крепким телосложением типичного фермерского сына играл в школьной футбольной команде, но с пониманием относился к более утонченному интересу Мэри Вирджинии – музыке. Весь выпускной класс они были постоянной парой, их все время видели вместе. Гордон был ее *beau*[1].

Перескочив экстерном через два класса, Мэри Вирджиния оказалась значительно младше своих одноклассников, включая и рыжеволосого сына Гарреттов, которому уже исполнилось семнадцать. Ей хотелось нравиться. У нее были светло-каштановые волосы, завитые крутыми кудряшками, чувственный взгляд серо-голубых глаз и слегка поджатые в притворной скромности губы. На лице ее обыкновенно играла загадочная усмешка в духе Моны Лизы, которая могла внезапно смениться неотразимой улыбкой. Как и остальных Эшельманов, ее отличали особенный рисунок высоких скул, гордая осанка и идеально

развернутые плечи. При гибкой, как ива, фигурке у Мэри Вирджинии уже угадывалась грудь зрелой девушки, хотя некоторые парни смотрели на нее с пренебрежением. «Это была длинная, худая, плоскогрудая девчонка, – вспоминал Фил Лоллар, живший неподалеку от фермы Эшельманов. – Девчонка с самой обычной внешностью, ничего особенного».

Но большинство подростков Голден-Сити восхищались чувством стиля Мэри Вирджинии – в таком захолустье это было большой редкостью. В тесном мирке маленького городка она разговаривала, одевалась и вела себя, как юная леди. Даже друзья из выпускного класса Голден-Сити 1941 года не догадывались о ее юном возрасте. Самой запоминающейся ее чертой был голос – пленительный инструмент с гибкими интонациями, развитыми пением. Старшая сестра Гордона Изабель, говорила, что одежда Мэри Вирджинии никогда не выглядела неряшливой или поношенной – как у некоторых фермерских детей во время мучений Пыльного котла 1930-х годов.[2] Подружка ее брата «всегда оставалась чистенькой и аккуратной и выглядела женственно».

Гордону казалось достойным катать такую девушку на папином новом «плимуте». Это средство передвижения было лучшим подобием королевского экипажа, какое он мог добыть для своей «принцессы прерий». В отличие от других детей эпохи Великой депрессии, Мэри Вирджиния всегда вела себя так, будто была совершенно уверена в своем завтрашнем дне, – вероятно, потому, что ее мать Эдна Эшельман не потерпела бы иного. «Думаю, она очень нравилась Гордону, – вспоминала другая его сестра Кэролин. – Ее мать была из тех, для кого даже лучшее не слишком хорошо, и Мэри Вирджиния пошла в нее».

Сестры Гарретт считали Мэри Вирджинию хорошей девушкой. Такую их брат мог бы пригласить на выпускной бал и когда-нибудь на ней жениться. Им, конечно, и в голову не приходило, что она способна резвиться на заднем сиденье семейной машины.

Мэри Вирджиния рано усвоила все лицемерие жизни юных американок. Она знала, что и когда говорить, какие обычаи соблюдать; видела бесчестность ревнителей нравственности и фундаменталистов, отстаивавших традиционную женскую долю. Но она была полна решимости оставаться независимой и принимать жизнь лишь на своих условиях, что бы ни сказала ее мать или кто-то другой. Она честно играла роль «хорошей девочки» в школе и в семье, хотя в душе знала, что она не такая.

Лишение девственности не было для Мэри Вирджинии

насильственным, грязным или постыдным. Все закончилось в считанные минуты. Секс показался ей довольно приятным, хотя и непривычным по ощущениям. Какой уж тут оргазм, сексуальное мастерство или взаимное удовлетворение! – предмет ее научных исследований совместно с Мастерсом. В тот момент ничего этого и близко не было в ее мыслях. Она доверилась своему бойфренду, полагая, что он знает, что делает. Лишь позднее она поняла, что, вероятно, для Гордона это тоже был первый опыт.

«Все происходило очень естественно, – рассказывала она с легкой ноткой сожаления и улыбкой, – и наверняка шокировало бы мою мать до смерти».

Многое в жизни Мэри Вирджинии происходило благодаря случаю, даже переезд ее семьи в Голден-Сити. Ее отец Гершель Эшельман, которого все звали средним именем – Гарри, – вместе с женой Эдной жил в Спрингфилде, когда 11 февраля 1925 года появилась на свет их дочь. Родители Гарри были мормонами из соседнего округа Кристиан, хотя ни сам он, ни его жена особой религиозностью не отличались. Эшельманы происходили от гессенских наемников: его предки были привезены в США во время революционной войны. В Первую мировую войну сержант Гарри Эшельман на всю жизнь насмотрелся крови и смертей во Франции, где был ранен его младший брат Том.

После войны 29-летний Эшельман вернулся в юго-западный Миссури, мечтая о простой жизни для себя и своей невесты Эдны Эванс. Однако новоиспеченная миссис Эшельман дала мужу понять, что не удовлетворится его скромными планами.

Гарри хватало собственного клочка земли и обожаемого ребенка. Для него не было нерешаемых задач – от строительства дома до дочкиных домашних заданий по алгебре. Как бывший кавалерист, он хорошо разбирался в лошадях и позволял своей девочке ездить на жеребцах-першеронах по заднему двору. «Мать кричала на него: «Приглядывай за ребенком!», а он только улыбался, махал ей рукой и подсаживал меня на коня», – вспоминала Вирджиния. Гарри учил дочку гладить утюгом плиссированную юбочку и мастерить из картона «деревянные» башмаки для школьного концерта. «Не было ничего такого, чего не мог бы сделать этот человек!» – говорила она.

Когда Мэри Вирджинии исполнилось пять лет, родители решили уехать из юго-западного Миссури, где уже ощущалась хватка Великой депрессии. В Пало-Альто, Калифорния, Гарри нашел работу смотрителя за роскошными оранжереями и садами правительственного госпиталя, где ухаживали за ранеными солдатами. Зачисленная в прогрессивную школу с собственным

детским садом, девочка преуспевала в учебе. Хорошо подвешенный язык и быстрый ум позволили ей к двенадцати годам окончить восьмой класс.

Беглецам с засушливых равнин Миссури госпитальный кампус, должно быть, казался чем-то вроде Эдема – райским садом, который должен был укрыть их от наступления Великой депрессии. Вместо серых пыльных туч, заволакивающих небеса, они теперь любовались первобытным величием Тихого океана. Однажды во время какого-то праздника, вспоминала Вирджиния, отец вышел на пляж в костюме и соломенной шляпе. «Я была тогда совсем крохой, играла в прибое, – описывала она. – Меня подхватила накатившая волна». Гарри Эшельман, не раздеваясь, бросился за дочкой и стал героем в ее глазах.

Эдна скоро пресытилась Калифорнией. Изначально это была ее идея – уехать в «Золотой штат». Но вскоре она стала тосковать по родным краям, да и работа мужа ее разочаровала. Гарри не стал с ней спорить. Он связался со своим отцом, который по-прежнему жил в округе Кристиан, и тот помог ему найти новую ферму примерно в 50 милях к западу от Спрингфилда. Супруги Эшельманы с маленькой дочерью вернулись в Миссури, в еще более безнадежное место, чем то, с которого начинались их странствия.

Голден-Сити гордо именовал себя «сенной столицей прерий», но для молодежи, мечтавшей о чем-то большем, он был местом, откуда следовало убираться подобру-поздорову», – вспоминал Лоуэлл Пу, один из сверстников Мэри Вирджинии, который дослужился до директора похоронного бюро. У таких девушек как она, было два варианта: выйти замуж или сбежать из этого города.

Верховодила в семье мать. Представления Эдны о женственности заставляли дочь соответствовать «золотому стандарту». Она принимала эти правила в присутствии матери – и восставала против них вдали от материнского взора.

Эдна, казалось, негласно соревновалась со всеми окружающими. Мало что в ее семейной жизни вышло так, как она надеялась. Увязнув в трясине Голден-Сити, она стремилась стать хозяйкой своего мира и передать свои уроки дочери. «Я выросла с представлением о том, что успехи и таланты – это хорошо, но главная цель – удачное замужество», – вспоминала Вирджиния. Миссис Эшельман настаивала, чтобы жители городка, обращаясь к ее дочери, называли ее обоими именами – Мэри Вирджиния. Естественно, в запале подросткового бунтарства девочка велела друзьям называть себя просто Вирджинией.

Мать стремилась к утонченности, брала для дочери уроки фортепиано и пения, учила ее быть умелой портнихой и поварихой. Когда муж бывал в отъезде, Эдна демонстрировала, что ей по плечу и роль мужчины. «Во время сбора урожая мама – крохотная, тоненькая – выходила в поля и водила трактор, – вспоминала Вирджиния. – Если нужно было, она могла делать почти все».

Живя на ферме в пяти милях от центра этого пыльного поселка – какой уж там Золотой город! – Мэри Вирджиния отчаянно жаждала внимания и светской жизни. Грушевое дерево на задах фермы стало ее читальным залом; забираясь на него, она перелистывала Библию или читала романы, припрятанные от матери, мечтая о недосягаемом большом мире. «У меня не было товарищей по играм, – вспоминала она. – И я просто читала людей. Мне всегда хотелось узнать, на что похожа их жизнь. Когда родственники и другие взрослые навещали нас, я просила: «Расскажите, как вы были маленькими». Я любила слушать истории о жизни других людей – наверное, потому, что мне, единственному ребенку, было одиноко».

Однажды летом Мэри Вирджиния на неделю поехала в гости к старшей сестре Эдны, которая разрешила племяннице облазить всю свою просторную квартиру. Заглянув в какой-то ящик, она обнаружила там личные вещи тетушки, в том числе стопку писем, написанных мужчиной. По семейному преданию, ее тетя, которой в момент визита племянницы было за сорок, чуть не вышла за него замуж. Мэри Вирджиния выяснила, почему этого не случилось. «Я обнаружила чудесные любовные письма, написанные со страстью, которую я не забуду до конца своих дней, – рассказывала она. – Выяснилось, что от него забеременела одна местная девушка, и с тех пор тетя не желала с ним знаться. Она бросила его и не стала ни за кого выходить замуж. Это была замечательная драма!»

Легенды об опасностях плотской любви породили решимость Эдны уберечь любимое дитя от искушения. «Я никогда не рассказывала матери ни о менструациях, ни о чем, – говорила Вирджиния. – У нее было стойкое отторжение всего сексуального. Об этом не говорят – и всё». Конечно, на ферме, среди лошадей, свиньей и других животных было трудно избежать эротики жизненных реалий. Подрастая, Вирджиния также узнала и о страхе женщин перед беременностью, и о городской проституции. Голден-Сити в те времена произвел на свет трех молодых женщин, которые стали процветающими «ночными бабочками» в Канзас-Сити.

Избегать темы близости стало труднее, когда мать

забеременела и родила сына Ларри, на 12 лет младше Вирджинии. Но Эдна решила, что любые уроки на тему секса она станет давать дочери только на собственных условиях. Однажды вечером перед сном мать позвала Вирджинию к себе в спальню и начала бормотать что-то о сексе, используя непонятные термины и окольные выражения. «Я была еще маленькой, когда она попыталась рассказать мне о беременности и о том, как она получается. Мне ее слова показались совершенно бессмысленными».

К тому времени, как Мэри Вирджиния достигла пубертатного возраста и ее тело созрело, чувство одиночества в семье стало невыносимым. Ее интерес обратился на мальчиков – она заметила, что может привлечь их внимание, сверкнув одобрительной улыбкой, встав в определенную позу или тряхнув волосами. Вон Николс, живший неподалеку, вспоминал жаркие летние дни, когда он приезжал на своем грузовике к Эшельманам с продуктами, которые вез на рынок. В его память навеки врезался образ Мэри Вирджинии, одетой в короткие шорты: «очень короткие – думаю, она знала, что я приеду». Но если Вон и нравился Вирджинии, она никогда ему об этом не говорила. После просмотра фильма в городском кинотеатре «Палас» Вон и другие парни танцевали с девушками, в том числе и с Мэри Вирджинией, в маленьком кафе под названием «Зеленый светильник». Но ни один парень не значил для Мэри Вирджинии больше, чем Гордон Гарретт, чья семья жила примерно в двух милях от фермы Эшельманов.

Гордон никогда не хвастался своими победами, как другие парни. Он знал, что был у нее первым и нежно расспрашивал, все ли с ней в порядке, после того как все кончилось. Он хотел знать, «получилось» ли у нее, но она не знала, что отвечать.

В памятном фотоальбоме выпускного класса их фотографии помещены вместе. Раздел «пророчеств», который с юмором предсказывал будущее одноклассников, провозглашал истину, в которой тогда мало кто сомневался:

ЧИКАГО: Мистер и миссис Гордан [sic] Гарретт объявляют о поступлении их дочери в частную школу для девочек мисс Вирджинии Таунли. Миссис Гарретт в девичестве звалась мисс Мэри Вирджинией Эшельман.

К моменту вручения аттестатов весной 1941 года мир Мэри Вирджинии, еще недавно медлительный и тусклый, быстро расширился: приближалась война. Старший брат Гордона записался в береговую гвардию. Гордон получил годовую отсрочку, чтобы остаться работать на ферме Гарреттов. «Единственная причина, почему я не вышла за него замуж – или

не думала об этом – заключалась в том, что я не хотела жить на ферме, – утверждала Вирджиния. – Я хотела поступить в колледж, вырваться в большой мир».

Эшельманы решили отослать Мэри Вирджинию в Друри-колледж в Спрингфилде, заниматься музыкой. Гарри с Эдной тоже уехали из Голден-Сити в свой родной Спрингфилд.

Через год Гордон в патриотическом порыве, захлестнувшем страну после трагедии Перл-Харбора, решил завербоваться в армию. В день отъезда он стоял, как потерянный, на платформе с остальными солдатами-добровольцами. Он надеялся, что Мэри Вирджиния придет попрощаться с ним. Разочарованно оглядываясь по сторонам, Гордон повернулся к своей малышке-племяннице. «Придется теперь тебе стать моей подружкой, – горестно проговорил он, – потому что у меня больше нет девушки».

Когда мать решилась рассказать дочери эту печальную историю, Мэри Вирджиния уже давно уехала из Голден-Сити. «Это меня не тронуло. К тому времени я уже встречалась со многими другими парнями. Теперь, оглядываясь назад, я говорю: неужели я была настолько бесчувственной? Я вообще не думала о нем. В городе все знали, что он никогда не женится, если не женится на мне».

Глава вторая
В самом сердце

«Не позволяй звездам застить себе глаза.
Сохрани свое сердце для меня, ведь однажды я вернусь,
И ты узнаешь, что ты – единственная любовь в моей жизни».

Don't Let the Stars Get in Your Eyes, песня в исполнении Реда Роули

1942 год. Сделав глубокий вдох, Вирджиния выпрямилась, словно по стойке смирно, и с подъемом запела завершение национального гимна вместе с вокальным квартетом Друри-колледжа. «Над землею свободы… – пели они, заканчивая фиоритурой. – И родиной… храбрецов».

Все присутствующие – члены миссурийской Генеральной ассамблеи, сенаторы штата, клубные политики, юристы и чиновники – зааплодировали. Джефферсон-Сити вступил на тропу войны. Нападение японцев на Перл-Харбор, общее стремление ехать в Европу, чтобы воевать против нацистов, – все это наэлектризовало столицу штата Миссури. Мир изменился и никогда уже не станет прежним. Со времен гражданской войны, когда Джефферсон-Сити раскололся на юнионистов и конфедератов, в нем не было такого воинственного пыла.

Квартет Вирджинии выступал на политических дискуссиях, иногда в церквях. Она начала петь в квартете, после того как стала брать уроки вокала в Друри-колледже, местном учебном заведении, некогда именовавшемся «Йелем Юго-Запада». В Джефферсон-Сити ее знали как Вирджинию – она опустила первую часть своего двойного имени. Поскольку Эдна Эшельман была активисткой республиканского комитета округа Бартон, ее дочери удалось получить секретарскую работу, которая обеспечила ей доступ в большой мир. Позднее Вирджиния стала помощницей сенатора штата, в чей округ входил Спрингфилд.

Мать знала, что Джефферсон-Сити – место, где ее дочь сможет найти себе успешного мужа, а не какую-нибудь деревенщину. Чувствуя себя обманутой в своих мечтах, Эдна Эшельман не собиралась позволить пропасть дочери.

К своим двадцати годам Вирджиния выглядела и вела себя

как женщина на несколько лет старше. Она уверенно заводила друзей среди сильных мира сего, их секретарей и рядовых государственных служащих.

Исполняя национальный гимн на очередном политическом сборище, Вирджиния познакомилась с высокопоставленным чиновником из правительства Миссури. Этот политик был вдовцом с детьми, почти ровесниками Вирджинии. Он потерял голову от ее юной красоты и, вероятно, доступности. Уже через несколько недель они заговорили о браке. Но действительно ли брачные обеты были произнесены?

«Мне было всего 19 лет, и этот брак продлился два дня, – рассказывала Вирджиния в 1973 году в интервью газете *Washington Post*, которая насчитала у нее четверых мужей. – Он был видной политической фигурой, и девятнадцатилетняя невеста ему явно не подходила. Теперь он уже умер».

Их отношения были обречены. Хотя его влюбленность не охладела, возобладал политический инстинкт выживания – он решил баллотироваться на пост губернатора. Власть имущие решили, что нельзя одновременно претендовать на этот пост и встречаться с ровесницей собственных детей.

В Джефферсон-Сити Вирджиния усваивала образ жизни молодых, независимо мыслящих женщин. Вторая мировая война дала им огромные возможности в области занятости, но оставалось множество ограничений, как в общественной сфере, так и в личной – и особенно в сексуальных вопросах. Невежество женщин в отношении собственного тела ужасало Вирджинию.

Однажды знакомая пришла к ней за советом. Девушка вступила в сексуальные отношения с мужчиной, за которого не собиралась выходить замуж, и тревожилась из-за возможных последствий.

– Буду ли я… – запинаясь, спросила она. – Может ли кто-нибудь понять, что я лишилась девственности?

Вирджиния не смогла помочь подруге. Она тогда даже не знала, что такое девственная плева.

Вирджиния презирала лицемерие женщин, которые разыгрывали из себя непорочных скромниц. Она никогда не притворялась незаинтересованной. «Я ни разу не встречалась с мужчиной, если у меня не было с ним сексуальных отношений. Секс доставлял мне наслаждение».

Во время войны Вирджиния общалась со многими военными-срочниками. Она узнала, что романтическая любовь – большая редкость в реальной жизни. В армейской среде молодые мужчины и женщины быстро взрослели. Впереди, в дальних краях, их ждали решения, от которых зависели жизнь и смерть. Находясь в

гуще событий, Вирджиния особенно остро чувствовала себя частью чего-то большего, нежели она сама. У нее постоянно возникали романы – но без эмоциональных привязанностей. Война дарила женщинам свободу непринужденной близости.

Вирджиния вспоминала свою связь с разведенным офицером, который был замечательно хорош в постели. Во время постельных разговоров он рассказывал ей, как борется за право опеки над сыном с бывшей женой. Вирджиния никогда не считала себя усложняющим фактором в жизни этого мужчины; напротив, полагала, что их отношения сродни встрече двух кораблей в ночи: встретились – и разбежались. Оказалось, отсутствие любви не мешает достижению оргазма. Просто с одними мужчинами это происходило проще, чем с другими.

Некоторые мужчины очаровывали Вирджинию интеллектуально. Один ее бойфренд, одаренный скрипач, призванный на военную службу из Питтсбургского симфонического оркестра, поделился с ней ценными знаниями о музыке и помог осознать ее певческий потенциал. Этот скрипач-вундеркинд был полным профаном в будуарных ритмах, но несмотря на это Вирджиния даже подумывала выйти замуж за талантливого человека, который обещал показать ей мир музыки. Их отношения охладели после высокомерных высказываний Эдны Эшельман по поводу его религии – он был католиком. Но финальный приговор их роману вынес «Дядюшка Сэм», который отослал питтсбургского скрипача на европейский театр военных действий. Больше Вирджиния никогда с ним не виделась. Еще один любовник, ушедший на войну…

Из всех своих кратковременных связей Вирджиния умудрялась выйти без потерь. Никто не смог разбить ей сердце, пока она не начала встречаться с одним армейским капитаном. В нем Вирджиния увидела мужчину умного, целеустремленного и физически привлекательного; человека, которым она восхищалась и даже восторгалась. «Ему было 26 лет, а мне чуть больше восемнадцати, – говорила она. – Он был просто волшебником в умении обращаться с людьми».

В то лето они почти не разлучались, хотя армейский капитан признался Вирджинии, что он помолвлен. «Вы напоминаете мне мою невесту», – сказал он при первом же знакомстве. Вирджиния отмахнулась от этих слов, убежденная, что ей будет достаточно ее собственной любви к нему. Она вошла в круг общения своего избранника, была принята его лучшими друзьями, их женами и подругами. Ближайший приятель капитана в Форт-Леонард-Вуде был немного старше его, в том же звании, с женой и маленьким

ребенком. Он держал на базе собственную машину и позволял капитану и Вирджинии брать ее в любое время. Во время долгих поездок они останавливались под деревьями и самозабвенно занимались любовью. Уверенная в своих чувствах Вирджиния однажды уговорила любовника проехать 70 миль до Спрингфилда, чтобы познакомить его с родителями и родственниками.

Спустя почти год Вирджиния поняла, что хочет выйти замуж за капитана. Она уже забыла их мимолетный разговор о том, что у него есть невеста, которая ждет его в родных краях. Но однажды поведение капитана изменилось: он, прежде такой открытый и ласковый, внезапно сделался мрачным и скованным. Он сказал, что собирается жениться.

Когда эта новость разлетелась по армейской базе, их дружеский кружок, казалось, сокрушался не меньше, чем сама Вирджиния. Жены и подруги офицеров – возможно, задумываясь об уязвимости их собственных отношений в военное время, – сострадали Вирджинии. Лучший друг ее бывшего любовника, тот самый женатый капитан, то и дело повторял ей: «Я на тебе женюсь, я на тебе женюсь!» – словно пытаясь исцелить ее рану. Вскоре заключила брак другая пара из их кружка, и Вирджиния пришла на свадьбу в гордом одиночестве, прихватив с собой фотоаппарат «Брауни». После церемонии она стояла у ворот старой англиканской часовни, пока толпа осыпала счастливых молодоженов рисом. Кто-то взял у нее камеру и сфотографировал ее. Позднее Вирджиния наткнулась на эту свою полинялую фотографию в позабытом альбоме – она выглядела так, будто у нее только что скончалась вся семья. «Может быть, потому-то я и не выходила замуж за тех, кого по-настоящему любила, – размышляла она вслух. – В моей душе оставалось это эхо – что меня бросили и отвергли. На самом деле, он просто не имел на меня никаких видов».

Боясь вновь получить такую же травму, Вирджиния научилась разделять любовь и желание. Теперь ее больше интересовал секс, чем мужчины, с которыми она им занималась.

Глава третья
Миссис Джонсон

«Она задумалась, не могла ли она каким-либо способом, при других обстоятельствах, встретить другого мужчину; и попыталась представить те события, которых не случилось, ту иную жизнь, того мужа, которого не знала».

Гюстав Флобер, «Мадам Бовари»

В часовне всё было белым, свежим и необычайно чистым. Вирджиния в белом креповом платье и белой модельной шляпке шла к алтарю Центральной христианской церкви в Спрингфилде. Органист играл популярные сентиментальные мелодии о вечной любви и преданности.

Очарование этой субботней свадьбы в июне 1947 года – когда «бывшая Мэри Вирджиния Эшельман», как гласило объявление в местной газете, стала женой Айвена Райнхарта – омрачалось разницей в возрасте. Невесте было двадцать два года. Ее нареченному супругу, юристу из соседнего городка Вест-Плэйнс, – сорок три. Эдну и Гарри Эшельманов совсем не радовало, что их единственная дочь выходит за мужчину почти вдвое старше себя.

С окончанием Второй мировой войны Вирджиния начала опасаться, что может в конечном счете оказаться на какой-нибудь захудалой ферме в Миссури. Ощущение, что обыденная жизнь отложена на потом, исчезло. Американцы хотели вернуться к привычному быту, к домашним радостям. В двадцать два года Вирджинии было еще далеко до старой девы, хотя многие девушки, которых она знала по школе, были уже помолвлены или замужем. За недолгой учебой в Друри-колледже последовало зачисление в Миссурийский университет, но диплом она так и не получила.

Айвен и Вирджиния познакомились несколькими годами ранее в страховом департаменте штата, в Джефферсон-Сити, где она работала секретаршей, а он был поверенным. Хотя Айвен обладал многими замечательными качествами, особенной красотой он не отличался. Высоколобый, с ястребиным носом и чуть косящими глазами рядом с невестой он был больше похож

на ее отца, чем на жениха. Но Вирджиния твердо решила выйти за него замуж, чтобы сбежать от изнурительных нотаций матери и потакания отца. Она чувствовала, что наконец-то станет самостоятельной, но не радовалась этому браку.

Перед началом церемонии священник заметил, что на свадьбе нет фотографа. Вирджинии не хотелось фотографироваться; ей была неприятна мысль, что счастливые лица ее и Айвена останутся на память потомству.

Их скромный свадебный банкет состоялся в зале при той же церкви, а за ним последовал недельный «медовый месяц». Вскоре оказалось, что их взгляды на семью расходятся – Айвен не хотел заводить детей. Развод произошел быстро.

Вирджиния нашла работу секретарши в «Сент-Луис Дейли Рекорд» – журнале, который вел светскую хронику. Это было идеальное место для поисков нового мужа. Через коллегу Вирджиния познакомилась с Джорджем Джонсоном, мужчиной, который был ближе ей по возрасту. Он учился на инженера в Вашингтонском университете и – что, пожалуй, еще важнее – был солистом биг-бэнда в местном ночном клубе. «Если вам когда-нибудь понадобится певица, – сказал общий приятель, знакомя их, – знай, Вирджиния умеет петь».

Джордж Джонсон безукоризненно одевался, щегольски зачесывал волосы, тщательно подстригал усы, носил очки в роговой оправе и плотно поджимал губы – результат хорошего амбушюра[3]. Он самостоятельно научился играть на деревянных духовых инструментах – кларнете, альт-саксофоне и тенор-саксофоне – и организовал собственный оркестр, исполнявший обычный репертуар биг-бендов тех дней.

Особого желания встречаться с ним у Вирджинии не было. Но Джордж Джонсон предложил ей то, перед чем она не смогла устоять, – микрофон и огни софитов. После пения в церковных хорах, университетских квартетах и армейских концертах Вирджиния, наконец, получила возможность стать профессиональной певицей, солисткой в биг-бэнде Джорджа. Его ночной мир – мир хрипловатых голосов и танцев в полутьме – казался таким далеким от ее фермерской юности.

Их свадьба в июне 1950 г. состоялась в саду пресвитерианской церкви, в хоре которой некогда пела Вирджиния. Жених был одет в светлый пиджак с галстуком в «турецких огурцах», из нагрудного кармана выглядывал платок в тон. Вирджиния снова шла к алтарю в шляпке с широкими полями. И вновь на свадьбе не было фотографа – только общий друг снял молодоженов после церемонии. Вирджинии никогда не хотелось, чтобы на ее свадьбах делали фотографии.

Вирджиния выступала с оркестром мужа в местных заведениях Сент-Луиса. Путешествия с оркестром приводили ее в восторг. Казалось, она обрела ту жизнь, о которой мечтала, свой способ добиться признания.

Но месяц шел за месяцем, и блестящая жизнь с ее утомительным режимом поздних выступлений подорвала ее здоровье. Врач рекомендовал ей найти себе другое, не такое стрессовое занятие. Она решила стать преподавательницей танцев в студии, расположенной неподалеку от их квартиры.

Джордж Джонсон не имел ничего против детей. Вирджиния, которой тогда было двадцать шесть лет, откровенно мечтала о них. Вскоре после свадьбы она родила сына, которого назвали Скоттом, а через несколько лет – дочь Лизу.

Дети стали для семейства Джонсонов эмоциональным багажом, который их отношения «не потянули». «Пока не родились дети, все было прекрасно, – поясняла Вирджиния. – Но музыканты – пташки ночные, а дети – дневные».

Джорджа часто не было дома – он все вечера напролет выступал в клубах, а по выходным еще и на свадьбах, и такая жизнь стала для Вирджинии невыносимой. Она больше не пела с оркестром. Сидеть дома с детьми ей никогда не хотелось. Она уехала из Голден-Сити не для того, чтобы застрять в такой рутине. Вечно отсутствующий муж мало чем мог ей помочь. Она крутилась, как белка в колесе, разрываясь между тем, чего она хотела от жизни, и тем, чего ожидали от нее другие. Роль работающей матери вынудила Вирджинию полагаться на бэбиситтеров, доверять заботу о своих детях незнакомым людям. Однажды вечером после работы Вирджиния обнаружила шестилетнего Скотта одного дома. Дочь исчезла вместе няней. В панике Вирджиния позвонила в полицию. Оказалось, что няня была алкоголичкой и повезла двухлетнюю девочку к себе домой, чтобы взять из заначки бутылку.

С двумя детьми на руках Вирджиния все же решилась расторгнуть брак. Миролюбивый Джордж не стал спорить, он только спросил, почему она этого хочет.

«Мне больше нечего тебе дать», – ответила она. Однако Вирджиния сохранила свою фамилию в замужестве – Джонсон.

Ее, конечно, беспокоили два неудачных брака: в те времена, когда развод в Америке был еще редкостью, это означало, что в ней есть некий изъян. Вирджиния наслаждалась сексом и взаимной привязанностью с обоими мужьями, но не нашла в них истинной, долговечной любви, о которой пела и мечтала. По необъяснимым даже для самой себя причинам она побывала замужем за двумя мужчинами (возможно, даже за тремя, если

верить некоторым свидетельствам), ни одного из которых по-настоящему не любила.

Те, кто знал Вирджинию в этот период, говорили, что она была слишком амбициозна и энергична, чтобы удовлетвориться монотонным существованием с таким человеком, как Джордж Джонсон. Джордж и сам понимал, что не сможет удержать жену, что она жаждет большего. Но когда в сентябре 1956 года были подписаны документы о разводе, миссис Джонсон все еще не вполне представляла себе, какое оно – это «большее».

Студенты разъехались на рождественские каникулы. Вирджиния шла на собеседование через пустой, засыпанный снегом кампус медицинской школы Вашингтонского университета в Сент-Луисе. В тридцать один год она была безработной, дважды разведенной матерью-одиночкой с двумя маленькими детьми и надеялась начать жизнь с чистого листа.

На собеседование она надела платье простое, но достаточно изысканное, чтобы не показать, как отчаянно она нуждается в этой работе. Ее темные волосы были убраны назад и стянуты в пучок. Легкий намек на розовую помаду оттенял губы. Ушла в прошлое гибкая грация юной фермерской дочки; зато появилась полностью сформировавшаяся фигура женщины в расцвете лет – женщины, которая уже многое повидала в жизни. Она мысленно составляла ответы на возможные вопросы и тренировалась модулировать голос, чтобы он звучал приятно и учтиво. В здании медицинского факультета Вирджиния вошла в маленький неприметный кабинет и стала ждать назначенной встречи с доктором Уильямом Мастерсом.

Поступив в Вашингтонский университет, Вирджиния планировала заняться социальной антропологией и изучать культурные различия между врожденными и приобретенными факторами в человеческом развитии. Но поскольку конкретной специализации в этой сфере не было, университетский куратор посоветовал ей обратить внимание на социологию. Она знала, что для оплаты обучения придется найти работу в кампусе и сбалансировать рабочее расписание с посещением занятий.

После развода с Джорджем Джонсоном Вирджиния снова стала зависеть от родителей, которые были только рады ей помочь. Но она знала, что эта помощь обойдется ей дорогой ценой – ценой свободы. Разрешить эту дилемму было невозможно, пока она не окончит колледж, не найдет стабильную работу и не станет зарабатывать достаточно, чтобы самостоятельно растить двоих детей. Она не могла положиться на Джорджа, который все еще мечтал добиться громкого успеха со

своим биг-бэндом – в тот самый год, когда Элвис Пресли и рок-н-ролл изменили американскую поп-музыку навсегда! Вирджиния жаждала начать все с начала, добиться самостоятельности с университетским дипломом.

На отделении социологии работы для нее не нашлось, и ее направили в медицинскую школу, где можно было договориться о должности помощницы преподавателя. Медицина Вирджинию не интересовала, и она мало что знала о докторе Мастерсе. Его исследование в области физиологии секса держалось в строгом секрете. Вирджиния считала, что оно касается борьбы с бесплодием.

Во время собеседования 41-летний Мастерс пристально рассматривал Вирджинию – с холодной отстраненностью ученого, вглядывающегося в чашку Петри. Его внешность – темные, близко посаженные глаза, лысая макушка, окруженная коротко стриженными седеющими волосами, тонкогубая улыбка, почти гримаса – делала его старше своих лет. Мастерс задал несколько формальных вопросов о биографии и опыте кандидатки. Вирджиния отвечала с апломбом, хотя у нее не было достаточно опыта. Но для Мастерса это, казалось, не имело значения. С каждым ее ответом он становился все обходительнее, пока до нее не дошло, что она принята.

Интуитивная манера Мастерса была основана на «шестом чувстве», которое развивается у опытного врача, и оно подсказало ему, что миссис Джонсон будет идеальным компаньоном для его деятельности. Однако он очень мало рассказывал о себе или о своих планах. Мастерсу предстояло оставаться загадкой длиною в жизнь. Прием Вирджинии на работу стал первым из множества его поступков, которые приводили ее в трепет и оставляли в недоумении. Казалось, Билл Мастерс все решил для себя еще до того, как Вирджиния Джонсон открыла рот.

«Почему он выбрал меня? Я до сих пор не вполне понимаю, – вспоминала она спустя много лет после первой встречи с доктором Мастерсом. – Но вдруг я стала принцессой».

Глава четвертая
Никогда не возвращаться домой

Билл Мастерс скользил по Рэйнбоу-Лейк на водных лыжах, держа на плечах красивую блондинку с развевающимися волосами. Оба махали руками восхищенным зрителям на берегу… Доктор Фрэнсис Бейкер до сих пор хранит фотографию сестры и своего соседа по общежитию медицинской школы.

Рэйнбоу-Лейк дарило редкостное чувство счастья Уильяму Хауэллу Мастерсу, молодому человеку, который знал в жизни не так уж много радостей. Летние сезоны, которые он проводил, работая консультантом туристического лагеря, были отдохновением после постоянной учебы, вначале в Гамильтон-колледже, а потом на медицинском факультете Рочестерского университета. Три года подряд Билл Мастерс после окончания занятий отправлялся в лагерь Адирондак и уезжал оттуда, когда начинался семестр, никогда не возвращаясь домой.

Однажды августовским днем 1938 года Фрэн пригласил Билла на обед в коттедж, принадлежавший его семье. Во время этого обеда младшая сестра Фрэна Джеральдина, которую все называли просто Доди, произвела на Билла неизгладимое впечатление. Он стал постоянным гостем у Бейкеров, стараясь проводить с Доди как можно больше времени. Гамильтон был чисто мужским заведением, и Биллу не хватало опыта общения с девушками. Он изо всех сил старался не показаться слишком взволнованным и косноязычным, разговаривая с Доди. «Я был не так уж хорошо подкован в искусстве ухаживания», – писал позднее Билл в своих неопубликованных мемуарах.

В долгие жаркие уикенды друзья разъезжали по озеру на шестнадцатифутовом моторном катере из красного дерева, купленном вдовой миссис Бейкер ради развлечения детей. Фрэн обычно управлял катером, пока Билл и Доди катались на водных лыжах. Но даже в этой расслабляющей обстановке Билл Мастерс окружал себя стеной, в которой позволял пробить брешь лишь немногим.

Учась в Гамильтоне, Билл проводил каникулы у своих однокурсников. «Билл не ездил на Рождество домой», – вспоминал Фрэн. Казалось, в его душе жила какая-то огромная боль, которую он всю жизнь старался преодолеть.

Отец Билла Фрэнсис Уинн Мастерс был человеком жестким, грубым и нетерпимым. Работая коммивояжером, он изъездил с женой и двумя сыновьям, Биллом и его младшим братом

Фрэнсисом, весь Средний Запад. Гнев и разочарованность этим миром у Фрэнка Мастерса почему-то сосредоточивались в основном на старшем сыне и его вымышленных недостатках. Будучи мальчиком хрупкого здоровья Билл перенес два серьезных приступа септицемии – заражения крови, которые вызвали осложнение: левый глаз стал слегка косить. Это «косоглазие» стало для Билла сущим проклятием, наградив его казавшимся свирепым взором, который многих нервировал.

К двенадцати годам Билли обладал таким интеллектом, что смог поступить в старшую школу, хотя эта поспешность оказалась ошибкой. «Я был недостаточно зрелой личностью для тех испытаний, с которыми сталкивается любой старшеклассник в школе для мальчиков», – писал позднее Мастерс. В собственной семье Билл страдал от постоянных унижений. Побои были обычным делом. «Отец звал меня в спальню, запирал дверь и принимался пороть ремнем (всегда тем концом, на котором была пряжка), – рассказывал Билл. – Он избивал меня каждый месяц-полтора настолько жестоко, что мои костлявые ягодицы порой начинали кровоточить». Предсказать, когда случится очередная порка, было невозможно, и Билл чувствовал себя совершенно беспомощным. «Он повторял, что будет бить меня, пока я не встану на колени и не попрошу пощады», – писал Мастерс в мемуарах. Билл отказывался просить, и побои становились сильнее. Мать пыталась вмешаться, но сама боялась неистовой жестокости мужа.

Став взрослым, Билл вспоминал, как отец обращался с матерью: «Он командовал ей, что приготовить на ужин и как голосовать на выборах. Новую одежду нельзя было купить, пока он ее не оценит… Все решения и события должны были получать одобрение отца».

Позднее Билл узнал, что его отец страдал от менингомиомы – растущей злокачественной опухоли в мозгу, способной вызывать головные боли, изменения личности и мгновенные вспышки ярости. «Как эта опухоль могла влиять на его поведение, я могу только догадываться, – писал он. – Отец меня не признавал, и с этим было очень тяжело жить, особенно в ранние отроческие годы…».

Последний эпизод общения между Фрэнком и его старшим сыном состоялся во время их поездки в Лоуренсвильскую школу, частное учебное заведение в Нью-Джерси. Фрэнк Мастерс в юности сам учился в этой школе, но решение послать туда Билла приняла Эстабрукс Мастерс, желая вырвать сына из жестокой хватки мужа. Двоюродная бабка мальчика Салли Мастерс оплатила обучение Билла.

В четырнадцать лет Билл покинул родительский дом в Канзас-Сити и отправился на поезде с отцом в долгий путь до Лоуренсвилля. По дороге они сделали остановку в Нью-Йорке, где отец угощал его в знаменитых ресторанах и повел на первое в жизни мальчика бродвейское шоу. Билл от души наслаждался этим уикендом в огромном городе, удивленный неожиданным великодушием отца, но при этом все время боялся, что «вот-вот рванет бомба».

В поезде Фрэнк Мастерс озаботился исполнением еще одного отцовского долга: проинформировать сына о сексе. «Ты знаешь, что есть вещи, которыми мужья и жены занимаются вместе и про которые большинство людей очень мало знают», – так начал Фрэнк. Женщина, сидевшая в том же купе со своей юной дочерью, повернулась к ним и дала понять, что им неловко слушать слова Фрэнка. Но тот продолжал говорить. «Невозможно более искаженно изложить многие подробности этой темы, но он был убежден в своей опытности», – вспоминал его сын, став взрослым.

В Лоуренсвилле Фрэнк Мастерс повел сына на экскурсию по территории школы. Они зашли в кабинет декана, который пару минут поболтал с ними и пожелал Биллу удачи в новой школе. Прежде чем вернуться в Канзас-Сити, Фрэнк Мастерс побаловал сына первым в его жизни «джиггером» – коктейлем из мороженого и других сладких ингредиентов. «Я решил было, что этот «джиггер» был оливковой ветвью мира с его стороны, – писал Билл в воспоминаниях. – Как же я ошибался!».

Когда они подошли к железнодорожной станции, Фрэнк Мастерс объявил сыну, что отныне он становится изгоем в собственной семье. «Раз тетя Салли оплатила твои расходы на следующие четыре года, – сказал он, – я считаю, что с моими обязанностями по отношению к тебе покончено». Отец прибавил, что будет посылать Биллу немного денег, чтобы тот мог приехать домой на Рождество, но ничего сверх этого. Он запретил сыну обращаться за помощью к матери или другим родственникам и ушел, не попрощавшись, а Билл рыдал в тот вечер, пока не уснул.

В Лоуренсвилле юный Билл стоически развивал в себе самостоятельность, занимаясь разными видами спорта, например американским футболом, и проводя несчетные часы в библиотеке – привычки, которые он пронес через весь колледж и медицинскую школу. Билл сдружился с другими мальчиками, в том числе с Карлтоном Пейтом, чьи родители пригласили его провести День благодарения у них дома в Нью-Йорке. Пока он гостил там, миссис Пейт, добрая душа, догадалась, какая боль терзает молодого человека. Она стала расспрашивать об отце, и он ответил с полной откровенностью. Когда Билл закончил свой

рассказ, у обоих были слезы на глазах.

Перед Рождеством пришло письмо от отца, в которое были вложены деньги на билет от Трентона до Канзас-Сити и обратно. Однако за время отсутствия старшего сына ничего не изменилось. В итоге Билл объявил, к ужасу матери, что уедет на следующий день после Рождества, не оставшись дома на свой пятнадцатый день рождения – 27 декабря.

Эстабрукс Мастерс уговаривала сына передумать. Когда отец уехал на работу, у них с Биллом состоялся долгий разговор. «Она пыталась как-то объяснить чувства отца по отношению ко мне, – писал Билл, – хотя не могла дать разумного объяснения жестоким избиениям и его обращению со мной». Билл жалел мать, которая была пленницей в грубом, авторитарном мире, созданном отцом. В ней уживались две разные женщины – сострадательная мать и послушная жена своего жестокого мужа.

На следующий день после Рождества Фрэнк Мастерс по просьбе сына отвез его на вокзал. Мать сунула ему в карман конверт с наличными. Билл гадал, не было ли в ее подарке скрытого обещания поддержки, но ему так и не представился шанс спросить ее об этом. В течение следующих четырех лет Эстабрукс Мастерс поддерживала контакт с сыном лишь тайком. Она звонила ему от соседей в середине рабочего дня, чтобы об этом не узнал Фрэнк. Она посылала письма Биллу в пансион, вкладывая в конверты понемногу денег, но он никогда не благодарил ее – «из страха, что отец узнает об этом и сделает ее и без того несладкую жизнь еще более тяжелой».

Прерванный рождественский визит Билла был последней в его жизни встречей с отцом. Фрэнк Мастерс умер от болезни, разрушившей его мозг, три года спустя после того, как Билл окончил Лоуренсвильскую школу и был принят в Гамильтон-колледж. К тому времени Билл уже отдалился от матери и младшего брата Фрэнка – эти отношения так никогда по-настоящему не наладились. Он решил «сделать себя» сам, найти собственную судьбу.

Трехэтажный кирпичный корпус Альфа-Дельта-Фи занимал видное место в кампусе общеобразовательного Гамильтон-колледжа. В нем обитали две дюжины членов студенческого братства. Среди них был и Билл Мастерс. В Альфа-Дельта-Фи его знали все. Он возмужал и стал крепким, самоуверенным взрослым юношей, не похожим на ранимого мальчика, каким он был раньше. Товарищи благоговели перед Мастерсом и его чисто мужским подходом к любым вопросам. Он играл в футбольной команде Гамильтона и был любимцем болельщиков, несмотря на

хроническую травму колена. Он умел боксировать – достаточно хорошо, чтобы отпугнуть задиру. Он блистал в студенческой дискуссионной команде и ездил по кампусу на собственной машине – что было редкостью в те дни. Завистливые сокурсники поговаривали о семейном трастовом фонде, из которого, как они полагали, оплачивались расходы Билла.

Хотя изначально он специализировался в английском языке, в качестве профессии Билл избрал медицину.

Самыми авантюрными приключениями Билла во время учебы в колледже были полеты на самолете. Еще в Лоуренсвилле его обучил этому друг семьи, который руководил летной тренировочной школой. Билл получил лицензию пилота и брался за любую работу в маленьких частных аэропортах.

Перед Второй мировой войной ремесло пилота все еще было делом новым и довольно опасным, и Мастерсу неплохо платили. Один бизнесмен, который часто разъезжал по стране, нанял его в качестве второго пилота своего многомоторного самолета. Ради дополнительного дохода Билл летал и как летчик-испытатель – рискованная задача, решение которой существенно повышало цену испытанного самолета. Он сам покупал и продавал самолеты, всегда с заметной прибылью. Он был достаточно безрассуден, чтобы исполнять опасные воздушные трюки. Однажды он принял пари на то, что пройдет по крылу своего самолета и прыгнет с него над Лейк-Плэсидом, в штате Нью-Йорк, недалеко от Рэйнбоу-Лейк. Однако на пути вниз Билл оказался не на той стороне от своего парашюта и утратил контроль над ситуацией. С большим трудом он справился и благополучно приземлился. Это был его первый и последний прыжок.

Фрэн Бейкер иногда летал вместе с другом и в конце концов поддался на его уговоры научиться управлять самолетом. Как и Билл, Фрэн поступил в медицинскую школу Рочестерского университета, окончив Гамильтон-колледж. Полеты сыграли решающую роль в отношениях Билла с сестрой Фрэна. В Гамильтоне Билл встречался и с другими молодыми женщинами, у него даже была постоянная подруга, которую звали Элизабет Эллис. Но после идиллических летних каникул на Рэйнбоу-Лейк он мечтал жениться на Доди Бейкер. В ее присутствии Билл становился другим человеком – словно продолжал скользить по озеру. Его обычно резкая, нетерпимая манера поведения смягчалась.

Его намерения окончательно оформились, когда Доди внезапно заболела. Фрэн договорился, чтобы сестру госпитализировали в Рочестер для небольшой операции. Под влиянием внезапного импульса Билл решил встретить ее по

пробуждении двумя дюжинами роз на длинных стеблях. Он хотел, чтобы Доди вышла за него замуж, и «чувствовал, что настало время сделать решающий шаг». Не сумев найти достаточного количества нужных ему роз в Рочестере, Билл придумал экстравагантный план, который позволил бы ему выглядеть в глазах Доди «птицей высокого полета». Он позвонил в Нью-Йорк и договорился, что заберет заказ в две дюжины роз в маленьком аэропорту у моста Джорджа Вашингтона. Когда Билл прилетел обратно к больнице, часы посещений уже закончились, но медсестра уверила его, что Доди получит розы и вложенную в них любовную записку, как только проснется.

На следующее утро Фрэн сообщил Биллу, что в Буффало умерла их с Доди бабушка, и спросил, не сможет ли Билл отвезти его сестру на самолете домой, на похороны. «Конечно», – ответил Билл, уверенный, что Доди будет рада видеть его. Однако когда он приехал в больницу, девушка выглядела расстроенной, а голова у нее все еще кружилась после анестезии. К удивлению Билла, она ничего не сказала о розовом букете и любовном стихотворении в приложенном к нему письме. Доди *не знала* об этих подарках, потому что они так до нее и не дошли! Видимо, ночная медсестра забыла отнести ей розы. Билл же предположил худшее – и ни о чем не спросил.

Билл отвез Доди в Буффало в своем двухместном самолете. Под шум мотора они не слишком много разговаривали. Когда они приземлились, Доди любезно поблагодарила Билла, но в ее словах звучала только обычная вежливость. Фрэн быстро увел Доди прочь, а Билл в одиночестве полетел обратно в Рочестер, подавленный тем, что его предложение было отвергнуто. Долгое время он ничего не слышал о Доди, которую называл единственной настоящей любовью своей молодости, пока не узнал, что она вышла замуж за молодого врача из Буффало.

Некоторые друзья и родственники сомневались в правдивости печального апокрифического повествования Билла о его утраченной любви. Была ли Доди Бейкер, скорее, мечтой, чем реальностью, тем идеализированным образом, создаваемым мужчинами из женщин, которых они, по их словам, любили, не понимая живого человека, стоящего за этой фантазией? Как мог мужчина, вжившийся в точнейшие стандарты науки и медицины, видеть эту женщину в столь романтическом ореоле? Спустя долгие годы Билл Мастерс не переставал гадать, как могла бы повернуться его жизнь, если бы он женился на красивой блондинке с пляжа Рэйнбоу-Лейк.

Глава пятая
Чудо для глаз

«Можем ли мы рассчитывать на получение качественного образования без вдохновения людей, стремящихся познать через свои собственные исследования вселенную, в которой обитает род человеческий, и природу человеческого тела и разума?»

Джордж Вашингтон Корнер

В анатомическом классе Джорджа Вашингтона Корнера человеческое тело было чудом для глаз. Корнер показывал студентам качающее кровь сердце, утонченную архитектуру позвоночника, жизненно важные функции печени, почек, кишечника и другие дивные дива мышц, костей и тканей, описанных в учебнике «Анатомия Грэя». Студентам казалось, что их профессор мог вернуть к жизни даже труп.

Преподававший в Рочестерском университете Корнер был знаменитым врачом и произвел сильное впечатление на Билла Мастерса. Тот собирался стать обычным практикующим врачом, но Корнер вдохновил его сделаться ученым, вечно бросающим вызов неисследованным областям медицины. Мастерс вспоминал, как Корнер говорил ему: «Билл, невозможно узнать слишком много».

Подобно деятелям эпохи Возрождения Корнер мог говорить не только о ремесле, но и об истории анатомии. Он пел хвалы Аристотелю как отцу биологии и со знанием дела рассуждал о практике иссечения тканей у ассирийцев, иудеев и греков. Особенно он восхищался чудесами репродуктивной системы, источника всей жизни. «Когда мир впервые узрел яйцеклетку млекопитающего в 1827 году, это открытие решило великую задачу, но в то же время поставило бесконечный ряд новых вопросов, в которых мы до сих пор разбираемся», – писал позднее Корнер в своей автобиографии.

Прежде чем основать факультет анатомии в Рочестере Корнер учился и преподавал в университете Джонса Хопкинса, исследуя гистологию и физиологию репродуктивной системы. Он понимал, до какой степени религия, культурные традиции и обыкновенное невежество тормозили человеческие знания о половом размножении. Особенно его ужасала сама медицина. «Попытки

гинекологов лечить функциональные расстройства менструации и бесплодия были беспомощным барахтаньем, едва ли продвинувшимся далее процедур времен Гиппократа, – писал Корнер в 1914 году. – Как могли мы надеяться на что-то, если не понимали циклов человеческого организма?».

Автор одного учебника делил историю акушерства и гинекологии на «до-корнеровский» и «после-корнеровский» периоды. Его труды привели к фундаментальным открытиям в области контрацепции и создания противозачаточных таблеток. Корнер и его доверенный коллега из Рочестера Уиллард Аллен первыми обозначили роль прогестерона, ключевого гормона в менструальном цикле. Многие ожидали, что он получит Нобелевскую премию.

В лаборатории Корнер проводил репродуктивные исследования на обезьянах и кроликах, и его студенты видели, как эти функции устроены у млекопитающих.

– Мастерс, рад видеть вас на борту, – провозгласил Корнер, входя в свой профессорский кабинет. – Вам известно, циклично ли менструируют крольчихи?

Мастерс, казалось, потерял дар речи.

– Доктор Корнер, я понятия об этом не имею, – признался он.

Хотя Корнер был одним из самых талантливых ученых в своей сфере, он оставался этаким добродушным дедушкой, присматривающим за своими подопечными. Он решил больше не мучить Мастерса.

– Вот и я не знаю, – весело проговорил Корнер. – Когда выясните, расскажите мне.

Первые попытки Мастерса заставить крольчих менструировать не имели особого успеха. «Я потерпел неудачу, – вспоминал он. – Они не желали делать это ради меня». Но наблюдение за кроличьей любовью в лаборатории принесло свои плоды. Мастерс со временем выяснил, что у самки кролика происходит непроизвольная овуляция, когда на нее взгромождается самец.

Вскоре Корнер покинул Рочестер ради еще более престижного поста в Институте эмбриологии Карнеги в Балтиморе, где он оказал влияние на многих молодых исследователей. Примерно в то же время, после третьего курса обучения в медицинской школе, в 1942 году Мастерс получил приглашение от своего старого преподавателя из Балтимора присутствовать на его встречах с ведущими репродуктивными биологами США, которые посещали лабораторию Корнера.

Мастерс жадно впитывал их оживленные дискуссии и мечтал тоже оставить свой след в медицине. Однажды Карл Хартман,

давний знакомец Корнера, который помогал создавать опытную лабораторию приматов Института Карнеги, рассказывал, как трудно ему было заставить самку обезьяны заняться сексом с самцом. В конце концов обезьяна разозлилась на Хартмана и укусила его за большой палец. Размахивая укушенным пальцем, Хартман просил помочь ему решить эту проблему и вдруг обратился к молодому студенту-медику:

– Мастерс, когда я рассказывал о том, как пытался заставить эту самку спариваться, у вас был такой мечтательный вид – о чем вы думали?

Мастерс с тем же зачарованным выражением ученого-исследователя ответил:

– Я размышлял о человеческих самках. А что, если у женщин существует невыявленный циклический паттерн желания?

За обеденным столом воцарилось гробовое молчание. Сама идея ставить эксперименты на женщине, исследовать ее физиологию и сексуальную реакцию казалась гарантированной путевкой к профессиональному фиаско и, возможно, к аресту по уголовному обвинению. Никто не отваживался зайти дальше опытов на кроликах и обезьянах.

До конца своего пребывания в Балтиморе Мастерс советовался с Корнером и остальными специалистами, пытаясь понять, чем может быть чревато исследование женской сексуальности и как его осуществить. В конечном счете они пришли к списку из четырех пунктов: исследователь секса должен быть женатым мужчиной, возрастом ближе к сорока годам, обладающим солидной внешностью. («Лысина у меня появилась уже в 23 года, так что за этим дело не стало!» – саркастически замечал потом Мастерс.) И, самое главное, этот отважный ученый должен показать себя как талантливый исследователь в родственной медицинской сфере и опираться на институциональную поддержку какого-нибудь университета, предпочтительно его медицинского факультета.

В отличие от этих маститых ученых родом из викторианской эпохи, Мастерс видел себя врачом современных взглядов. Тем не менее он собирался последовать их совету. Имея долгосрочный план, Билл вернулся в Рочестер, чтобы завершить последний год учебы в медицинской школе, гадая, где ему проходить интернатуру – на поприще психиатрии или в сфере акушерства и гинекологии.

Элизабет Эллис терпеливо ждала дня, когда она выйдет замуж за Билла Мастерса. С того вечера, когда они танцевали на вечеринке в их первый год учебы в Гамильтон-колледже, она

знала, что он – ее единственный избранник. Когда Мастерс уехал в медицинскую школу в Рочестер, а Элизабет работала секретарем на фабрике в Утике, штат Нью-Йорк, более чем в сотне миль от него, молодые люди продолжали изредка встречаться. Если она и знала о его страсти к Доди Бейкер, то не давала этого понять. Элизабет не беспокоило, что ее избранник может жениться на ней «на отскоке» – чтобы преодолеть одиночество и обиду, вызванную отказом другой женщины. Умный, спортивный и трудолюбивый Билл Мастерс был мужчиной, на которого, как ей казалось, она могла рассчитывать, мужчиной, которого Элизабет Эллис искала всю свою жизнь.

Бетти Эллис – Либби или попросту Либ, как часто называл ее Билл, – любила и уважала его больше, чем любая другая женщина в его жизни. Ее нельзя было назвать красоткой от природы, но Бетти была стройной, миловидной молодой женщиной с сияющими глазами и полными губами, а ее темные кудрявые волосы всегда были тщательно уложены. Она одевалась, насколько позволял ее скромный достаток, достаточно хорошо, чтобы выглядеть так, будто она только что сошла с рекламы шикарного универмага. Либби была достойной молодой леди, которая годится в докторские жены. Аддисон Уордвелл, приятель Билла по студенческому братству в Гамильтоне, говорил, что чувство привязанности между ними было взаимным. Годы спустя Билл описывал суть своих отношений с Либби не как романтическое чувство, а, скорее, как две объединенные судьбы. «Чем больше мы виделись, тем сильнее ощущали, что нас ждет важное общее будущее».

Гамильтон-колледж строго ограничивал общение со «слабым полом», как именовали женщин образованные джентльмены. Танцы в Альфа-Дельта-Фи устраивались только дважды в год. Мужчины на втором этаже здания уступали свои комнаты юным леди, которые оставались ночевать под надзором добровольной гвардии дуэний. Несомненно, Билла привлекала идея встречаться в парке с девушкой-студенткой вроде Либби, целоваться и ласкаться в лунном свете среди цветущих деревьев, вдали от взглядов строгого воспитателя.

Задолго до того как Элизабет Эллис познакомилась с Биллом Мастерсом она испытала немало разочарований и сердечных травм. Ее мать умерла, когда Либби было около десяти лет. От этого удара Либби и оставшиеся члены семьи Эллис так и не оправились. Вскоре исчез отец семейства Гай Эллис. Без всякого предупреждения он снялся с места и пропал – как не было. Он попросту бросил Либби и двух ее сестер, Марджори и Вирджинию, и отправился во Флориду, в теплые края, столь

гостеприимные для мужчины, бегущего от своих обязанностей. Так отец стал для Либби фантомом, утраченным навсегда.

Либби и ее сестры переехали жить в семью дяди Стива – богатого и доброго соседа – и его жены. Они не были девочкам родственниками, но сжалились над детьми и нашли для них место в своем доме. Еще до того как Элизабет окончила школу, Великая депрессия принесла новые трагедии ей и ее новым родителям. Значительное состояние дяди Стива рухнуло вместе с экономикой, что привело его к самоубийству. Пережив крах и родной, и приемной семей, Либби мечтала встретить мужчину, который умел бы держать удары судьбы.

После почти пяти лет ожидания, перед четвертым курсом обучения в Рочестере, Мастерс, наконец, женился на Либби. Скромная церемония прошла в Детройте, единственном месте, которое она могла называть своим домом. «Он говорил ей, не готов к серьезным отношениям, потому что ему предстоит еще немало учиться и работать, чтобы сделать себе имя, – вспоминал двоюродный брат Либби Таунсенд Фостер-младший. – Но она уже и так слишком долго ждала, и они поженились».

Молодожены сняли маленькую квартирку, от которой можно было пешком дойти до Рочестерской медицинской школы и больницы. «Денег не хватало, но мы были довольны и счастливы», – вспоминал Мастерс. Получив диплом, он решил пройти больничную подготовку в области акушерства и гинекологии, чтобы понимать анатомию и физиологию человеческой репродуктивной системы. Честно говоря, он не рассчитывал узнать что-нибудь новое о сексе в этой консервативной специальности.

И тут Мастерсу повезло. Прежний наставник, доктор Корнер, помог ему получить интернатуру у Уилларда Аллена, одного из лучших репродуктивных эндокринологов в стране. Аллен и Корнер вместе открыли гормон прогестерон, преобладающий во время овуляции и беременности, выделив его из желтого тела (временной железы, образующейся из гранулезных клеток фолликула яичника во время менструального цикла) крольчих. Доказательство того, что в организме существует не один половой гормон (ранее был известен только эстроген), подняло репутацию Аллена на недосягаемые академические высоты, где уже парил доктор Корнер. Аллен был блестящим и умелым хирургом и одним из самых молодых заведующих кафедрой.

К лету 1943 года Билл и Либби Мастерс перебрались в Сент-Луис, где молодые супруги планировали начать новую жизнь и завести детей. Корнер не просто содействовал карьере Мастерса; он дал ему «добро» на изучение неведомых закоулков

человеческой сексуальности. Теперь Билл Мастерс был уверен, что убедит в ценности своих исследований весь мир.

Глава шестая
Эксперт по рождаемости

Молодая женщина на операционном столе уже потеряла плод и умирала, лежа в луже крови. У нее не прекращалось кровотечение из-за *placenta percreta* – редкого катастрофического заболевания, когда плацента проникает сквозь стенку матки в другие органы и лишает ребенка жизненно важных питательных веществ. Три молодых врача на четвертом этаже «Клиники материнства» не могли спасти больную, как ни старались. Они сделали кесарево сечение, чтобы удалить остатки плаценты. Кровотечение не прекращалось. Врачи понимали, что, если им не удастся срочно что-то придумать, женщина умрет у них на руках.

«Это был самый тяжелый случай в моей жизни», – вспоминал Эрнст Фридрих, который в ту ночь был дежурным врачом.

Отчаянный звонок раздался в кабинете дежурного преподавателя медицинской школы Вашингтонского университета поздно вечером накануне Рождества. «Он сбросил пальто прямо в коридоре, натянул форму и направился в операционную, – вспоминал Фридрих. – Доктор Мастерс сразу увидел, в чем проблема, и понял, что надо делать. Он ничего не обсуждал, не медлил ни секунды. Он сделал то, что было необходимо, и вытащил нас из беды».

Мастерс спас женщине жизнь исключительно благодаря профессиональному владению скальпелем, своему пониманию сложного устройства женской репродуктивной системы и решительности. Его медицинская репутация формировалась такими героическими актами, как эта виртуозная операция.

К 1950 году Мастерс провел всю необходимую подготовку для изучения человеческой сексуальности. Назначенный ассистентом профессора акушерства и гинекологии в Вашингтонском университете он стал вторым лицом на факультете – после Уилларда Аллена. Они с Либби перебрались в уютный домик в Клейтоне, потом в дом побольше в Лейдью, богатом предместье Сент-Луиса. Мастерс составил себе завидную практику из богатых пациентов, бесконечно благодарных ему за каждую проведенную беременность, роды и успешные роды.

Билл сохранил крепкую и подтянутую фигуру; каждое утро перед работой он совершал пробежку. Он носил жесткие накрахмаленные сорочки и всегда надевал к ним галстук-бабочку. Его косящий взгляд казался признаком отстраненности от

окружающих, свойственной настоящему ученому. На занятиях его нелегко было заставить улыбнуться. Подросток, который когда-то был настолько не уверен в себе, что отказывался приезжать в родительский дом, раскрылся, явившись на свет из тугого кокона замкнутости.

«Он был ужасным гордецом, и вся его одежда была сшита на заказ, – вспоминал доктор Френсис Райли, его помощник. – Он менял свой белый халат дважды в день и пользовался только белыми шариковыми ручками». Некоторые считали Мастерса слишком высокомерным, но никому не хватало духу сказать ему это в лицо. «Он ставил себя выше других не только как врач, но и как личность, – говорил Юджин Ренци, еще один постоянный сотрудник отделения акушерства и гинекологии в 1950-х годах. – У него было огромное самомнение». Коллеги помнили стильную черную спортивную машину-кабриолет, на которой Мастерс разъезжал по кампусу. Когда шел дождь, он не поднимал верх машины, а только закутывался в брезент.

В конце пятницы преподаватели кафедры акушерства и гинекологии Вашингтонского университета и врачи-ординаторы собирались для обсуждения хирургических методов и ведения клинических случаев. На эти откровенные дискуссии не допускались ни медсестры, ни студенты-медики. Мастерс обожал вносить сумятицу в эти встречи, играя роль «адвоката дьявола». «Он, бывало, встанет и говорит: «Нет, я сделал бы это *так-то и так-то*», – просто, чтобы показать, что в медицине существует не один способ действия», – говорил Марвин Реннард, еще один бывший сотрудник. Мастерс бросал вызов медицинской ортодоксии так, как это мог сделать только превосходный врач-практик. Он был мостиком между двумя эпохами».

Однажды в пятницу яростные дебаты разгорелись вокруг кесарева сечения, поскольку за полгода их количество подскочило с трех до шести процентов всех случаев. В начале 1950-х годов большинство акушеров полагались исключительно на вагинальные роды, независимо от того, как долго длились схватки у матери. Старшие профессора, проходившие подготовку в 1930-х годах – когда еще не было пенициллина и банков переливания крови и анестезия могла привести к катастрофе, – предостерегали своих молодых подчиненных, чтобы те не очень-то «размахивали скальпелем». Врачи по очереди рассказывали о том, как у них получалось «справиться» с женщиной, вынесшей более суток схваток. Наконец, кто-то спросил:

– Доктор Мастерс, а что сделали бы вы?

Мастерс ответил кривой усмешкой и краткой репликой:

– У меня не возникло бы такой проблемы. Я бы сделал ей

сечение *задолго до этого*.

Мастерс не был на факультете «своим парнем»; он не ходил с коллегами в бар или на воскресные гольф-матчи. Он проводил все время в «Клинике материнства». Если пациентка опаздывала на прием более чем на десять минут, Мастерс отказывался ее принимать. Ей приходилось заново записываться, а если она опаздывала и во второй раз, он больше никогда не имел с ней дела. Будучи экспертом в новой сфере рождаемости, Мастерс настаивал, чтобы женщины приводили с собой мужей.

Но несмотря на внешнюю суровость, Мастерс был очень внимателен к женщинам, таким уязвимым перед несправедливостями жизни. Майк Фрайман, врач-практикант, однажды вошел в смотровую, где Мастерс проводил рутинный осмотр пожилой негритянки. В то время еще сохранялась расовая сегрегация, и в «Клинике материнства» имелся собственный «черный» этаж, где проходили лечение цветные женщины и их малыши. Крохотной худенькой старушке-вдове было за восемьдесят. Под конец приема Мастерс спросил:

– Когда у вас в последний раз был сексуальный контакт?

Старушка подняла голову и улыбнулась легкой, почти благодарной улыбкой.

– Ах, доктор Мастерс, – ответила она, – в моем возрасте нелегко найти себе хорошего дружка.

«Это было очень ценно для меня, – вспоминал Фрайман. – Задавая свой вопрос, он признал в ней сексуальную и все еще привлекательную женщину».

К середине 1950-х годов Мастерс стал одним из первых в США врачей, использовавших при родах каудальную анестезию – местный анестетик для каудального канала, расположенного в самой нижней части позвоночника. Это позволяло избежать риска, что беременная потеряет сознание при эфирной или общей анестезии. В 1955 году Мастерс и Уиллард Аллен написали для Американского журнала акушерства и гинекологии (*American Journal of Obstetrics and Gynecology*) статью о новом оперативном методе, который мог помочь тысячам женщин, страдающих от болей в области таза. Это состояние стало известно как «синдром Аллена-Мастерса», и со временем, по мере того как Мастерс обретал известность, их фамилии в названии начали менять местами.

Мастерс отважно выступал в защиту новых хирургических решений самых безнадежных случаев, например создания искусственного влагалища для женщин, у которых оно отсутствовало от природы. Он провел семь таких операций – и на

этих примерах особенно остро осознал, как сильно половая функция может влиять на психическое здоровье пациентки. Доктор Марвин Гроуди, преподаватель медицинской школы, вспоминал одну девушку-подростка, которой Мастерс сделал искусственное влагалище. Она была так благодарна, словно ей подарили новую жизнь. «Эта пациентка не могла иметь детей, – вспоминал Гроуди, – но теперь получила возможность наслаждаться соитием».

Уиллард Аллен стал идеальным покровителем для исследований Мастерса в области половых гормонов, рождаемости и основы всего этого – половой жизни. Работая в «Клинике материнства», Аллен соглашался стерилизовать женщин путем перевязки труб (при условии, что она родила «достаточно детей», с согласия мужа и при приемлемых данных анализа крови). Через десятки лет перевязка труб стала обычной операцией, но в те времена подход Аллена поражал как сотрудников, так и пациенток.

Поначалу Мастерс присоединился к Аллену в изучении терапии гормонозамещения, выясняя, как возвращение эстрогена и прогестерона в организм пожилой женщины помогает избежать трудностей в постменопаузе. Многих удивляло, как два столь разных человека могут быть близкими друзьями. Уиллард Аллен обладал легким и необидчивым характером. Билл Мастерс был очень талантливым врачом, и пациентки буквально молились на него. Но его нельзя было назвать общительным и веселым.

К 1953-му, своему десятому году в Вашингтонском университете, Мастерс все сосредоточился на проблеме рождаемости, помогая супружеским парам с зачатием. Он учредил в «Клинике материнства» исследовательскую программу по бесплодию и создал один из первых в США банков спермы. Гарвард, Колумбийский университет и несколько других учебно-лечебных медицинских учреждений в стране проводили похожие операции, но ни одно из них не продвинулось дальше, чем Вашингтонский университет. Отчаявшиеся зачать ребенка люди считали знания и умения Мастерса даром Божиим.

У Доди Бродхед были трудности с зачатием, а у ее мужа – низкий уровень жизнеспособных сперматозоидов в сперме. В программе «Службы бесплодия» первый сеанс для таких пар начинался с урока о сексе. «Меня удивляло, насколько мало люди знают о начале беременности, – вспоминал Фрайман, в те времена младший коллега Мастерса. – Он помогал женщинам понять, в какой момент они с наибольшей вероятностью способны зачать и как при этом должны вести себя мужчины».

В те времена такое лечение сопровождалось определенными социальными стигматами. Ходили шутки, что мужчины – пациенты Билла Мастерса надевают на головы бумажные пакеты, чтобы их не узнали. Но большинство пар готовы были делиться подробностями своей интимной жизни, надеясь на успех в игре, где ставкой было рождение ребенка.

Мастерс назначал прием на точное время и в очень конфиденциальной обстановке, чтобы пациенты не видели друг друга. Если не получалось добиться быстрого результата, супруги проходили через ряд процедур, разработанных для увеличения их шансов. Этот список включал самые разнообразные маневры: женщины сдавали вагинальные мазки, чтобы оптимизировать время возникновения овуляции, а мужья собирали биологический материал либо путем мастурбации, либо в презерватив и приносили образцы своей спермы в бумажных пакетиках, словно школьный обед.

Для женщин, вышедших замуж за бесплодных мужчин, предпочтительными донорами банка спермы были студенты-медики. С донорским оплодотворением эффективность колебалась в районе 90 процентов.

По мере того как слава Мастера росла, пациентки стали прибывать со всех концов страны и даже из-за границы. Доди Бродхед вспоминала, как однажды она долго ждала в смотровой, пока, наконец, не появился Мастерс, извиняющийся и расстроенный. Доди, на правах подруги Либби Мастерс, спросила, что случилось.

– У меня здесь была милейшая женщина, и мне пришлось объявить ей, что она бесплодна и ничего нельзя сделать, – признался Мастерс. Он сказал, что муж этой женщины пошел бы на что угодно, чтобы иметь сына. Потом, помолчав, добавил: – Это особенно печально, потому что она – супруга шаха Ирана и просто обязана родить наследника.

Бродхед приняла это за красивую выдумку, но несколько месяцев спустя прочла в газетах о печальной судьбе принцессы Сорайи Эсфандияри Бахтияри, жены иранского шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. У их союза было одно негласное условие: Сорайя должна была произвести на свет сына. Однако эти двое искренне полюбили друг друга. Первой женой шаха была египетская принцесса, это был брак без любви, организованный их семьями, и в результате его на свет появилась дочь, но наследника мужского пола так и не было. Сорайя не могла забеременеть. Между тем политики и религиозные лидеры Ирана настаивали, чтобы шах произвел на свет сына, способного когда-нибудь

возглавить страну и поддержать политическую стабильность. Их настойчивость усилилась после неудавшейся попытки убить дружественного Америке монарха.

Во время поездки в Соединенные Штаты супруга шаха встречалась с ведущими экспертами по рождаемости, надеясь найти решение проблемы. Один врач предложил ей неопробованную хирургическую операцию, в конечном счете отвергнутую как слишком рискованную. Мастерс не обещал никакого чудесного исцеления. Изучив рентгеновские снимки фаллопиевых труб Сорайи, он сразу убедился в безнадежности случая. В 1958 году шах развелся со своей единственной любовью, полагая, что так спасает свой трон. Долгие годы, вплоть до исламской революции, личные врачи Резы Пехлеви приезжали учиться к Мастерсу.

Как-то на вечеринке у одного из соседей Мастерс признался Доди, что его главная цель – изучение самого секса.

– Люди едут к вам лечиться со всего мира – почему же вы переключаетесь на столь сомнительную тему? – спросила ошарашенная Доди.

– Я хочу совершить открытие, – без обиняков ответил Мастерс. – Я хочу, чтобы мое имя вошло в историю.

Глава седьмая
Примерная жена

«Величайшее из всех проклятий – проклятие бесплодия, и суровейшего осуждения из всех заслуживает бесплодие добровольное. Первая жизненная необходимость любой цивилизации состоит в том, что мужчина и женщина должны быть отцом и матерью здоровых детей, чтобы их раса прирастала, а не сокращалась».

Теодор Рузвельт

Как радовалась Мардж Фостер, когда по соседству поселились Мастерсы! Она была знакома с Бетти еще с юных дней, проведенных в Мичигане, к тому же они состояли в некотором родстве. Мардж была невесткой старшей сестры Бетти Марджори. Их мужья, Торри и Таунсенд Фостеры, были братьями. Она считала Бетти своей давней подругой и замечательной женой для Билла, уважаемого университетского врача. У Бетти и Билла в жизни было все, кроме детей.

Мастерсы производили впечатление «сливок общества», и его поддерживали богатые подруги Бетти из епископальной церкви св. Петра в Лейдью. Пациенты Билла казались персонажами из салонной пьесы – обеспеченные женщины из Сент-Луиса, которым нравился эксцентричный доктор с галстуком-бабочкой. Из подруг и знакомых своей жены, из местных клубов, частных школ и «сарафанного радио» в среде высшего класса Билл создал достаточно обширную практику, чтобы впоследствии направлять пациенток своему младшему коллеге, доктору Мартину. Спустя несколько месяцев Мартин попросил у Билла консультацию по теме, по которой эти пациентки всегда хотели получить совет, – речь шла о сексе.

– Билл, все эти леди из высшего общества несчастливы в браке, – пожаловался Мартин, одновременно расстроенный и озадаченный.

Мастерс улыбнулся ему, как профессор студенту.

– Просто говорите им: «Мне ужасно жаль, что вы несчастливы в браке. У вас есть три варианта: оставить все, как есть, получить развод или завести любовника. Спасибо, что пришли, оставьте

деньги моей помощнице», – объяснил он.

Мартин усвоил эту мантру от Мастерса, своего наставника, как евангельское откровение.

В первое время Элизабет Мастерс работала секретаршей у доктора Отто Шварца, пожилого врача, который был главой отделения акушерства и гинекологии Вашингтонского университета до Уилларда Аллена. Во время университетских каникул они приглашали к себе соседей, друзей и коллег из медицинской школы, в том числе и подчиненных Билла. Они выглядели идеальной парой. Была только одна проблема: супруги Мастерс никак не могли добиться беременности.

Впоследствии Мастерс никогда не упоминал о трудностях с рождением детей в его собственном браке. Однако в разговорах с Вирджинией Джонсон Билл предположил, что проблема в репродуктивной системе Либби. Он объяснил, что кислотный «летальный фактор» во влагалище Либби убивал его сперму, и только благодаря его научной работе у Мастерсов в конечном счете родилось двое детей. Дочь по имени Сара, или Салли Мастерс, родилась в 1950 году, а сын Уильям Хауэлл Мастерс-младший – на следующий год. Это было наградой Биллу за его работу над бесплодием.

Мастерс разработал «колпачковый» метод, применив его одним из первых. Его сперма собиралась в пластиковый «колпачок», затем вводилась через влагалище Либби в шейку матки и благополучно оказывалась в фаллопиевых трубах. Эта мифическая версия происхождения двух детей Мастерса – сказка, которую Билл по секрету рассказал Вирджинии, – отлично вписывалась в его репутацию эксперта по рождаемости.

На самом деле Элизабет не могла забеременеть потому, что у Билла Мастерса была олигоспермия – низкое число сперматозоидов. Признаться в этом Билл не мог – это стало бы брешью в старательно выстроенной броне его мужественности. Мужчинам, подобным Биллу Мастерсу, не полагалось иметь сложностей с потенцией. Кроме того, Билл опасался, что его бесплодие может повлиять на его статус в университетской клинике. Поэтому он решил либо не говорить никому ничего, либо создавать некую вариацию истины.

Либби Мастерс хотела стать матерью и покорно доверилась мужу. Как и другие пары, мечтающие о ребенке, они терпели унижения и грубые, похожие на кулинарные рецепты методы искусственного оплодотворения, которые тогда были в ходу в американской медицине. В медицинской школе с каждой парой обсуждали, *когда, как часто и как именно* надо совершать половой

акт, чтобы получить оптимальные шансы на зачатие. Мастерс предлагал супругам «шахматное коитальное расписание», в котором эпизоды секса были отделены друг от друга примерно 36 часами – обычно на двенадцатую ночь, четырнадцатое утро и пятнадцатую ночь в пределах нормального женского 28-суточного менструального цикла. «Мужчине часто требуется от 30 до 40 часов, чтобы число сперматозоидов вернулось к нормальному», – говорил он. Мастерс советовал каждой женщине для начала расслабиться, лежа на спине и подложив подушку под бедра. Когда мужчина приближается к «стадии эякуляционной неизбежности», Мастерс рекомендовал резкий и решительный финиш. «Он должен совершить максимально возможное вагинальное проникновение, остановить процесс коитальных фрикций, удерживать пенис в глубине влагалища, эякулировать, а затем вынуть его немедленно», – наставлял Мастерс. Никакого промедления и ожидания «волшебного момента». Секс в этом сценарии напоминал финальный взмах шпаги в бою или накачивание шины насосом, а не проявление нежности. После слияния женщине следовало согнуть ноги в коленях, поджать их к груди и оставаться в такой позе около часа, чтобы ни капли драгоценных выделений не ускользнуло из влагалищного канала.

Но неважно, насколько унизительным казались эти указания, ведь они помогали создать чудо жизни. Маленькие лекции Мастерса творили чудеса. После лекции об основах секса один из восьми случаев приводил к беременности не позже, чем через три месяца.

Случай Мастерса был сложнее и безнадежнее чем большинство других. Сноска в статье *JAMA* описывала «Э.М.» и ее мужа как «пару, проходившую интенсивное лечение по поводу семилетней проблемы бесплодия с выраженной олигоспермией и дважды достигшую зачатия путем применения колпачка». На самом деле, шансов у них было немного. Из 14 пар, которые перенесли более трех лет стерильности, лишь пять в конечном итоге зачали.

Со статистической точки зрения Мастерсам повезло. В их семье муж был врачом и умел пользоваться колпачком в домашних условиях, вместо того чтобы приезжать в больничную клинику. Можно представить себе, как клиническая атмосфера тормозила восприимчивость женщины, жаждущей забеременеть, да еще в присутствии мужа, нетерпеливо ждущего результатов, и врача в резиновых перчатках!

Мастерс стал более сочувственно относиться к своим пациенткам, познав на собственном опыте отчаянное стремление иметь ребенка. Он не предлагал им никаких средств, которые они

с Либби не испробовали дома. Он разработал план совместного собеседования с парой, а также раздельных бесед с каждым из партнеров – формат, который он позднее усовершенствовал как исследователь секса.

Либби Мастерс послушно исполняла супружеский долг, соглашаясь на все средства, которые изобретал ее муж. Она мирилась с пластиковыми колпачками, специальными вымачивающими растворами и резиновыми перчатками. Она часами лежала на спине, подняв вверх колени и соглашалась, чтобы ее личный опыт был использован в статьях мужа. Но как только родились двое детей Мастерса – плод их долгих странствий по пустыне бесплодия – Либби решила, что с нее хватит медицины.

Она оставила секретарскую работу в университете и сообщила Биллу, что больше не сможет помогать ему в исследованиях. Теперь ее долг – быть дома и растить детей.

Глава восьмая
Академическая свобода

«Только путем истины человек может наращивать силу. Как говорит об этом университетский девиз, Per veritatem vis[4]».

Этан Шепли

В 1954 году Этан Шепли победил на выборах ректора. Этот человек всегда поощрял академическую свободу и исследования. Он создал для Билла Мастерса идеальные условия.

Мастерсу было почти сорок лет, и он уже целое десятилетие преподавал в медицинской школе Вашингтонского университета. Его работа в области изучения гормонов и бесплодия была великолепна, его хирургические навыки – безупречны, а академическая репутация в сфере акушерства и гинекологии могла сравниться только с репутацией Уилларда Аллена, главы кафедры. Настала пора осуществить обширное исследование физиологии человеческой сексуальности реакции.

Альфред Кинси из Индианского университета в 1948 году опубликовал книгу о сексуальном поведении мужчин, а потом, в 1953 году, и вторую – о женщинах. Он собрал 18 тысяч личных историй, но Мастерс предлагал иной подход – напрямую наблюдать за функционированием человеческого тела во время секса. Из своих собеседований с бесплодными парами Мастерс знал, что люди далеко не всегда говорят правду о сексе. Единственная информация, которой может доверять ученый, поступает из клинического наблюдения.

Как акушеры-гинекологи Аллен и Мастерс видели в женской сексуальности анатомическую «подкладку» своей специальности, реальность, с которой врачи-практики были вынуждены смириться, но отказывались ее исследовать. Традиции, табу и карательный характер законодательства препятствовали такого рода исследованиям. Аллен предостерегал Мастерса относительно возможных последствий: «Вы можете совершить профессиональное самоубийство, занявшись этой работой».

Выслушав зажигательную речь Мастерса, ректор Шепли согласился донести его идею до совета попечителей. Хорошо знакомый с консервативными нравами своего родного Сент-Луиса ректор рассказал совету самое необходимое, без подробностей, и заверил, что Билл Мастерс заслуживает поддержки. Чиновники

Вашингтонского университета «были в ужасе…, но если бы они знали, что̀ мы собираемся делать, их ужас был бы еще сильнее», – вспоминал Мастерс.

26 июня 1954 года Мастерс получил разрешение на свое исследование. Он чувствовал себя окрыленным. Ему представился шанс, наконец, делать то, к чему он готовился всю свою карьеру. Однако его счастье было неполным. Шепли объяснил, что попечители нервничают, боясь потерять важные для университета пожертвования бывших питомцев, если просочится новость о том, что Мастерс занимается исследованиями секса. Ему предстояло найти собственные источники финансирования, держать всю программу в строгом секрете и регулярно информировать ректора о своих будущих действиях.

Шесть недель спустя Мастерс впервые отчитался перед ректором. В это время – в августе 1954 года – Альфред Кинси умер от сердечного приступа. Перед Мастерсом открылась прямая дорога к тому, чтобы стать новым первопроходцем в исследованиях секса.

Получив одобрение ректора, Мастерс отправился в библиотеку медицинской школы. Но во всем Вашингтонском университете он сумел найти лишь одну работу по половому функционированию. Этот учебник был написан бывшим главой отделения акушерства и гинекологии Иллинойского университета, который, как узнал Мастерс, опубликовал его только после выхода на пенсию. В университете эту книгу держали в резервном фонде. Мало того, Мастерс даже не имел права ее увидеть.

В учебнике содержались наброски мужских и женских гениталий, которые, как опасалось начальство библиотеки, могли считаться порнографическими. Только полноправные профессора, главы факультетов и библиотекари могли взять эту книгу. Мастерсу пришлось просить об этом Уилларда Аллена.

На протяжении столетий все разговоры о сексе были сосредоточены на продолжении рода, а его единственной целью считалось приумножение семьи, племени или нации. Хотя религии, философии и политические трактаты определяли любовь между мужчиной и женщиной как краеугольный камень цивилизованной культуры, а часто и смысл самой жизни, лишь единицы в медицинской сфере изучали их базовые основы. Начиная со времен древнегреческого врача Гиппократа, «патриарха медицины», человеческая сексуальность оставалась сферой игнорируемой и демонизируемой.

Однако у каждого мыслителя была своя теория в отношении секса. Платон проводил различие между «вульгарной» похотью и благородной «небесной» формой эроса. Гиппократ, будучи врачом, выдвигал гипотезу о том, что и мужчины, и женщины производят семя, источающееся из позвоночника, а половая принадлежность ребенка определяется доминантным семенем одного из родителей. Греки перевязывали левое или правое яичко, полагая, что это решит вопрос пола будущего ребенка. Аристотель представлял себе процесс так: мужское семя пробуждает самого крохотного из младенцев, уже сформированного и спящего в женщине. В соответствии с преобладавшими научными воззрениями своей эпохи он советовал парам, прежде чем возлечь на супружеское ложе, свериться с погодой. «Большинство мужчин рождается, если зачатие происходит, когда дуют северные, а не южные ветры», – писал он.

В эпоху Возрождения Леонардо да Винчи проиллюстрировал анатомические изменения пола и беременности, сделав это с таким реализмом, что их потом еще много лет воспроизводили в лучших медицинских учебниках. Несомненно, даже самому целомудренному зрителю чувственные, плотские образы работ Микеланджело, Боттичелли, Рубенса и других великих художников Западной Европы намекали на сочетание наслаждения и продолжения рода в половой любви. Но даже в эту цветущую эпоху медицина оставалась пленницей политических и религиозных диктатур, которые строго следили за сексом вне официального брака. После беспутной юности, описанной в его автобиографической «Исповеди», кающийся св. Августин оказал влияние на учение церкви о сексе, способном нести зло даже состоящим в браке супругам.

Тема секса неизменно всплывала в дебатах о месте и роли женщины в обществе. Проклятиям янсенистов во Франции – с их предположениями о том, что Французская революция была подстегнута безудержными сексуальными побуждениями – вторили кальвинисты в Англии и пуритане. В Новом Свете велась охота на ведьм – бездетных женщин, чье бесплодие, как полагали, было вызвано дьявольскими кознями. Даже Мартин Лютер, великий протестантский реформатор, рассматривал женщин как низших существ, пассивные вместилища греховных мужских вожделений.

На заре индустриальной эпохи массовая миграция в города подарила людям больше времени для досуга. Экономический импульс к сексу ради производства новых рабочих рук стал утрачивать силу. Изменилась природа семейной жизни. Возникло

женское движение за равенство, в общественном сознании укоренялись и другие прогрессивные концепции, например детство, свободное от тяжелого ручного труда. Медицина все больше фокусировалась на человеческом теле, а не на небесной душе. Джон Хантер – врач, которому часто приписывают внедрение основ современной хирургии – одним из первых отверг распространенное представление о том, что мастурбация может вести к импотенции. Готовый проводить вскрытие трупов, извлеченных из могил, Хантер изучал внутренние органы репродуктивной системы. Согласно биографической легенде он первый провел успешное искусственное оплодотворение и провел на себе эксперимент по анализу на сифилис и гонорею.

Наряду с профессиональными врачами многочисленные доктора-шарлатаны предлагали «целительные» средства от любых сексуальных проблем. Шотландец Джеймс Грэм утверждал, что избавил герцогиню Девонширскую от бесплодия. Ее благодарность помогла профинансировать загородный приют Грэма «Храм здоровья». За сумму, в переводе на сегодняшние деньги составлявшую 50 тысяч долларов, богатейшие пары Британии могли провести ночь восторгов в вибрирующей «небесной постели» – устройстве, в котором «безжизненное просто обязано стать плодоносным, когда оно столь мощно взволновано восторгами любви», как гарантировал Грэм.

Склонность американцев переплетать вопросы секса с теократическими воззрениями придала полигамным мормонам храбрости искать убежища в Солт-Лейк-Сити – городе, где они могли постоять друг за друга и жениться между собой. Эта же движущая сила подвигла Джона Хамфри Нойеса учредить колонию «свободной любви» под названием Онеида в северной части штата Нью-Йорк в 1840-х годах, основываясь на идеалах «христианского коммунизма», евгеники и обобществления жен. В Нью-Йорке Энтони Комсток развязал свой крестовый поход против греха и порока, полный решимости изгнать все признаки непристойности из библиотек, почтовых отправлений и театра. Некоторые первые феминистки, в особенности Виктория Вудхалл, защищали половое равенство так же, как избирательное право для женщин.

На рубеже XX столетия медицина мало интересовалась половой жизнью пациентов, в особенности женщин. В 1900 году некий врач написал статью о сексуальной реакции взрослых женщин, но редактор Журнала Американской медицинской ассоциации отверг ее. В 1916 году Маргарет Сэнджер, которая работала медсестрой и повитухой, восстала против невозможности для женщин контролировать рождаемость и

впоследствии возглавила организацию «Планируемое деторождение».

Осваивая богатства библиотеки, Билл Мастерс видел, что в сфере акушерства и гинекологии присутствует странное отвращение к вопросам секса. Мастерс подчеркнул цитату, найденную им в работе доктора Роберта Дикинсона, бывшего президента Американского гинекологического общества, который писал в середине 1920-х годов: «Учитывая неисправимую привычку нашей расы вступать в брачные союзы, вполне разумно требовать, чтобы профилактическая медицина отводила место для небольшого раздела половой гигиены, который может сыграть свою роль, придав определенным процессам любви и зачатия некоторое достоинство». Полный околичностей язык позволил доктору выступить в защиту недавно разработанных женских тампонов.

Мастерс не желал прибегать к эвфемизмам или окольным аргументам прошлого – для него это было вопросом профессиональной гордости. Он хотел знать истину о человеческой сексуальной физиологии. Получив одобрение Шепли, он счел своим долгом рассказать тому, что у него на уме.

Вначале Мастерс попросил годичный отпуск – ему необходимо будет часто отлучаться из Сент-Луиса. В ближайшие несколько месяцев он собирался опрашивать и обследовать проституток в Сент-Луисе и других городах страны. Ректор побледнел и, запинаясь, переспросил:

– Проституток… но зачем?!

– Они – единственные специалисты в вопросе секса, каких я могу найти, – ответил Мастерс.

Шепли, рыцарь академической свободы, не осмелился оспаривать это утверждение.

Глава девятая
Сквозь замочную скважину

Глава полиции Г. Сэм Прист прекрасно понимал, как праведные обитатели Сент-Луиса относятся к проституции. Он также знал, как относится к Биллу Мастерсу его жена.

У проституции в Сент-Луисе была отвратительная история. В 1850 году толпа горожан бурей пронеслась по всем городским борделям, утверждая стандарты общественного приличия. В последующие десятилетия законодательство Миссури считало проституцию тяжким уголовным преступлением. Нарушителей сажали в тюрьму, а дома терпимости закрылись навсегда. Однако Прист решил, что проститутки, которые будут помогать доктору Мастерсу в его исследовании, получат карт-бланш: никаких арестов, никаких полицейских рейдов.

В семье Приста Билла Мастерса любили – он помог появиться на свет их второму ребенку. Детективы Приста рекомендовали ему проституток, готовых стать объектами изучения, и скрывали неаппетитные подробности от прессы.

Наряду с полицейским комиссаром в совет исследовательского проекта входили Ричард Амберг, издатель «Сент-Луис Глоб Демократ» (*St. Louis Globe-Democrat*; в те времена – одной из двух газет Сент-Луиса), архиепископ Миссури и старейший из раввинов Среднего Запада. Ректор Вашингтонского университета Этан Шепли был согласен с Мастерсом в том, что такие советники бесценны, если нужно предотвратить неприятности.

– А скажите-ка мне, Билл, какого дурака вы попросите возглавить этот совет? – поинтересовался Шепли.

– Сэр, я думал, что это можете быть вы, – отозвался Мастерс.

Шепли на пару мгновений застыл, как вкопанный, а потом принялся смеяться.

– Если у вас хватает духу проделать это со мной, – посмеиваясь, проговорил Шепли, – то у меня хватит духу присоединиться к вам в вашей авантюре.

Он рекомендовал Мастерсу обеспечить содействие католического сообщества – из-за его обширного представительства в Сент-Луисе.

В католической церкви Америки Джозеф Риттер был редкой птицей – либералом, которому удалось подняться на вершину. Став в 1946 году архиепископом, он приказал интегрировать приходские школы, в то время как многие общественные школы

Миссури еще оставались сегрегированными. Мастерс пришел к Риттеру в середине 1950-х годов, когда о контроле рождаемости почти никто не говорил. Большинство прихожан приберегали упоминание о своих плотских грехах для исповедальни. На встрече с Мастерсом архиепископ приветствовал серьезные исследования стрессовых аспектов брака, не дающих супругам спокойно жить. Он сообщил, что не сможет принять официальный пост в консультативном совете Мастерса, но готов назначить туда священника, чтобы тот держал в курсе его канцелярию. Когда Мастерс собирался уходить, архиепископ обратился к нему со словами благодарности. «Некоторые исследовательские методы, которые вы описали, не могут быть одобрены католической церковью, – сказал он. – Зато католическая церковь весьма заинтересована в ваших результатах».

Имея в союзниках полицейского комиссара, архиепископа и ректора Вашингтонского университета, каждый из которых на свой лад свято верил в медицину, Мастерс, наконец, смог использовать проституток в своих экспериментах.

Как и в других крупных американских городах, проститутки в Сент-Луисе воспринимались как источник общественного зла. Их мужчины-клиенты считались жертвами женских пороков (и никогда – собственных добровольных поступков), по незнанию заражавшимися туберкулезом и венерическими недугами, которые они несли в свои семьи. К 1950-м годам большинство ученых мужей и помыслить не могли о том, чтобы иметь дело с проститутками.

Этот мир уличных шлюх, домов терпимости и анонимных мужчин, жаждущих секса, стал лабораторией Мастерса. За первые 20 месяцев исследования он провел беседы со 118 проститутками женского и 27 мужского пола в Сент-Луисе и других городах. Он записывал их рассказы и истории болезней и не платил им за сотрудничество, хотя другие врачи утверждают, что проститутки получали компенсацию за потраченное время. Из этой группы он отобрал восемь женщин и троих мужчин для «анатомического и физиологического исследования» – наблюдения половых актов.

Их уличная откровенность разительно отличалась от скованности пациенток из среднего класса, которые приходили на гинекологическое обследование. Эти проститутки точно знали, что именно способно возбудить вялый пенис и стимулировать сухое влагалище, и как эти две части тела могут сочетаться с максимальной эффективностью. Они помогали ему в начальный период проб и ошибок, пока он решал, как регистрировать базовые анатомические аспекты секса.

Мастерс был поражен искренностью проституток, обсуждавших своих клиентов и собственные переживания. Многие из них в подростковом возрасте начинали заниматься сексом с разными партнерами в качестве платы за то, что их водили в кино или на другие общественные развлечения. Поскольку мужчины редко надевали презервативы, самой популярной формой контрацепции были диафрагмы, и многие женщины проходили стерилизацию.

Беседуя с мужчинами-проститутками, Мастерс часто догадывался, что ему лгут, особенно относительно «коитальной частоты и функциональной способности и эффективности». Мужчины утверждали, что обладают сексуальными способностями и мастерством, выходившими за рамки правдоподобия. Мастерс отказывался принимать таких подопытных в свое исследование; тем не менее эти беседы снабжали его детальной инсайдерской информацией.

Наблюдения в борделях обеспечили Мастерсу точку зрения, которую не могло дать ни одно собеседование. Полиция нравов пожертвовала для исследования конфискованные во время рейдов порнографические «мужские» фильмы, в которых секс был показан наглядно и довольно безрадостно. Но Мастерс объяснил, что ему необходимо наблюдать сексуальную функцию вживую, чтобы добиться объективности.

Скрываясь в тени, Мастерс отслеживал сексуальные призывы проституток и наблюдал, как реагировали на них мужчины. В домах терпимости он подглядывал сквозь замочную скважину или двойную систему зеркал. «Меня всегда интересовало, почему проститутка выбирает тот или иной подход к клиенту», – объяснял он, точно антрополог, исследующий некую неведомую цивилизацию. Некоторые проститутки демонстрировали «откровенное безразличие», в то время как другие женщины прибегали к «очевидным попыткам стимулировать, поощрить и ублажить конкретного партнера». Все они непременно спрашивали клиентов: «Откуда ты родом?». Если клиент оказывался местным, куртизанки прилагали больше усилий, чтобы понравиться ему – это повышало шансы на повторные встречи.

Подглядывание было для Билла Мастерса мучительной, стрессовой ситуацией. Ему приходилось прижиматься глазом к замочной скважине или специальному отверстию, сидя в тесноте и духоте за стеной или в потайных нишах. «Это было самым асексуальным занятием, какое только можно представить», – рассказывал он впоследствии коллегам. Мастерс засекал продолжительность сексуального взаимодействия, моменты входа

и выхода и даже частоту подскакивания участников на постели. Он представлял себе, как можно применять электрокардиограф, респираторные мониторы и другую доступную медицинскую аппаратуру для регистрации происходящих в организме изменений.

Между 1955 и 1956 годами Мастерс расширил область своих исследований до собеседований с «девушками по вызову» в других крупных городах Америки – Чикаго, Миннеаполисе и Новом Орлеане. Подготовительные мероприятия требовали полицейского моратория на аресты за неделю до визита Мастерса, в ту неделю, когда он проводил исследования, и еще неделю спустя. В качестве платы за информацию Мастерс всегда предлагал провести медицинское обследование каждой из своих добровольных помощниц.

Но в конечном счете Мастерс понял, что проститутки не подходят для его целей. Эта выборка была слишком маленькой и нерепрезентативной для среднестатистической американки. К тому же проститутки часто страдали воспалительными заболеваниями и хроническими застойными явлениями таза, известными под названием синдрома Тейлора. Мастерс чувствовал, что не сможет сделать решительных утверждений о сексуальной реакции женщин, основываясь на этой атипичной выборке. Хуже того: если бы он признал в научной работе, что проводил свое исследование на проститутках, он столкнулся бы с «крайне отрицательной реакцией местного сообщества Сент-Луиса», и эта огненная буря наверняка привела бы к его профессиональному краху. Тем не менее Мастерс полагал, что «ночные бабочки» обеспечили его массой полезной информации и стоили каждой секунды, потраченной на них. «Расспросы женщин-участниц были весьма продуктивны, особенно для человека, который был, в сущности, мало знал о женской сексуальности», – признавал он впоследствии.

Эти ограничения врача-мужчины стали особенно очевидны, когда он беседовал с «очень привлекательной» выпускницей колледжа, интеллигентной, любознательной женщиной, которая получила диплом по биологии. Она стала клиническим волонтером в исследовании Мастерса и однажды высказала предположение, которое изменило все.

В смотровом кабинете «Клиники материнства» эта молодая женщина манипуляцией довела себя до неистовства («аутоманипуляция» – такой клинический термин использовал для этого Мастерс), а потом достигла кульминации – и все это регистрировалось и анализировалось приборами Мастерса. Во

время последующей беседы они обсуждали не только поджатые пальцы на ее ногах и ощущение покалывания, но и глубочайшие эмоции во время секса. Женщина описала свои ощущения во время оргазма и сказала, что его успешность зависит от того, кто и чем выполняет стимуляцию.

– А что, если я его симулирую? – вдруг спросила она.

Мастерс ничего не понял.

– Этим я и зарабатываю на жизнь – *имитирую оргазмы*, – заявила она грубовато, словно объясняя ребенку, что Санта-Клауса не существует. Часто ее единственной целью в сексе было «сделать все побыстрее и заставить мужчину кончить, получить плату и отделаться от него».

– На самом деле вам нужна переводчица, если вы всерьез хотите проводить это исследование, – наставительно сказала она Мастерсу. – Вам стоит завести женщину-партнера.

Чем больше Мастерс обдумывал это предложение, тем осмысленнее оно ему казалось. Если он хотел понять «психосексуальные аспекты женской сексуальности» – *terra nova*[5] медицинского исследования, ради которого он готов был рискнуть своей карьерой, то ему необходима партнерша и соратница.

Мастерс решил искать ассистентку, разместив безобидное объявление из разряда «требуется помощница» в отделе кадров Вашингтонского университета. После нескольких недель безуспешных собеседований, прямо перед Рождеством 1956 года, он, наконец, нашел ту, кого искал.

Фаза вторая

Билл и Джини на диване

Глава десятая
Матрица

«Но совершать превращение надо по-научному, иначе последняя стадия обучения может оказаться безнадежнее первой».

Джордж Бернард Шоу, предисловие к «Пигмалиону»

В начале 1957 года Вирджиния Джонсон записывала имена, возраст и адреса пациентов, сидя за неуклюжим металлическим письменным столом на третьем этаже «Клиники материнства». Она казалась безымянной секретаршей, временно нанятой, чтобы разобраться с бумажными завалами.

Джонсон мечтала о карьере в социологии. С этим местом у нее было связано только одно желание – заработать деньги. Медицинский мир ее не привлекал.

Она сдружилась с медсестрами и спустя недолгое время уже знала всех главных деятелей кафедры акушерства и гинекологии Вашингтонского университета – Уилларда Аллена, главу кафедры, Альфреда Шермана, специалиста по гинекологической онкологии, и, разумеется, Уильяма Мастерса, который взял ее на работу.

Поначалу Джонсон обращала мало внимания на то, что происходило в кабинетах. Подруги говорили ей, что Мастерс – акушер-гинеколог, специализирующийся на рождаемости и гормональном замещении. Она понятия не имела о секретном эксперименте, который ставил этот университетский профессор, тайно рыскавший в поисках научной добычи по публичным домам. Мастерс ни словом не обмолвился об этом, когда брал Джонсон на работу. Не собирался он ничего говорить ей и четыре месяца спустя, когда Джонсон однажды встала из-за своего стола в коридоре, собираясь пойти пообедать.

Сандра Шерман, жена доктора Шермана, вспоминала Джонсон как темноволосую красотку, стильную штучку, чье присутствие ощущалось в любом помещении, где она находилась. Секретарш в те времена рассматривали как потенциальных охотниц за мужьями, использовавших свои хитрые уловки для разрушения счастливых домашних очагов. Ходили сплетни, что у нее были романы с некоторыми мужчинами на кафедре.

Самые близкие дружеские отношения сложились у

Вирджинии с доктором Айрой Галлом, невысоким, энергичным молодым врачом. Их дневные смены в госпитале часто совпадали, и вскоре они стали приезжать на работу и с работы вдвоем. Сидя в «плимуте» 1948 года, принадлежавшем Айре, Вирджиния рассказывала ему о своей жизни, а он ей – о своих медицинских воззрениях, о внутренней механике клиники и об иерархии в Вашингтонском университете.

Однажды днем послеобеденная болтовня переключилась на секретное секс-исследование Мастерса, спровоцировав обычные шуточки. Джонсон улыбалась, но не принимала особого участия в общем веселье. Уже четыре месяца она составляла истории болезни пациенток, как велел ей Мастерс, и интимность некоторых вопросов вполне согласовывалась с тем, что она считала исследованием бесплодия. Но в тот день разговор в кафетерии раскрыл ей глаза.

В этот момент вошел Мастерс, одетый в свой белый лабораторный халат. Ему не потребовалось много времени, чтобы догадаться, что здесь обсуждают. Все уставились на Джонсон, ожидая ее реакции. Ни взглядом, ни мимикой она не выдала своих мыслей.

Мастерс счел своим долгом при всех объяснить ей, что истории болезней пациенток были частью исследования человеческой сексуальной реакции, и что некоторые женщины занимались сексом в целях клинического анализа. Ее это как-то задевает?

– Вовсе нет, – просто ответила Вирджиния. – Но зачем это нужно?

Другие мужчины ухмыльнулись, но Мастерс был очень доволен ее ответом. Это был голос дочки миссурийского фермера, которая видела на скотном дворе достаточно животной похоти, чтобы не удивляться похоти человеческой. В ее мире секс был давно отделен от любви, как это может быть только у разведенной женщины с двумя маленькими детьми. Она не смотрела на физическую близость ни с ужасом, ни с иллюзией блаженства. «Я воспринимала ее как нечто само собой разумеющееся, – вспоминала она свое представление о сексе до начала работы с Мастерсом. – Для меня она всегда была естественной потребностью. Она меня не шокировала».

Именно спокойная реакция Вирджинии стала решающим фактором в создании партнерства «Мастерс и Джонсон». Билл откровенно изложил причину, по которой выбрал ее: «Я мог иметь дело только с человеком, которому тема секса не причиняла дискомфорта», – объяснял он снисходительным тоном, словно он был профессором Генри Хиггинсом, а Вирджиния –

Элизой Дулиттл из пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион». Ему досталась неподготовленная помощница, которая почти ничего не знала о теме его исследований; личность, которую Мастерс, казалось, вытесал из глыбы общественного невежества в области секса, отполировав и огранив ее по своему вкусу.

В идеале Мастерс предпочел бы женщину-врача, но такую кандидатку было слишком трудно найти. К тому же она потребовала бы равенства в партнерстве, контроля над критериями и нормами исследования и, вероятно, проявила бы более осторожное отношение делу, чем тот энтузиазм, который Джонсон демонстрировала изо дня в день.

Успех Мастерса и Джонсон коренился в их двойном подходе. Джонсон вскоре поняла, насколько велико ее значение в клинике. В присутствии обоих исследователей добровольцы чувствовали себя покойнее – оно создавало определенную благопристойность.

В конце концов Джонсон достаточно освоилась, чтобы спросить Мастерса, почему он не сделал своей партнершей жену. Билл сдержанно ответил, что у Либби не было для этого ни нужной подготовки, ни заинтересованности.

Что касается Джонсон, то тут он был уверен: она целиком разделяет его страстную преданность делу. Она осваивала тонкости анатомии, биологии и физиологии, чтобы свободно ориентироваться в теме исследования. Она работала без выходных и практически без отпусков, составляя бесчисленные медицинские истории и наблюдала один половой акт за другим. Казалось, она нашла свое жизненное призвание.

Не прошло и года с начала их совместной работы, как Вирджиния Джонсон получила приглашение на вечеринку в дом Мастерсов. Билл представил ее Либби, которая любезно, но недолго поговорила с ней. Джонсон смешалась с группой гостей, как вдруг к ней бросилась громогласная пожилая дама.

– Дайте-ка мне познакомиться с этой жемчужиной – *этой идеальной женщиной*, которую откопал Билл Мастерс! – воскликнула она на весь дом.

И Джонсон, и Мастерс были смущены. Своей жене и детям Мастерс сказал, что просто решил помочь Вирджинии, которая показалась ему трудолюбивой и искренней, хоть и невезучей в жизни.

Тем не менее Вирджиния стала бывать у Мастерсов, иногда с детьми, а однажды даже с родителями – Эшельманы переехали в Сент-Луис, и Билл пригласил всех на День благодарения. За столом Мастерс сказал Эдне Эшельман замечательный комплимент:

– Вы воспитали Вирджинию именно так, как *следовало бы* воспитывать женщин.

На самом деле причина была не только в исполнительности Джонсон. Ее действительно увлекло исследование, и она жаждала новых знаний. Мастерс даже брал ее с собой в операционную, чтобы она могла наглядно изучать основы анатомии. Она буквально глотала все выходящие работы о сексуальности. За год работы из безликой секретарши Вирджиния превратилась в знающую, креативную ассистентку и даже помогла проекту получить небольшое финансирование от нью-йоркского фонда, спонсировавшего репродуктивные исследования. Поскольку Мастерс продолжал работать в клинике бесплодия и вести акушерско-гинекологическую практику, повседневными исследованиями в основном занималась Вирджиния. Она вносила в проект здравый смысл и навыки практической коммуникации, необходимые для его успеха. Фактически она стала равноправным партнером Мастерса.

Глава одиннадцатая
Эксперимент

Молодая женщина в белом банном халате вошла в смотровую. Ее голову и лицо закрывала обычная наволочка с прорезанными дырами для глаз. Женщина прошла босиком по голому полу кабинета, сбросила с себя халат и нагишом растянулась на мягком шезлонге. Ее поза была расслаблена, словно она уже не раз проделывала то же самое, только без глухого капюшона на голове.

Вид этой обнаженной волонтерши озадачил Пола Гебхарда, выпускника Гарварда и директора Института исследований секса имени Кинси. Несколько минут он обменивался с ней светскими любезностями, пока Мастерс и Джонсон возились с медицинскими приборами, проводами и измерительной техникой, собранными для регистрации ее сексуальной реакции.

Самым необычным предметом в комнате казался длинный пластиковый цилиндр, прикрепленный к небольшой камере. Он напоминал прозрачную кондитерскую скалку с оптическим глазком на конце.

Никто прежде не фотографировал внутренние органы женщины во время коитуса, не регистрировал женскую реакцию на введение и проникновение фаллоса. Новое приспособление использовало для освещения холодный свет и могло адаптироваться к физическим параметрам каждой женщины.

Перед началом эксперимента Джонсон принесла согретое влажное полотенце и на пару минут обернула его вокруг фаллоса. Только женщине могло прийти в голову позаботиться об этом.

К концу 1950-х годов большинство преподавателей и студентов университета смутно представляли себе, что происходит у Мастерса и Джонсон. Одним из немногих посторонних, допущенных к исследованию, был Гебхард, поскольку Мастерсу было важно его профессиональное одобрение. Гебхард унаследовал место своего начальника в Индианском университете Альфреда Кинси, который умер от сердечного приступа двумя годами ранее. Как писал еженедельник «Тайм» после кончины Кинси, «неизвестно, сумеют ли его сотрудники завершить запланированную серию исследований, которая, как он надеялся, освободит следующее поколение от непонимания и страхов, связанных с сексом».

В частных беседах Мастерс называл исследования секса,

проведенные Кинси, смелыми, но не лишенными изъянов, поскольку тот опирался на воспоминания пациентов, а не на клиническое наблюдение. Мастерс полагал, что отсутствие у Кинси чисто медицинских исследований помешало ему найти точные ответы. Многие из волонтеров Кинси были заключенными тюрем, которых едва ли можно назвать привычной социальной средой для среднего американца.

Мастерс и Джонсон избрали медицинский подход, основанный на фактах, а не на туманных неточностях. В первой книге, опубликованной почти десятью годами позднее, они изложили суть своей исследовательской задачи:

Фундаментальные основы человеческого сексуального поведения не могут быть установлены до тех пор, пока нет ответа на два вопроса. Какие физические реакции возникают, когда мужчины и женщины реагируют на эффективную сексуальную стимуляцию? Почему мужчины и женщины ведут себя так, а не иначе? Если мы ставим цель лечить человеческую сексуальную неадекватность, медики и бихевиористы должны обеспечить ответы на эти основополагающие вопросы.

(в тексте эта цитата выделена отступами с обеих сторон)

Мастерс создавал полную картину, регистрируя каждый изгиб и поворот тела во время сексуальной реакции с точностью картографа. «Это было совершенное откровение – никто никогда прежде не проводил столь тщательной работы, – вспоминал Гебхард. – Они подтвердили то немногое, что открыли мы сами в области кровяного давления, дыхания и, разумеется, реакции самих органов. Они просто были нашими просветителями». Под строжайшим секретом Мастерс упомянул о том, что они нанимали проституток и других платных волонтеров для изучения женского оргазма.

– Как вы сумели увидеть внутреннюю часть влагалища и матки во время занятий сексом? – поинтересовался Гебхард.

Мастерс признался, что они создали прибор для документирования женского оргазма на кинопленке.

Билл и Джини привели Гебхарда в зеленую смотровую. Посреди этой бедно обставленной комнаты стоял шезлонг, панель с множеством электрических розеток и еще одна машина, которую Гебхард описал как «движимый мотором плексигласовый фаллос».

– Хотите увидеть его в действии? – спросил Мастерс.

Хотя этот вопрос застал Гебхарда врасплох, он не стал тянуть с ответом. Джонсон ненадолго вышла и спустя несколько минут вернулась с анонимной студенткой-старшекурсницей, на голову

которой была надета наволочка.

Молодая женщина расположилась на мягком кожаном шезлонге, поставив ступни в «стремена», почти лежа на спине. Ее розовая обнаженная кожа была обвита многочисленными проводами, подсоединенными к громоздкому электроэнцефалографу, который гудел, урчал и попискивал. Крохотный телеэкран отслеживал вьющиеся паттерны электрических импульсов, исходящих из ее мозга. Маленькие сенсоры на груди регистрировали биение сердца, записывая его деятельность извилистыми линиями на белой бумаге, медленно выползавшей из электрокардиографа. Эти инструменты служили чем-то вроде сексуального полиграфа – детекторами истины в сфере, окруженной преувеличениями и ложью.

Мастерс велел Гебхарду сесть перед шезлонгом, если тот хочет наблюдать внутреннюю деятельность влагалища и шейки во время этого эксперимента. Гебхард оказался в 60 сантиметрах от разведенных ног женщины и мог смотреть в оптическую линзу устройства с длинным стержнем.

Молодая женщина взяла в руки «Улисса» – такую кличку дали цилиндрическому пластиковому устройству – и стала гладить им свои половые губы, вначале мягко, а затем решительно. Она следовала явно подготовленной программе действий, словно ее научили применять определенные методы специально для клинической аудитории. Через некоторое время она ощутила прилив крови и энергии, а ее вульва увлажнилась. Она чуть нажала на устройство, и оно проскользнуло внутрь почти без усилия.

Несколько минут все присутствующие, казалось, были захвачены танцем ее движений, следя за фрикциями «Улисса» во влагалище женщины и ведя хронику каждого импульса, который он вызывал. По мере того как напряжение росло и приближалась кульминация, тело женщины заблестело от пота. Но вместо того чтобы биться в экстазе, она оставалась сравнительно спокойной. Казалось, такие стимулированные занятия любовью были для нее чем-то вроде работы.

Несмотря на многолетние исследования в институте Кинси, Гебхарду казалось, что он впервые в своей жизни наблюдает секс. Глядя сквозь приспособление с линзой, Гебхард подтвердил для себя важное открытие Мастерса, которое опровергло долго бытовавшее медицинское представление о периоде, предшествующем оргазму. Мастерс и Джонсон показали, что вагинальная лубрикация во время соития просачивается сквозь стенки влагалища. Смазка формировала гладкое, поблескивающее покрытие, похожее на пот, выступающий на лбу

спортсмена. Как говорил Гебхард, «нужен был такой исследователь как Билл, потому что иным способом выяснить это было нельзя».

Закончив, молодая женщина надела халат, забрала деньги и вернулась к своей жизни в кампусе. Гебхард так и не узнал ее имени. Ее личные данные держались в строжайшем секрете. «Билл ничего не говорил – *он наблюдал*», – вспоминал Гебхард о торжественной демонстрации в тот день. Но как только эксперимент завершился, Мастерс расплылся в гордой улыбке изобретателя.

– Мужчины ненавидят эту машинку, – сообщил он, – потому что женщины доводят ее до такого темпа, который не может выдержать ни один мужчина!

Впоследствии Мастерсу пришлось защищать свое устройство. «Врачи вводят зеркала в желудок, чтобы изучать его, – замечал он. – Но стоит сделать то же самое с влагалищем, как люди кричат: «Как ты *смеешь*?!».

Со временем Гебхард все чаще вспоминал Вирджинию Джонсон. Поначалу он считал ее только помощницей, а не серьезной сотрудницей и новатором, которым она впоследствии стала. Однако с каждым очередным визитом он замечал, что роль Джонсон выросла. Сначала ее комментарии эхом повторяли слова Мастера, но вскоре она начала высказывать собственное мнение.

Но больше всего Гебхард был очарован их отношениями. Ужиная с ними, он замечал, как они договаривают друг за другом предложения, словно у них был один разум на двоих. Они казались неразделимыми, даже когда были врозь. Что происходило между ними? Это оставалось для Гебхарда загадкой.

Глава двенадцатая
Волонтеры

Джини Джонсон активно рекрутировала студенток, сотрудниц клиники и даже жен преподавателей, готовых делать то, на что проститутки согласились бы только за деньги. Она вербовала образованных женщин в возрасте от 20 до 30 с лишним лет для участия в секс-исследовании в обмен на символическую плату и обещание анонимности. Многие верили Джонсон, что они совершают культурный прорыв на пользу науке и всему женскому полу.

В первые дни Мастерс и Джонсон полагались на помощь нескольких женщин, которые также сотрудничали в независимых исследованиях в области контрацепции и рождаемости. Майк Фрайман, врач из клиники рождаемости, однажды присутствовал на тестировании пенки *Emko*, вагинального контрацептива, предназначенного для уничтожения сперматозоидов. Для предотвращения беременности женщине-волонтеру ввели пластиковый цервикальный колпачок. Мастерс был занят в операционной, и по окончании эксперимента Фраймана попросили удалить колпачок.

Когда Фрайман подошел к женщине, она сперва испуганно отшатнулась, но тут же сорвала с себя маску.

– Привет, Майк! – радостно воскликнула она.

Фрайман тоже узнал эту студентку-медсестру – когда-то он с ней встречался. Он принялся ее расспрашивать об участии в эксперименте. «Я не только получаю за это плату, но и помогаю всем женщинам», – гордо объяснила медсестра. В застойные 1950-е и в начале 1960-х годов призыв Джонсон к сексуальной свободе находил отклик у многих женщин.

Медсестра клиники и студент-медик были двумя волонтерами, которые регулярно занимались сексом, а Джини Джонсон проводила мониторинг. Она входила и снимала показания с медицинской аппаратуры тихо-тихо, чтобы не помешать паре.

Искренность Джини позволяла людям чувствовать себя комфортно. Она обладала способностью обсуждать интимные темы, которые ее собеседницы ни за что не затронули бы в смешанной компании. Ее обаяние придавало женщинам храбрость становиться волонтерами и заниматься откровенной сексуальной гимнастикой, которая требовалась в этом исследовании. Джонсон проводила для «новобранцев» экскурсии

по лаборатории и знакомила их с приспособлениями, которые им предстояло вводить в самые чувствительные части своего тела. Она представляла их неведомым, скрытым масками партнерам – и женщины-добровольцы все равно не теряли решимости.

В поисках людей, готовых «заниматься откровенной сексуальной деятельностью в лабораторной обстановке», Джини Джонсон развешивала объявления по всему университету. В результате они набрали даже больше волонтеров, чем рассчитывали. Поскольку главным фокусом исследования была сексуальная реакция, соискатели, никогда не испытывавшие оргазма или не уверенные в том, что испытывали его, отсеивались.

От волонтеров требовалось привыкнуть к обнаженности своего тела и сексуальному функционированию в присутствии медицинского персонала. Кое-кто приходил в проект, чтобы усовершенствовать свою сексуальную технику, а некоторые женщины-участницы говорили, что исследовательская программа дает им возможность сбросить сексуальное напряжение. Подопытных, как и лабораторных кроликов, вначале запускали в смотровую, где они могли побыть одни, прежде чем участвовать в «эпизодах спаривания», как описывал это Мастерс на своем научном жаргоне, почерпнутом из наблюдения за все теми же кроликами. «Впервые они начинали сексуально взаимодействовать в отсутствие исследовательской команды», – писал он.

В отличие от Мастерса, Джини говорила о сексе откровенно, с юмором, ни разу не утратив достоинства. Ее мягкий взгляд и медовый голос создавали теплую, расслабленную атмосферу. В ней не было ни тени стыдливости или профессиональной агрессивности, которые могли привнести в такое предприятие другие люди. «Она прямо говорила о том, какого рода исследование предстоит провести, – объяснял Альфред Шерман. – Она не стала бы запинаться перед словом – прошу прощения – «трахаться». Она разговаривала и о сексе, и о том, что делает женщин сексуально привлекательными, и что является сексуально стимулирующим».

Когда тестирование перешло к настоящим сексуальным актам, круг активных участников расширился; в него входили секретари других профессоров и жены врачей наряду со студентами-медиками и ординаторами, желавшими получить небольшой приработок на оплате исследований. Какова бы ни была их мотивация, почти все волонтеры были увлечены энтузиазмом Джонсон. Годы спустя она описывала их в идеалистических, почти героических тонах. «В лаборатории мы

работали с обычными людьми – или, пожалуй, стоило бы назвать их необыкновенными, – потому что они были готовы жертвовать своим временем ради замещения мифов фактами, – вспоминала Джонсон. – Мы видели отчаянную потребность в информации и были уверены, что мы правы и делаем «благое дело».

Под слепящим светом приборов и пристальным научным наблюдением некоторые здоровые и полные мужской силы волонтеры страдали от импотенции, преждевременной эякуляции или того, что исследователи вежливо называли «страхом неудачи». Как показывают записи, четырьмя из каждых пяти «неудачников» в программе были мужчины.

Порой пары оказывались слишком «деловыми и целеустремленными», они практически не занимались прелюдией и «переходили прямо к гениталиям», вспоминал Мастерс. Их бесстрастный подход приводил к увеличению неудач. С мужчинами Джонсон была так же терпелива, как и с женщинами-участницами. Она позволяла нервным волонтерам походить по кабинетам, почитать, поговорить и «выпустить пар», пока они не начинали чувствовать себя комфортно. Некоторые останавливались на полпути по три-четыре раза, и к ним не предъявляли никаких претензий. С добродушным смешком Джини привносила в процедуры чувство юмора, успокаивая не уверенных в себе молодых мужчин, убеждая их, что все будет в порядке.

Однажды утром волонтер, студент-медик Вашингтонского университета, ворвался к ним в состоянии крайнего возбуждения.

– Доктор Мастерс здесь? – требовательно спросил он. – Я хочу видеть доктора Мастерса!

В кабинете была только Джонсон.

– Жаль, полагаю, он сейчас в операционной, – ответила она. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

Студент отрицательно помотал головой и торопливо ушел. Примерно через час он вернулся все с тем же вопросом.

– Я не знаю, когда он вернется, – объяснила Вирджиния.

Молодой человек с минуту смотрел на нее, сомневаясь, можно ли ей довериться. А потом выпалил:

– Кажется, я ее потерял!

– Потеряли – *что именно*? – в недоумении переспросила Джини.

– Кажется… я больше не могу заниматься сексом.

Джонсон узнала этого вежливого волонтера, который вел себя, скорее, как деревенский мальчишка, чем как искушенный горожанин. Он был родом из одного с Джини городка, припомнила она, и «воспитывался в очень консервативной семье

как единственный ребенок», в обстановке весьма ограниченной общественной жизни. «До второго курса медицинской школы он едва ли встречался с девушками», – говорила она потом. Однако стоило ему открыть для себя секс – и этот волонтер, как и другие молодые мужчины его возраста, захотел большего, точно измученный жаждой человек, который готов выпить целый океан.

Накануне этот студент-медик 36 часов занимался сексом с двумя разными женщинами и довел себя до полного изнеможения. Отсутствие физической реакции его крайне встревожило, и он побежал к Мастерсу за помощью.

Джини поняла, что этот молодой человек «только что пробежал марафон», и у него наступил «рефрактерный период» – состояние, характерное для мужчин, которое включает, как позднее описывали Мастерс и Джонсон, временное «психофизиологическое сопротивление» дальнейшему сексу. У многих мужчин – сколько бы ни было перед ними женских отверстий – пенис «берет паузу» примерно на час. Некоторые испытывают настоящую боль, если слишком скоро приступают к новой попытке. Исследования показали, что у женщин не бывает такого рода «рефрактерной» проблемы.

Джонсон сочувственно отнеслась к состоянию молодого человека. «Я убедила его, что он расстрелял весь свой боезапас, – объясняла она. – Он просто ни разу не сталкивался с неспособностью функционировать при каких-либо обстоятельствах».

Тот молодой человек из Голден-Сити был не одинок. Многие волонтеры, приносившие в дар науке свои тела, не имели достаточно опыта. Занятия сексом в клинике казались им способом ответить на вопросы о самих себе, преодолеть стеснительность или удовлетворять любопытство». Именно так все и было в случае Томаса Гилпатрика.

Женатый, получивший образование в Гарварде 32-летний ординатор Гилпатрик работал в клинике бесплодия под началом Мастерса. Он не раз выслушивал вводную речь своего наставника перед бездетными супругами, в которой Мастерс обещал результаты либо путем успешной беременности, либо благодаря его связям с агентствами по усыновлению и другими врачами. «Мы не можем гарантировать, что вы забеременеете, зато можем обещать, что у вас будет ребенок», – часто говорил Мастерс.

Работать на переднем крае медицины нравилось Гилпатрику, который восхищался выдающимися способностями и уверенным стилем Мастерса. Выросший в штате Вашингтон Гилпатрик получил диплом Гарварда в 1948 году. Той же весной он женился на «своей первой настоящей любви» Одри, с которой

познакомился во время службы в армии. К тому времени, как он начал работать у Мастерса, Том и Одри уже были гордыми родителями девочки и мальчика.

Джонсон узнала о внебрачных интрижках Гилпатрика во время ночных смен в больнице, пока его жена оставалась дома с двумя детьми, и обратилась к коллеге с предложением стать волонтером. Она выдвинула тезис о том, что проводимое ими исследование сексуальной реакции было бы логичным продолжением его исследований в области рождаемости.

Гилпатрика не нужно было долго убеждать. Он сознавал, что этот проект может разрушить его медицинскую карьеру, но многие великие научные достижения были сопряжены с известной степенью риска.

Во время его первого опыта обнаженная женщина-волонтер легла рядом с ним на двуспальную кровать, раскинув ноги. Полные груди женщины, ее гладкая светлая кожа, на которой выступили пупырышки от легкого озноба, ее руки, которые начали ласкать его тело, – все это было для него неким таинством.

– Подготовь меня, – попросила она.

В отличие от других волонтеров, Гилпатрику не требовался «разогрев», чтобы избавиться от тревожности. Он много раз бывал в этой смотровой, точно знал, где стоит электрокардиограф, как подключены электроды и где расположено одностороннее зеркало, сквозь которое могли видеть происходящее доктор Мастерс и Джини Джонсон. «Я знал, что за нами наблюдают, но не могу сказать, что это как-то меня тревожило, – вспоминал Гилпатрик. – Это делалось ради науки».

Иными словами, достижение эрекции в лаборатории не представляло трудностей для Гилпатрика, который считал себя здоровым мужчиной. Но просьба партнерши помочь ей «подготовиться» (вполне разумное действие во время прелюдии) выходила за рамки его ограниченного постельного опыта. «Я оказался довольно неопытен, хоть и был женат», – говорил он.

Лица, тела, голоса и нежные запахи волонтеров, которые вступали в сношения с Гилпатриком, спустя годы превратились в отдаленные воспоминания. Ярко запечатлелась в его памяти только беременная, предположительно незамужняя женщина из Оклахомы, которая приехала в Сент-Луис, чтобы родить и отдать ребенка на усыновление. Билл и Джини уговорили эту будущую мать стать добровольной участницей исследования секса, регистрируя записи электрической активности ее матки во время оргазма и позднее сравнивая их с процессом деторождения. Гилпатрик не имел ничего против секса с беременной женщиной.

Из уважения к ее выпуклому животу он сочетал «трехчетвертной» подход со своей привычной «миссионерской» позицией.

Несколько месяцев спустя, в начале 1958 года, Гилпатрик ассистировал при родах этой молодой женщины. Это событие дало Мастерсу возможность продолжить исследование – сравнить электрокардиограмму во время родов с показаниями тех же приборов во время секса. «Наши записи ее родовых схваток – их электрической активности – были очень похожи на то, что происходило во время оргазма», – вспоминал Гилпатрик. В следующие несколько лет Мастерс и Джонсон беседовали со 111 женщинами об их сексуальной реакции во время беременности и пришли к различным выводам, включая подтверждение того, что секс во время беременности не представляет опасности для плода. Так они развеяли долго существовавший миф.

Их исследование документировало рост сексуального интереса женщин в период первых двух триместров беременности. Они детально описали изменения, происходящие с грудью, внешними гениталиями и внутренними органами. Однако лишь шесть беременных приняли участие в исследовании. Четыре стали волонтерами еще до наступления беременности, что позволяло провести сравнение паттернов сокращения матки при обоих состояниях. По каким-то своим причинам Мастерс и Джонсон решили не включать ту беременную из Оклахомы в список своих конечных результатов.

Как Гилпатрик и надеялся, сотрудничество с Мастерсом направило его на верный профессиональный путь. Когда окончилась его успешная практика в Сент-Луисе, он вернулся вместе с женой и детьми в город Спокан, штат Вашингтон, где открыл практику общего акушерства и гинекологии, в числе прочего занимаясь вопросами бесплодия, эндокринологии и рака тазовых органов. К середине 1960-х годов он помог основать в Спокане отделение «Планируемого деторождения» и продолжил достойную медицинскую карьеру.

До отъезда из Сент-Луиса Гилпатрик надеялся закрутить роман с Джини Джонсон, но так этого и не сделал. Спустя несколько лет он снова приехал в Вашингтонский университет на торжественный ужин в честь доктора Уилларда Аллена. В тот вечер Билл не мог присутствовать. Гилпатрик позвонил Джини и спросил, не хочет ли она, чтобы он сопровождал ее на ужин. Она согласилась.

Поздно вечером Гилпатрик подвез свою старую знакомую домой и проводил до дверей. «Я поцеловал ее и обнял, пожелав доброй ночи, – вспоминал он десятилетия спустя. – Сказал что-то вроде того, что нам следовало сойтись раньше. А она ответила,

что сейчас не время к этому возвращаться». Он не стал требовать от Джини дальнейших объяснений, и они распрощались. Джонсон вспоминала Гилпатрика, скорее, как друга и молодого ассистента, который работал с Мастерсом, чем как волонтера в их исследовании. «Он был очень близок к нам, – говорила она. – Он мне тоже нравился, но я не была свободна».

Джонсон избегала сближения с добровольцами, помня предостережение Фрейда о «трансференции» – проекции любви и сильных эмоций на психотерапевта, случающейся у пациентов. Несмотря на постоянные наблюдения за коитусом и актами самоудовлетворения, Джини всегда держала профессиональную дистанцию.

Гилпатрик чувствовал, что за ее отказом стоит веская причина. Хотя Билл и Джини на публике всегда держались бесстрастно, в тот вечер Гилпатрик ощутил невидимое присутствие Мастерса.

Глава тринадцатая
Ной

Джини Джонсон начала встречаться с судьей Ноем Вайнштейном, мужчиной почти на двадцать лет старше нее, примерно в то же время, когда стала ассистенткой доктора Мастерса. Она выкраивала время на свидания с Ноем по выходным или после работы. Их отношения вскоре стали серьезными. Он был немолод, зато оказался замечательным сексуальным партнером и веселым человеком.

В отличие от прежних мужчин в ее жизни, Ной не был застенчивым слабаком. В юности он окончил Гарвардский университет и его юридическую школу, после чего 20 лет практиковал как судебный поверенный, пока губернатор Миссури не назначил его судьей. В Сент-Луисе Вайнштейн реформировал городскую систему ювенальной юстиции, требовал общественных защитников для тех обвиняемых, которые не могли позволить себе адвоката, и запустил проект семейного консультирования для супругов, стремившихся к разводу.

Ной воспитывался в еврейской семье в маленьких городках Канзаса и западного Миссури, где фанатики были не прочь избить его во имя Христово. Он стал совершеннолетним в то время, когда в Америке возродился «ку-клукс-клан», и не прятался от тех, кто бросал вызов его иудейскому происхождению. Но он не отказывался от бекона, словно объявляя за завтраком собственную декларацию независимости. «У евреев это обычное дело – отчаянно сражаться за свою религию, а после вообще ее не соблюдать», – вспоминала младшая дочь Вайнштейна Джоан Фрёде.

Ной произвел впечатление на Джини серьезностью, которой ей так не хватало в двух ее неудачных браках. Их первое свидание произошло всего через несколько месяцев после развода Джини. Немногим больше времени прошло с тех пор, как Ной и две его дочери-подростка оплакали смерть жены и матери Лины. Дочери Ноя заметили, что отец – уже давно мрачный и понурый – вновь стал выглядеть счастливым.

Различия между Джини и Ноем были разительны. Ему было около 45 лет, тонкие волосы уже начали седеть и редеть. Глубокие, широко расставленные глаза Ноя смотрели устало, кожа была шишковатой и выдавала его возраст. Из его рта с мясистыми, сочными губами свисала трубка, из которой неизменно курился табачный дымок. Такой выбор казался

странным для женщины, которой не исполнилось еще и тридцати лет.

С дочерями Ноя Джини поддерживала дружескую, но уважительную дистанцию. Она никогда не рассказывала о своей работе и о том, какие задачи она выполняет вместе с Биллом Мастерсом. В загородном доме Вайнштейнов она сохраняла ауру безупречных приличий.

Однажды воскресным утром, когда Джоан была в колледже, ее замужняя сестра Лоис неожиданно приехала в родительский дом и обнаружила Вирджинию в собственной постели. Может быть, Джини согласилась на просьбу Ноя не ехать домой на ночь глядя, а вместо этого переночевать в пустой комнате его дочери. Или, возможно, Джини услышала шаги Лоис у двери, бросилась в другую спальню и притворилась спящей, проведя бо̀льшую часть ночи в постели Ноя.

Интерес Джини к Ною сталкивался с куда более серьезными препятствиями, чем этот фарс в спальне. Из-за своего возраста Ной не хотел вновь становиться отцом, принимая на себя роль отчима для сына и дочери Джини. Тем не менее он старался понравиться ее детям. Однажды он взял их с собой на местный карнавал и не раз сопровождал всю семью Джини в поездках.

Другим камнем преткновения была религия. В Сент-Луисе иудаизм Ноя оставался фактором, из-за которого определенные круги постоянно требовали его смещения с судейского поста. Как бы Ной ни любил Джини и ни считал себя неверующим, он боялся, что женитьба на дважды разведенной «язычнице» лишит его сторонников-евреев.

Однако самым непреодолимым препятствием между ними были не дети и не вера, а другой мужчина. Его звали Билл Мастерс. По мере того как исследовательская работа Джини становилась более масштабной, Ной все сильнее ощущал доминирующую роль Билла в ее жизни. Он не ревновал, не отговаривал ее от стремления к профессиональным целям, не осуждал ее работу как неженскую или слишком рискованную, хотя знал, что она сопряжена с такими потенциальными нарушениями закона, как наем проституток или наблюдение за людьми, занимающимися сексом. И все же Ной остерегался Билла Мастерса, видя в нем соперника.

Взаимоотношения Джини с Биллом, казалось, не выходили за пределы больницы. Билл, безмерно трудолюбивый врач считал своей семьей, скорее, работу, чем собственную жену и детей. Он мог провести весь день с Джини Джонсон – и ни разу не улыбнуться. В этом отношении Ной представлял ему прямую противоположность. Он казался самым подходящим мужчиной

для Вирджинии.

Глава четырнадцатая
Маски

После смерти мужа Эстабрукс Мастерс заметно изменилась. Мать Билла больше не чуралась общественной жизни – она ходила на концерты симфонического оркестра, играла в бридж и собрала симпатичный кружок друзей. «Она явно наслаждалась свободой от домашнего рабства», – писал впоследствии Билл в своих неопубликованных мемуарах, возмущаясь тем, что мужчина смог взять такую власть над женщиной, и особенно – его матерью. К тому времени как Эстабрукс переехала в Сент-Луис – чтобы быть поближе к Биллу, Либби и детям – она стала «совершенно другим человеком по сравнению с той женщиной, которую я знал в детстве», писал он. «Честно говоря, у меня было две разные матери».

В «Клинике материнства» Эстабрукс стала для сотрудников Билла намного более «своей», чем его жена. Она жила достаточно близко, и сын со своей исследовательской командой иногда заглядывали к ней на поздний домашний ужин. Однажды вечером, когда Билл и его коллеги разговаривали о работе, до Эстабрукс наконец дошло, чем они занимаются. Но вместо того чтобы расстроиться, мать Билла предложила помочь им.

– Ах, бедняжки! – проговорила она, представляя себе женщин-волонтеров в чем мать родила, без всякого намека на тайну частной жизни. – Им нужно что-нибудь, чтобы прикрывать лица!

За пару дней она придумала и сшила шелковые маски, которые участники исследований могли носить во время сексуальных встреч. Мужчины и женщины с благодарностью принимали эти маски, заменившие уродливые бумажные пакеты и наволочки с отверстиями для глаз.

Билл тщательно сохранял ауру благопристойности вокруг своей работы. Даже в самые жаркие дни в Сент-Луисе он не ослаблял узел на галстуке и не снимал накрахмаленного лабораторного халата. Его превосходная репутация, безупречное поведение и безукоризненная честность сотрудников обеспечивали проекту защитную броню. Дома он безраздельно царил как патриарх, возглавляющий типичное американское хозяйство 1950-х, в котором Либби была одновременно королевой, горничной и обожающей супругой. Гостям их колониального голландского дома казалось, что Либби так же удобно в ее роли, как Биллу – в его. «Либби была леди хорошего воспитания», – вспоминала Сандра Шерман, жена доктора

Альфреда Шермана, коллеги Билла по отделению акушерства и гинекологии. Ее впечатление о браке Мастерсов сложилось в тот вечер, когда Шерманы были приглашены к ним домой на небольшой званый ужин. Билл приветствовал их у дверей, пока другие гости снимали свои шубы и пальто.

– Входите-входите, кладите пальто сюда, на кровать, – приговаривал Билл. Он поманил их в хозяйскую спальню, не переставая пожимать руки последним из вновь прибывших.

В спальне Сандра заметила нечто странное. «У них были сдвоенные кушетки вместо двуспальной кровати, они стояли раздвинутыми, и я подумала: «Бог ты мой! И это *он* собирается читать лекции о сексе?». Сама мысль о раздельных кроватях казалась ей неуместной и неприличной.

За несколько лет Джини усвоила жаргон медицинского мира и вела себя в лаборатории как заправский профессионал. Ее значение для этого проекта невозможно было переоценить. Как писал позднее Мастерс, она «обеспечивала подготовку, необходимую» женщинам-пациенткам для «обретения чувства уверенности в себе как сексуально ответственных личностях». Билл все чаще полагался на проницательность Джини и ценил ее предложения. Острота их споров осталась в памяти свидетелей. Фрайман вспоминал, как однажды они вели дискуссию о том, что такое оргазм. Билл как будто читал лекцию, опираясь на свое клиническое знание женской сексуальной реакции. Джини раздраженно слушала, закатив глаза в знак несогласия, пока у нее не лопнуло терпение.

– Ну, мне-то лучше знать! – воскликнула она. – *Я* женщина, а *вы* – нет!

Билл признавал свою частичную невосприимчивость к тонкостям любви. «По моему мнению, самый важный вклад Джини, – говорил он позднее, – это ее терпеливая и искренняя ориентация на множество аспектов женской психосексуальной личности». Он нуждался в Джини как в переводчике. Она оказалась для него даром Божьим, женщиной, которая по праву заслужила место рядом с ним.

Роль Джини выросла и в общественной сфере. Она сопровождала доктора и миссис Мастерс на благотворительные мероприятия и праздничные события, спонсируемые медицинской школой. «Они входили в двери как неразлучное трио, – вспоминала Сандра Шерман. – Я чувствовала, что за этим кроется нечто большее. Некоторым мужчинам нужны гаремы». Одежда Джини и ее поведение никогда не выходили за узкие рамки того, что было принято в среде врачей и их жен, но она умела подать себя. «Она была одета со вкусом, но всегда чуть

ярче, чем Либби», – поясняла Сандра.

Друзья гадали, что думает по этому поводу Либби Мастерс. Могло ли ее не настораживать желание мужа приглашать на подобные мероприятия другую женщину? Как бы ни разуверял ее Билл, как бы сердечно и безобидно ни вела себя по отношению к ней Джини, – могла ли Либби не подозревать, что отношения ее мужа с ассистенткой были не только профессиональными?

Иногда на поздние ужины у Эстабрукс Мастерс приезжали только Билл и Джини. В неизведанных глубинах исследований секса существовала постоянная потребность в диалоге и оценке. Билл бесконечно читал проповеди об опасностях их работы. Пациенты должны быть защищены от любого вторжения в их частную жизнь, настаивал он, и их крохотная команда не может позволять себе никаких порнографических мыслей во время этих сеансов. Для этого требуется безупречный профессионализм.

Однако постоянное наблюдение за сексом в лаборатории возбуждало самих Билла и Джини. Несмотря на строгую, подчеркнуто «докторскую» манеру поведения с волонтерами, напряженность вечерних сеансов влияла на их последующие обсуждения. Зрелище мужчин и женщин, которые извивались и подскакивали, сосали и целовались, ласкались и совокуплялись; теплые, мускусные запахи, исходившие от смотровой, смешанные с ароматами духов и одеколона; вид переплетенной плоти и страстных объятий – все это со временем пробило брешь в стенах, которые Мастерс возвел для своего эксперимента. Теоретические беседы о сексуальных техниках вскоре свелись к тому, что они могли выяснить сами, вдвоем. Менее чем через год Билл стал инициатором главной перемены в их рабочих отношениях. Сексу предстояло стать частью рабочих обязанностей Вирджинии Джонсон.

Опасаясь, что влечение, возникающее в лаборатории, может привести к неподобающей «трансференции» на пациентов, Билл предложил направить подавленные, бушующие гормоны друг на друга. В его устах это звучало как идея установить стравливающий клапан на мчащемся локомотиве, способ предотвратить крупный взрыв в пути. Лучше тайно и без опасности разоблачения удалять гормоны из наших организмов, говорил он, чем рисковать влюбиться в кого-нибудь из пациентов. Вероятно, знакомство Джини с теориями Фрейда о трансференции показалось Биллу удобным предлогом для такой формулировки. А может быть, интерес к Джини, который демонстрировали некоторые мужчины-пациенты и врачи, заставил сработать его внутренний набат.

Верный себе, Билл изложил свое предложение сухим

профессиональным тоном, как обоснованный, отстраненный и формальный способ действий, который будет способствовать научному пониманию. Занимаясь сексом друг с другом, говорил Билл, они смогли бы тестировать наиболее эффективные методы достижения оргазма или предупреждения эякуляции. Вместо того чтобы полагаться на фотографическую документацию, они сами выяснят, как ощущается «поверхностная вазоконгестивная кожная реакция на возрастающее половое возбуждение» – которую они назвали «сексуальным приливом» – чтобы точнее сформулировать, что это такое. Мастерс пропагандировал этот шаг как жертву во имя чистой науки, продолжение давней традиции ученых-практиков, испытывавших свои открытия на себе.

Однажды вечером, после того как уехали последние подопытные, доктор Мастерс и его помощница разделись и на односпальной койке с зелеными госпитальными простынями разыграли в лицах те физиологические реакции, которые стремились понять. Вирджиния Джонсон никогда не была привлекательнее для своего босса, чем тогда, – чувственная женщина, полная сил, свободная, внимательная к каждой детали и жаждущая угодить шефу. Развязав свой галстук-бабочку и расстегнув накрахмаленную белую сорочку, Билл обнажил крепкое тело бывшего спортсмена, который все эти годы старался держать себя в форме. В этот момент он точно знал, что хочет делать – и делал это с непререкаемой властностью.

Он велел Джини сохранять профессиональный подход, насколько это возможно. Их опыты не должны были выходить за рамки научных изысканий, вторгаться в путаные сферы эмоций. Сотрудничая с ним в качестве помощницы, занимаясь с ним сексом из чисто клинических соображений, Джини еще раз подтвердила свою преданность делу… или, возможно, так успокаивал себя Билл.

Коллеги по «Клинике материнства» подозревали, что у Мастерса роман с помощницей – точно так же, как у других врачей с медсестрами – но никто не высказывал таких мыслей вслух. Некоторые считали зачинщицей Джини – «разведенку», якобы решившую заарканить преуспевающего доктора. Те, кто хорошо его знал, говорили, что сама природа работы – наблюдение сотен сексуальных взаимодействий в лаборатории – взяла верх над их претензиями на объективность. Майк Фрайман, который был в одинаково дружеских отношениях как с Джини, так и с Биллом, говорил, что их свела вместе сексуальная энергия экспериментов. «Это было все равно что наблюдать за жеребцом и кобылицей, – констатировал он. – Они имели дело с очень

возбуждающими вещами. Они с самого начала сблизились эмоционально и сексуально».

Но все эти выводы не объясняли и половины происходившего. Их ближайший помощник доктор Роберт Колодны собирался писать биографию Мастерса и Джонсон и подробно расспрашивал их об истоках их партнерства. Только после многих бесед с Биллом и сравнения их с версией Джини Колодны понял, что произошло.

Билл воображал себе «схему» (как назвал это Колодны), в которой его помощница будет заниматься с ним сексом ради углубленного понимания всего, что они узнавали путем наблюдения. Он настаивал на исполнении этого требования в самом начале их рабочих отношений, когда Джини была всего лишь хорошенькой секретаршей. Он прощупывал ее, пока не убедился, что она будет послушно исполнять его планы. Если бы Джини «уклонилась», считал Колодны, «ей нашли бы замену».

Билл наивно и ошибочно полагал, что его сластолюбие не выйдет за пределы лаборатории. Казалось, он забыл и о своих брачных обетах, данных Либби, и о романе Джини с судьей Ноем Вайнштейном. Никто никогда ничего не узнает, настаивал он, если они сохранят эту тайну между собой. «Не думаю, чтобы кому-то из них казалось, что это любовь, – говорил Колодны о начале их отношений. – Это был чистый секс».

Десятилетия спустя Джини была неприятно задета, узнав об этих воспоминаниях Колодны. Эта версия сильно отличалась от того варианта их истории, который она поведала своим детям и родителям (и в правдивости которой пыталась убедить саму себя). «Билл был мне не нужен, – настаивала она. – Я хотела получить работу».

Награда Вирджинии Джонсон за ее энтузиазм и покорность казалась весьма впечатляющей: исследовательский пост в самом престижном университете города, увлекательная интеллектуальная работа, намного превосходившая уровень ее образования, достаточное количество денег, чтобы самостоятельно воспитывать детей и не быть никому обязанной.

К 1960 году Джини стала соавтором Билла в медицинском исследовании «Женщина: анатомия сексуальной реакции», опубликованном в журнале, который издавала Медицинская ассоциация штата Миннесота. Это было большое достижение, поставившее ее на одну ступень с докторами Вашингтонского университета, которые имели честь разделять соавторство с доктором Мастерсом. Последовал целый ряд других медицинских публикаций, созданных в соавторстве, щедрые повышения жалованья и новые важные служебные обязанности. Этот успех

породил слухи, предполагавшие, что речь идет о чем-то большем, чем эмпирическое наблюдение в лаборатории. Какой ученый был бы столь великодушен, столь прогрессивен, чтобы делиться своей честно заработанной славой с женщиной? Но эти подарки судьбы доставались Джини ценой, о которой она никогда не решалась упоминать.

Женщинам следующих поколений такое предложение могло бы показаться не только бесчестным, но и незаконным сексуальным домогательством, поводом для судебного иска. Но в конце 1950-х у только что нанятых на работу секретарш было не принято обвинять больничных врачей в сексуальной бестактности. Многие не отказывались полюбезничать с начальником за ужином. А если эти женщины не соглашались на продолжение после коктейлей, их дневная работа могла скоропостижно закончиться: либо они уходили сами, либо получали извещение об увольнении. Джини пришла в Вашингтонский университет, чтобы заново выстроить свою судьбу после двух неудачных браков, с двумя детьми на руках. Она хотела обрести новую жизнь и не могла себе позволить все бросить и гордо уйти.

Принужденная к покорности личными обстоятельствами и духом своей эпохи Джини не стала разыгрывать оскорбленную невинность, отказываясь от секса с Биллом. Она приняла его «заходы» без жалоб, хотя не испытывала к нему никакого интереса. К тому времени Джини обладала достаточным жизненным опытом, чтобы знать, что в жизни женщины секс принимает разные формы и виды. Фасад строгого профессионализма был еще одной маской, которую она надевала вполне добровольно. Она знала, что этой проблемой нельзя делиться ни с кем. «Я находилась в чрезвычайной ситуации, а эта работа была прибыльной, – вспоминала она. – Люди спрашивали, почему Билл нанял меня, и он говорил: «Потому что она знала, откуда берутся дети»».

Их сексуальная связь создавала многочисленные неловкие моменты для самой Джини и другой близкой женщины Билла – его жены Либби. Их жизнь все сильнее переплеталась. Джини Джонсон стала своим человеком в доме Мастерса. Либби порой брала на себя всех четверых детей, если Билл и Джини уезжали на медицинские конференции. «Мои дети оставались с Либ, когда мы начали ездить по стране, – вспоминала Джини. – Она очень хорошо к ним относилась».

Сорокапятилетняя Либби была старше Джини и не столь независима. Загородный быт Мастерсов в Лейдью с его кантри-клубами и зелеными садами, в которых играли дети, казался

таким безмятежным, что ей не хотелось вносить в него разлад, тем более не имея явных доказательств неверности мужа. Ей нравилась Джини Джонсон, и она с самого начала старалась подружиться с ней. Джини не могла не ответить Либби привязанностью. Временами Либби откровенничала с ней как с другом, как женщина с женщиной. Она полагала, что Джини видела холодность ее мужа, его высокомерное поведение и, вероятно, знала куда больше о его занятиях в клинике, чем она сама.

После одного праздничного ужина в 1960 году две женщины ушли подальше от Билла и его матери Эстабрукс и от шумной игры, которую затеяли дети. В кухне Либби решилась на откровенный разговор.

– Я сделала верный выбор, не так ли? – спросила Либби. После пятнадцати лет совместной жизни она задумывалась, не совершила ли ошибки, выйдя замуж за Билла Мастерса. Джини неловко поерзала и пожала плечами.

– Господи, Либ, как я могу на это ответить! – воскликнула она.

Либби тут же сделала вид, что ни о чем не спрашивала, и вернулась к своим обязанностям хозяйки дома. У Джини не возникло ощущения, что Либби пыталась выманить у нее признание о незаконных отношениях с Биллом. Скорее, прямота взгляда Либби, ее искренность показывали, что она считала Джини своей доброй и доверенной подругой.

«Он никогда не был верным мужем, – вспоминала Джини, подчеркивая, что в том не было ее вины. – Мы были близки с Либ. Их дети звали меня «тетя Джини».

Однако это двуличие не устраивало Ноя Вайнштейна. Он постоянно встречался с Джини в 1959 году, посещая с ней вечеринки, на которые были приглашены и Мастерсы. Постепенно судья стал чувствовать какой-то подвох. Его политические друзья, обеспокоенные будущим Ноя в судебной системе, тоже выражали тревогу по поводу его романа с Джини и поэтому решили провести собственное расследование.

«Один из его приятелей позвонил мне и пожелал узнать, что̀ я знаю о Вирджинии Джонсон. Этот вопрос был задан в связи с ее отношениями с судьей Вайнштейном, – вспоминал Марвин Кэмел, коллега Билла, который мог засвидетельствовать только профессионализм Джини и ничего не знал о ее частной жизни. – Полагаю, их беспокоило, что она подрывает его репутацию. В то время ходили разговоры о том, что они [Джини и Ной] собираются пожениться».

Но свадьба Джини и судьи так и не состоялась. В 1960 году

Ной познакомился с вдовой по имени Сильвия Лефковиц, с которой не возникало тех сложностей, какие были у них с Джини, включая вопрос религии, и женился на ней. Она была очень энергичной, финансово независимой – так что ей не нужно было работать – и идеальной женой для судьи. Когда ее годы спустя спросили о Вирджинии Джонсон, Сильвия проявила осмотрительность, которую юристы так ценят в супруге. «Да, я знала, что она входила в его круг, – сказала она. – Но это совершенно меня не касалось».

После женитьбы судьи Джини продолжала с ним общаться, хотя Сильвия никогда к ним не присоединялась. «Мы с Биллом приглашали их вдвоем на обед, но она не приходила, потому что знала, какова была моя роль в его жизни, – вспоминала Джини. – Мы просто оставались добрыми друзьями».

Возраставшая роль Билла Мастерса в жизни Джини не давала Ною ни малейшего шанса. Ной был достаточно умен, чтобы чувствовать, какую власть забирает над ней Билл, и достаточно горд, чтобы прикрыть обиду шуткой или показным безразличием. Однажды судью спросили, есть ли у него новая книга, которую Джини опубликовала вместе с Биллом и которая была основана на проведенных ими исследованиях секса.

– Да, у меня есть экземпляр с ее автографом, – ответил он. – «Мужчине, который научил меня всему. Вирджиния»!

Все натянуто рассмеялись.

На самом деле дарственная надпись Джини на экземпляре Ноя гласила: «Ною, который всегда находился рядом, когда это было важно».

Впоследствии Джини не раз жалела, что не вышла замуж за Ноя. Но в то время она слишком верила в идеи Билла и была воодушевлена их совместной работой. А может быть, она просто обманывала себя и действительно хотела, как подозревали другие, заполучить Билла Мастерса.

Глава пятнадцатая
Уход из университета

«Должен признаться, что ни один предмет никогда не вызывал у меня такого отвращения, как зрелище ее чудовищной груди».

Джонатан Свифт,
«Путешествия Гулливера»

Увеличенный киноэкраном гигантский мерцающий торс обнаженной женщины заворожил всех в конференц-зале. Около 20 мужчин-врачей, многие с бокалом мартини в руке, уставились, точно любопытные лилипуты, на огромную ареолу в пупырышках, на затвердение розовых сосков, на исполинские мясистые полушария, набухшие от прилива крови, – все это указывало на возбуждение.

На семинарах, проходивших пятничными вечерами в отделении акушерства и гинекологии Вашингтонского университета, ораторы в откровенных подробностях обсуждали свои анатомические исследования. Некоторые использовали слайды или писали заметки мелом на доске. Но никто еще не видел ничего подобного. Этот фильм демонстрировал эрекцию соска во время оргазма, показывал, как наполняются кровеносные сосуды шеи и груди и почему эти области выглядят покрасневшими во время сексуального возбуждения. Лица женщины не было видно.

Доктор Уильям Мастерс гордо стоял у сцены, в то время как Вирджиния Джонсон порхала по залу, провожая опоздавших на их места. Билл постарался красиво преподнести свои секс-исследования. Он показал фильм о женщине, чьи телодвижения указывали, что она поместила палец в промежность и трет ее. Фокус камеры был сосредоточен на груди и демонстрировал эрекцию сосков. Билл упомянул, что у маленьких детей мужского пола бывают эрекции. Он настаивал, что эрекции – нормальное физиологическое явление, идет ли речь о младенце или о сексуально возбужденной взрослой женщине.

Но то, что казалось обычным Мастерсу после пяти лет наблюдения человеческой сексуальности, оказалось шоком для его коллег. После крупного плана вздрагивающих грудей с

прикрепленными к ним электродами фильм перешел к более интимным кадрам женских гениталий, причем глазок камеры явил зрителям вид внутренних стенок влагалища. Хотя Мастерс на протяжении всего этого гинекологического путешествия не прекращал хладнокровных комментариев, зрелище напоминало «мужские фильмы», которые крутили в какой-нибудь холостяцкой берлоге.

Рассказывая, как можно прийти к более точному пониманию физиологических аспектов оргазма, и опровергая устарелые представления о женской физиологии, Мастерс надеялся на поддержку коллег и не ожидал критики. Ему следовало бы быть благоразумнее. Накануне презентации журнал «Акушерство и гинекология» (*Obstetrics and Gynecology*) отверг статью, содержавшую результаты его сексуальных исследований, как чересчур рискованную. Мастерсу казалось, что американские акушеры-гинекологи будут приветствовать новейшую медицинскую информацию, на сбор которой ему потребовались годы. Но теперь он осознал, что его профессиональное братство «всегда принимало тот факт, что зачатие и рождение детей – естественные функции, но отказывалось рассматривать как таковые сами средства зачатия».

Раздраженным преподавателям школы, помимо всего прочего, казалось, что Мастерс обнажил зияющую прореху в их медицинской подготовке. Стало ясно, насколько они не готовы к ответу на фундаментальные физиологические вопросы, как мало так называемые «женские доктора» знали о женщинах. Старомодный подход деревенского лекаря, удобный для мужчин-врачей, отныне перестает быть адекватным, – вот о чем говорило исследование Мастерса и Джонсон. Врачи больше не могли прятать свое невежество под маской радушия. Значительная часть студентов-медиков – по позднейшим оценкам Мастерса, от 20 до 25 процентов, – придя в ярость, заявили протест против непристойности исследования, и к ним присоединились три старших преподавателя.

Когда Мастерс обсуждал эту реакцию коллег с Уиллардом Алленом, старый друг велел ему не беспокоиться. «Билл, они просто *жалуются* – они не изложили это в письменной форме», – уверял Аллен, который полагался на поддержку ректора Этана Шепли. Но противодействие Мастерсу и Джонсон только начиналось. Мастерс полагал, что его откровенная презентация покончит с «необоснованными слухами» об их исследовании, но слухов лишь стало больше, включая и сплетни о том, что одной из обнаженных и «безголовых» женщин в фильме была Джини Джонсон.

Несколько человек, участвовавших в съемках фильма, в том числе фотограф Крамер Льюис и сама Джонсон, отрицают, что она когда-либо появлялась на экране как анонимная модель. «Это были волонтеры, – утверждала Джонсон. – Ведь это я подключала к ним аппаратуру, чтобы в фильме был звук! Я никогда не участвовала ни в какой демонстрации, да и не занималась ничем таким». Но смешки и разговоры по поводу ее возможного участия в съемках отражали отношение к проекту Мастерса.

Внутри клиники росла таинственность. Льюис, техник из отдела иллюстрации медицинской школы, и профессор физиологии Уильям Слейтер, который замерял показатели дыхания пациентов и другие жизненно важные признаки, сидели позади передвижных экранов, глядя, скорее, на свою аппаратуру, чем на лица тех, кто был перед ними. Оба были талантливыми профессионалами, которые соблюдали предписание Мастерса – никогда не обсуждать свою работу. Льюис усовершенствовал техническое качество интравагинальной съемки до такого уровня, что мутные изображения стали кристально отчетливыми. В компании «Истмэн Кодак» его пленки обрабатывались в обстановке строгой секретности. «Некоторые профессора подходили ко мне и велели рассказать им, что я видел, а я отказывался это делать», – говорил Льюис.

Мастерс и Джонсон столкнулись с целым рядом забавных, но действующих на нервы попыток побольше узнать об их занятиях. Однажды вечером, возвращаясь из больничного кафетерия, Джини увидела одного из старших преподавателей. Он стоял, приставив свой стетоскоп к стене их кабинета и пытаясь подслушать, что происходит внутри.

Врачи из других отделений госпиталя то и дело неожиданно заглядывали к ним, стараясь непременно увидеть – вполне вероятно, из вуайеристских побуждений, – что у них происходит. Однажды Мастерс и Джонсон получили по почте несколько увеличенных изображений плотно занавешенных окон клиники, сфотографированных через улицу.

Мастерс убедил медицинскую школу Вашингтонского университета – первой из всех учебных заведений США – ввести обязательный курс лекций по сексуальности человека. Но не все были способны оценить важность знаний о сексе. Враждебность к исследованиям Мастерса нарастала, и касалась она не только вопросов пристойности и медицинской репутации, но и карьерного взлета Джини Джонсон.

Университет не обеспечивал финансирования вечерних исследовательских сеансов – небольшой компенсации для волонтеров, зарплат для Слейтера, Льюиса и в особенности

Джонсон. Заключив специальное соглашение с Алленом, Мастерс направлял на эти цели деньги, заработанные им за акушерско-гинекологические услуги, в том числе лечение бесплодия. Но по правилам, доход постоянных сотрудников считался собственностью медицинской школы, а не использовался врачами на их собственные проекты. Университетская администрация решила покончить с этими особыми финансовыми условиями – предположительно, с согласия Аллена.

Хотя Мастерс получал какие-то деньги в виде грантов на свои физиологические исследования, он сознавал, что будущий доход клиники будет зависеть от платы за терапевтические сеансы с пациентами, столкнувшимися с сексуальными проблемами. Кроме того, начальство медицинской школы не желало, чтобы Мастерс посвящал все время секс-клинике за счет своих обязанностей как преподавателя и хирурга. Еще одним камнем преткновения было место Джонсон как особой приближенной Мастерса. В школе не желали слышать ни о каком ее назначении штатной сотрудницей. Это предложение провоцировало насмешки и повторение необоснованных слухов о том, что это ее обнаженное тело было там, на киноэкране.

Вскоре на место прежних защитников Мастерса пришло молодое поколение, которое смотрело на его работу не столь благосклонно. Влиятельные силы в больнице хотели от него избавиться. После 20 лет работы в Вашингтонском университете Мастерс пришел к выводу, что больше не может там оставаться. Он отказался от своего бессрочного профессорства и высокого статуса, завершил хирургическую практику в госпитале и передал своих акушерско-гинекологических пациенток другу и коллеге Джону Барлоу Мартину.

Хотя Джордж Вашингтон Корнер в свое время говорил ему, что для такого дерзкого исследования жизненно важно университетское «прикрытие», Мастерс столкнулся с суровой реальностью: истина о сексе бывает нестерпима для многих, включая ученых и мастеров целительных искусств. Он решил, что отныне и впредь они с Джонсон будут в одиночку противостоять миру скептиков.

Глава шестнадцатая
Вопрос доверия

Мастерс и Джонсон вместе с крохотной группой сотрудников переместились через улицу, в здание с белыми колоннами по адресу Форест-Парк-бульвар, дом 4910. Своей секс-клинике они дали невыразительное название Фонд исследований репродуктивной биологии (Reproductive Biology Research Foundation). Мастерс позаботился, чтобы в его новый некоммерческий фонд входили только те попечители, которые были персонально преданы ему и благодарны за его услуги в качестве врача. После ухода из Вашингтонского университета, окруженного слухами и обвинениями, ему нужны были люди, которым он мог доверять.

Торри Фостер, несмотря на недостаток опыта, стал новым адвокатом фонда. Он знал Мастерсов еще с тех пор, когда был мальчишкой и жил по соседству с ними в Лейдью. Жена Торри наблюдалась у Мастерса, своего первого гинеколога. Учитывая долгую историю знакомства, Мастерс никогда не сомневался в верности Фостера.

Этан Шепли-младший, сын бывшего ректора Вашингтонского университета, стал председателем фонда. Как и его отец, он твердо верил в важность исследований Мастерса и Джонсон и в создание среды, свободной от интеллектуального притеснения. Другие члены совета попечителей привнесли в фонд свой интеллектуальный авторитет и научную квалификацию, например доктор Рэй Вэггонер, психиатр из Мичиганского университета, и Эмили Мадд, известный семейный терапевт. Но большинство попечителей, например комиссар полиции Сэм Прист или страховой инспектор Джон Бродхед, в основном оказывали любезность Мастерсу, или их жены были его пациентками.

На встречах совета попечители фонда подчинялись мнению Мастерса. Если Джонсон и подавала голос, то лишь для того, чтобы пояснить сказанное им или напомнить ему о том, что он забыл упомянуть. Попечители были посвящены только в те подробности, которые были необходимы.

Если не считать скрытности и дерзости намерений, фонд окружала прогрессивная аура, будто он выполнял такую же благородную миссию, как принятая Америкой в середине 1960-х годов программа освоения космоса. Но Мастерс многое утаивал от своих соратников, включая факт, что прежде он использовал в

своих исследованиях проституток. Юношеский безыскусный энтузиазм, с которым Фостер поддерживал давнего друга семьи Билла Мастерса, не давал ему разглядеть более тонкие подводные течения, например сложные отношения Билла с Джини.

Однажды Либби стала расспрашивать Торри, не рискует ли Билл и своей медицинской карьерой, и (подспудно, не решаясь высказать это вслух) их браком.

Торри, сама честность, уверил Либби, что ее страхи беспочвенны.

– То, что делает Билл, законно и очень важно, – объяснял Фостер. – Я уверен, что вам не о чем беспокоиться.

Каждое утро на рассвете Билл Мастерс совершал пробежку мимо усыпанных росой лужаек и пустых улочек Лейдью, потом принимал душ и весь оставшийся день проводил на работе. Его серо-голубые стальные глаза и суровость его повадки буквально излучали самодисциплину, которую он развивал и высоко ценил еще с тех времен, когда выходил на футбольное поле в Гамильтон-колледже. После своего неофициального изгнания из медицинской школы Мастерс трудился с удвоенными усилиями, движимый желанием доказать, что не собирается стать проигравшим в самой большой азартной игре своей жизни. «Он сделал бы что угодно, чтобы достичь своей цели, – объясняла Джонсон. – Он не мог не быть победителем».

Когда престижные журналы отказались публиковать результаты по исследованиям секса, Мастерс продолжал бороться за признание. Он нашел маленькое периодическое издание – «Западный журнал хирургии, акушерства и гинекологии» (*Western Journal of Surgery, Obstetrics and Gynecology*), которое было готово допустить его на свои страницы. Пренебрежение со стороны маститых коллег приводило его в ярость. Мастерс на чем свет стоит клял их близорукое отрицание его научных открытий, которые, как он чувствовал, вполне могли бы потянуть на Нобелевскую премию в медицине.

«Западный журнал» не был известен за пределами Портленда, города в штате Орегон, где находилась его штаб-квартира, но его издатель, доктор Роберт Резерфорд, стал героем в глазах Мастерса после «любезного предложения» опубликовать его исследование.

Точно так же Мастерс не соглашался признавать отказы на ежегодных встречах американских акушеров и гинекологов. На съезде в Чикаго в начале 1960-х годов ему было сказано, что он не сможет представить свои открытия руководителям этой организации. Тогда Мастерс арендовал небольшой номер в отеле, где проходил съезд, чтобы провести там импровизированную

презентацию.

Сандра Шерман, которая присутствовала на том же съезде вместе с мужем, вспоминала: «От них шарахались, словно они были больны какой-то ужасной болезнью. И я подумала: «Господи ты Боже мой, да что с ними, с этими людьми?» Ведь секс – очень важная часть жизни, и как замечательно, что Мастерс и Джонсон могут говорить о нем и помогать людям».

Одержимый духом мести Мастерс хотел доказать, что его хулители ошибаются насчет профессионализма Вирджинии Джонсон. В их новоиспеченном фонде, свободном от университетского управления, он назначил ее научным сотрудником и постоянно увеличивал ее зарплату. Словно гордый импресарио Мастерс подавал Вирджинию Джонсон как равную себе во всех их научных работах, показывая, что она была источником многих оригинальных идей.

Поначалу ему верили немногие. Только горстка друзей понимала, какая динамика существовала между этими двумя исследователями, как идеи одного развивал и оформлял другой. Однако на профессиональных заседаниях Джонсон чувствовала себя неуверенно, как будто любой бесцеремонный вопрос мог разоблачить ее как мошенницу. Она напоминала Мастерсу, что у нее нет необходимого образования для столь щекотливой тематики. Он в ответ давал Джини частные уроки по анатомии человека, физиологии и медицинской терминологии. К 1965 году они привыкли репетировать каждое появление на публике, отрабатывая предложения и фразы, которыми она дополняла комментарии Билла.

В свою очередь Джонсон была катализатором их амбициозной программы. Она постоянно подбадривала Билла Мастерса. «Пигмалионовский» взлет обычной секретарши до уровня партнера по медицинским исследованиям был в первую очередь мотивирован самой Джонсон, сильной женщиной, полной решимости двигать их проект к успеху.

Стремление Вирджинии Джонсон к равенству отражалось в их личных взаимоотношениях с Мастерсом. Никто не знал, что секс с ним был навязан ей как часть рабочих обязанностей, и Джонсон не показывала, что это ее задевает. Она сумела превратить сексуальное доминирование Билла в свое преимущество. Старые друзья замечали, что он больше не вел себя как профессор-одиночка и стал чаще считаться с ней как с партнером. Некоторые пришли к выводу, что перемены исходят из спальни, а Джонсон – их инициатор.

По мере того как личное и профессиональное в их отношениях переплеталось, в их повседневной жизни возникали

новые сложности. Однажды поздно вечером Либби позвонила мужу в номер отеля, и трубку сняла Джонсон. Друзья и соседи, сталкиваясь с реальностью тайных отношений Билла и Джини, старались избегать этой темы, особенно в присутствии Либби.

Мать Торри Фостера, соседка Мастерсов, была возмущена поведением Билла по отношению к жене, которую она по-прежнему звала Бетти. Когда заканчивались школьные занятия, Билл уговаривал Бетти и детей уехать на каникулы, а Джини поселялась в их доме на все лето.

Однажды Бетти призналась Доди Бродхед, что ее муж остается дома не один, пока они отдыхают на Верхнем полуострове озера Мичиган. «Она сказала: «Разве не здорово, что, когда я в Мичигане, Джини заботится о доме?» – вспоминала Доди. – Была ли эта наивность напускной – кто знает! Либби походила на тех старомодных леди, которые смотрят в другую сторону, высоко держа голову».

Но Либби Мастерс все чаще сталкивалась со свидетельствами неверности мужа. В Кантри-Дей-Скул, престижной частной школе, где учились юный Хауи Мастерс и сын Вирджинии Скотт, Джонсон однажды пришла на родительское собрание в шубке из викуньи – очень дорогого меха.

– О, какая прекрасная шуба! – восхитилась одна родительница.

– Да, мне ее подарил Билл Мастерс! – величественно ответила Джонсон.

Стоявшая рядом Либби едва не сгорела со стыда.

Либби и раньше было одиноко в ее загородном доме, но теперь это чувство усугубилось подозрением, что муж изменяет ей.

Впервые в жизни Джонсон стала зарабатывать достаточно денег, чтобы обеспечить комфортный образ жизни себе и детям. Она обрела уважение благодаря революционному исследованию, отчет о котором Мастерс подписал также и ее именем. Его домогательства стали постоянными отношениями, которыми она научилась наслаждаться. Они занимались сексом не только дома у Джонсон; фонд арендовал небольшую квартирку для временного проживания гостей, в которой они оставались вечерами, когда она пустовала.

Отношения с Джонсон значили для Билла куда больше, чем обычная интрижка. Рассчитывая, что исследования секса приведут его к славе, Мастерс видел в ней незаменимый компонент своего успеха. Он все больше зависел от Джини. Во многих отношениях лидером была она – ее подход к изучению человеческой сексуальности был более структурированным, чем

он мог себе представить.

Либби Мастерс смирилась с этой ситуацией. Примерные жены, полагала она, игнорируют предательство мужей и сосредоточиваются на детях. Либби надеялась, что ее сердечная боль когда-нибудь утихнет. Вероятно, Билл действительно был любовью всей ее жизни.

Глава семнадцатая
Раскрывая секреты

«Если бы меня спросили, чему мы обязаны необыкновенным процветанием и растущей силой своей страны, я бы ответил, что это результат чрезвычайно высокого положения наших женщин».

Алексис де Токвиль, «Демократия в Америке»

Почти десять лет их тайна оставалась нераскрытой. Слухи о лабораторном исследовании, посвященном сексу, не просочились ни на телевидение, ни на радио, ни в печать. СМИ Сент-Луиса договорились о режиме молчания, пока эта противоречивая работа не будет завершена. Нельзя сказать, чтобы это решение далось им с трудом. Секс по-прежнему оставался частной территорией супружеской спальни, а тех, кто отклонялся от этого правила, ждали суровые религиозные и политические последствия. В те времена даже слово «беременная» могли «запикать» в любой телепрограмме. Секс-просвещение не допускалось в школьные классы. Америка косо смотрела на работающих матерей, загоняла гомосексуалов в подполье, объявила вне закона контрацепцию для не состоящих в браке взрослых и сделала аборт уголовным преступлением во всех 50 штатах.

Когда Мастерс и Джонсон в сентябре 1964 года подписали договор на книгу, суммирующую их физиологические и анатомические открытия, на это обратили внимание лишь немногие. Крайне бедная иллюстрациями, похожая на учебник энциклопедия под заглавием «Человеческая сексуальная реакция», опубликованная отделом медицинской литературы заслуженного бостонского издательского дома *Little, Brown and Co.*, была рассчитана в первую очередь на врачей и ординаторов, нуждавшихся в базовой подготовке. Согласно контракту Джонсон получала одну треть всех авторских отчислений, такая же доля принадлежала Мастерсу, а еще одна треть уходила в их некоммерческий фонд.

Но не успели высохнуть чернила на договоре, как их настигло громкое разоблачение. «Я знал, что мы играем с

огнем, – объяснял позднее Мастерс. – Удивительно, что этого не случилось раньше».

В ноябре 1964 года журнал «Комментарий», посвященный политике и культуре, опубликовал статью психиатра фрейдистской школы Лесли Фарбера, разоблачавшую «маленький грязный секрет» Сент-Луиса. Он обернул свою «бомбу» в насмешливый рассказ об отделении эроса от настоящей любви в современной американской жизни.

Подставить секс под микроскоп науки означало «удалить его из всех традиционных дисциплин, таких как религия, философия, литература, которые всегда интересовались сексом как человеческим переживанием». Фарбер описывал плотскую гимнастику в лаборатории Мастерса, обнаженных, безликих женщин-волонтеров, которые предпочитали «аутоманипулятивные методы» традиционным «миссионерским» методам любви. Таинственная сила женского оргазма, раскрытая в фильме, одновременно заворожила и ужаснула беднягу Фарбера. Его эссе содержало достаточно подробностей, чтобы другой журналист назвал его «сочным образцом высоколобой порнографии». С наигранным возмущением Фарбер распространялся о недугах американского секса. Он скорбел о смерти старого доброго романтизма. Вместо того чтобы быть «королевой куртуазной любви», писал он, каждая девица в сент-луисских экспериментах стала «лабораторной леди», которая могла включать и выключать свой сексуальный пыл, точно рубильником.

Фарбер верно почувствовал назревавший культурный водораздел. К середине 1960-х годов в движение пришла истинная американская революция, порожденная только что изобретенными противозачаточными таблетками, которые американские девушки могли купить в аптеках. Оргазм теперь казался боевым кличем индивидуальной свободы, прирожденным правом каждого. «Из всех открытий, сделанных сексологией, женский оргазм остается наиболее значимым по своим последствиям», – писал Фарбер в наименее иронической строчке своей критической статьи.

Почти 60 лет горы издаваемых в Америке психоаналитических книг и статей повторяли доктрину Зигмунда Фрейда о различии между клиторальным и вагинальным оргазмами. Во время полового развития, по мере того как эмоциональная привязанность юной девушки смещается от матери к отцу, считал Фрейд, ее половое чувство фокусируется на клиторе как «истинном суррогате пениса». В этот период незрелости, писал он в 1910 году, нарождающаяся сексуальность

девушки имеет «полностью маскулинный характер», в котором «она получает такое же удовольствие от своего клитора, как мальчик от пениса». Психоаналитики фрейдистского толка выстроили целую схему вокруг этих ничем не подтверждаемых заявлений. Женщин, которые предпочитали клиторальный оргазм, считали мужеподобными, невротичными, «фригидными» или одержимыми смешанными сумбурными эмоциями, в то время как женщины, получавшие вагинальные оргазмы, считались женственными, зрелыми и нормальными. Это убеждение стало «символом веры» многих психоаналитиков.

Как бы ни были велики достижения Фрейда в работе «на кушетке», Мастерс и Джонсон решили, что он ошибался в медицинских фактах, относящихся к спальне. Цветные фильмы, снятые этой парой, опровергали взгляды Фрейда, и такой вызов был немалым подвигом. Более позднее исследование дюжины медицинских учебников 1960-х годов, проведенное двумя учеными из Чикаго, обнаружило, что две трети книг «продолжали утверждать, в пику открытиям Мастерса и Джонсон, что у мужчин половое влечение сильнее, чем у женщин». Половина учебников, написанных гинекологами и другими врачами, обслуживающими женщин, называли «продолжение рода» главной причиной секса для большинства женщин. В двух из них говорилось, что большинство женщин «фригидны», а еще два повторяли утверждение Фрейда о том, что вагинальный оргазм – единственная «зрелая» сексуальная реакция.

Мастерс и Джонсон настаивали, что предшествующие исследования сексуальности были «выражением личного мнения или ограниченного клинического наблюдения» – стрела, явно нацеленная во Фрейда и его последователей. Казалось, их лабораторные доказательства невозможно отрицать. Как показывали электроды и другие устройства, мультиоргазмический потенциал американской женщины намного превосходил потенциал мужчины, который ослабевал – по крайней мере, временно – после всего одного удачного выстрела. Основанное на медицинских фактах исследование Мастерса и Джонсон предлагало освободить американцев от культурных предрассудков, а женскую сексуальность – от фрейдистского заточения.

Вооруженные этой информацией и набором новых контрацептивных методов молодые американки радикально изменили свой подход к сексу. Коллега Фарбера, убежденный фрейдист, психиатр из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Ральф Гринсон пытался в 1966 году предупредить съезд Американской медицинской ассоциации о грядущем

цунами. «У меня впечатление, что женщины становятся сексуально более самоуверенными и требовательными, а мужчины – более индифферентными и вялыми, – предостерегал он. – Очевидно, получив большую свободу, они [женщины] ощущают свое право на равное сексуальное удовлетворение наряду с прочими правами». Фрейдистский психоанализ был опровергнут клинической медициной, так же как наблюдения с помощью телескопа некогда угрожали церковным ортодоксальным представлениям о небесах.

Комментарий Фарбера пробудил в американских СМИ любопытство к исследователям, которые убедили сотни людей снять трусы ради стремления к знанию. Мастерс и Джонсон сохраняли решимость не повторять ошибки Альфреда Кинси и не заниматься опровержениями и публичными дебатами. Но эссе Фарбера стало предупредительным выстрелом, побудившим их ускорить исследования и наметить дату публикации новой книги на 15 апреля 1966 года.

Анонимным усилиям волонтеров предстояло обрести бессмертие в печатном слове, быть сведенными в таблицы и изложенными в сухих досье под безликими псевдонимами «субъект А», «субъект Б» и так далее. После 12 лет усилий и подготовки длиною в жизнь мечта Билла Мастерса совершить прорыв в медицине, который стал возможен только с участием Джини Джонсон, наконец осуществилась.

Глава восемнадцатая
Человеческая реакция

Книгу «Человеческая сексуальная реакция» Мастерс и Джонсон начали с предисловия о печальном состоянии науки в области, касающейся сексуальности, и о том, как мало общество делает, чтобы исправить это положение.

«Нет ни единого мужчины или женщины, которые не сталкиваются в своей жизни с трудностями сексуальных конфликтов, – писали они. – Разве можно допустить, чтобы эта сторона нашей жизни… продолжала обходиться без преимуществ объективного научного анализа?»

Благодарности Мастерса и Джонсон в адрес Альфреда Кинси, умершего более десяти лет назад, были почтительными, но сдержанными. Мастерс и Джонсон дали читателю понять: работы Кинси были чистой социологией, а не медициной. Они даже ухитрились отыскать цитату из Фрейда, которая звучала как лозунг их работы: *«Биология – воистину страна неограниченных возможностей. Мы …не можем даже догадываться, какие ответы она даст через пару десятков лет на вопросы, которые мы ей задали. Это могут быть такие ответы, которые сметут все искусственное здание наших гипотез».*

Отсюда следовало, что книга Мастерса и Джонсон и была тем самым взрывателем, появление которого предсказывал Фрейд. Вместо теорий и предположений они собирались представить факты, поддерживающие их утверждение.

Первый раздел подчеркивал общность между мужчинами и женщинами в процессе секса с его усиленным кровообращением и мышечным напряжением. Как натуралисты, ведущие дистанционное наблюдение за птицами, они отмечали изменения оттенков и форм в «оперении», таких, например, как «цветовые изменения малых половых губ у женщин и корональный прилив крови к пенису у мужчин во время фазы плато». Хотя Джонсон описывала частные медицинские случаи, главная часть 315-страничного текста, в которой разбиралась физиология и анатомия секса, принадлежала перу Мастерса, избравшего настолько нейтральный язык, насколько было возможно, особенно в описании половых актов.

Мастерс и Джонсон набросали общую схему секса, выделив четыре стадии человеческой реакции. При сексуальной стимуляции и мужчины, и женщины проходят через фазу возбуждения, фазу плато, оргазмическую фазу и фазу

разрешения, или рефракции. У мужчин возбуждение заявляет о себе быстро. Молодые мужчины могут перейти от неэрегированного состояния к полной эрекции за три – пять секунд. Хотя мужчинам более солидного возраста приходится дожидаться готовности в два-три раза дольше, а твердость эрекции может несколько колебаться, телесное воплощение возбуждения у мужчин никогда не меняется. У молодых женщин возбуждение вначале проявлялось эрекцией сосков, набуханием грудей и вагинальным увлажнением, происходившим в период от 10 до 30 секунд после начала возбуждения, и удлинением вагинального канала. Хотя у женщин старшего возраста возбуждение происходило несколько медленнее, исследователи выяснили, что при должной стимуляции «эти реакции могут продолжаться и в возрастной группе старше 80» – несомненный сюрприз для пожилых людей.

На этой столбовой дороге к экстазу искатели наслаждения вскоре оказывались в фазе плато – временном состоянии, которое проще всего описать как промежуточную станцию на пути к главному событию. У женщин влагалище увлажнялось еще обильнее, в то время как «цветовое изменение сексуального напряжения» окрашивало малые половые губы и окружающие ткани в цвета от ярко-красного до бордового. Что еще важнее, клитор, регулирующий половую реакцию у женщин, значительно твердел по сравнению с нормальным состоянием, причем его головка и ствол втягивались под защитную крайнюю плоть – капюшон. В этой фазе плато мужчина сохранял эрекцию, его тестикулы увеличивались и слегка приподнимались, выделяя несколько капель слизистой жидкости. Представители обоих полов обычно испытывали в этой фазе «половой прилив», отражающий «растущее половое напряжение» с временно возникавшей кожной сыпью на туловище, похожей на высыпания при кори.

Эту книгу, переполненную медицинскими терминами, один рецензент назвал «почти непроходимыми дебрями медицинского жаргона», приводя в качестве примера такой перл, как «этот макулопапулезный тип эритематозной сыпи сначала возникает в области эпигастрия», что автор научно-популярной литературы мог бы описать как «сексуальное покраснение на животе».

В момент оргазма представители обоих полов испытывали экстаз. У мужчины ритмы дыхания и сердцебиения существенно подскакивали, возникало «ощущение эякуляторной неизбежности» в простатической части уретры прямо перед выбросом семенной жидкости через пенис. Женщинам на выражение оргазма требовалось больше времени. Однако как

только женщина достигала своей кульминации, волнообразные сокращения в матке и внешней трети влагалища повторялись от четырех до восьми раз с интервалами в 0,8 секунды – примерно столько же, сколько и «экспульсивные сокращения» мужской эякуляции – прежде чем эта вибрация уменьшалась. Мастерс и Джонсон выяснили, что у возбужденных женщин передняя стенка влагалища отодвигалась назад и вверх, создавая эффект «тампонирования», наряду с увеличением размера матки почти вдвое. У обоих полов за сокращением тазовых тканей следовали гармоничные движения ректального сфинктера.

После этого кульминационного момента расслабление мышечного напряжения и отток крови от набухших половых органов отмечал четвертую фазу – разрешение. Этот финал был особенно заметен у мужчин, поскольку затвердевший пенис быстро «спускал пар». Возбужденный мужской орган, напоминавший цветом аметист, еще некоторое время оставался несколько увеличенным, после чего полностью сокращался до своего невозбужденного состояния. Хотя приток крови и покраснение кожи у женщин скоро ослабевали, рефрактерный период был едва заметен и «длился на протяжении многих минут», сообщали исследователи.

Мастерс и Джонсон оркестровали эти четыре фазы с изяществом, достойным концертов Вивальди, несмотря на то что их утверждение о сравнимости сексуальной реакции у мужчин и женщин казалось несколько натянутым. Вместо того чтобы рисовать два пола как полярные противоположности, Мастерс и Джонсон выяснили, что все люди, занимающиеся сексом, «гомогенны в своих физиологических реакциях».

Скептики сомневались в представленной ими четырехфазной конструкции и задавались вопросом, не слишком ли притянуты параллели между мужчинами и женщинами. Например, одинаковые, словно замеренные секундомером, 0,8-секундные сокращения у мужчин и женщин были «находкой не практической, но символической», отмечал историк Пол Робинсон. «Предполагается, что в высший сексуальный момент мужчины и женщины пребывают в идеальной гармонии. Они маршируют под дробь одного барабанщика». Книга указывала на равенство полов в сексе, не бросая прямого вызова ошибочному представлению медицинских профессионалов о мужском доминировании.

Тем не менее главное и исчерпывающе описанное в деталях открытие книги, сделанное на основе наблюдения за 382 волонтерами женского и 312 мужского пола за период в более чем десять лет, невозможно было отрицать: в суровых условиях

секса женщины превосходили мужчин. 141 страница была посвящена женской сексуальной реакции – втрое больше, чем досталось мужчинам. Клинические описания и иллюстрации рисовали карту зачарованной страны женского организма, подробно расписывая новые проникновения в необъяснимые физические тайны занятий любовью.

Главному открытию Мастерса и Джонсон в отношении женской сексуальной реакции предстояло вдохновлять американскую сексуальную революцию на протяжении следующих двух десятилетий. Восхищенный мультиоргастической способностью женщин Мастерс знал, что добытые им свидетельства потрясут столпы американской культуры, в которой доминировало мужское начало, одержимой своими «фаллическими заблуждениями» (по выражению Мастерса) и фантазиями. После первой кульминации «период ожидания» у мужчин составлял около часа или более; в течение этого периода, вежливо названного «периодом разрешения», они переживали временную импотенцию, и только после этого могли возобновить свое занятие. Но большинство оргазмировавших женщин были готовы к незамедлительному продолжению снова и снова. В этом сценарии «фейерверочный» потенциал женщины в постели намного превосходил одну-единственную маленькую хлопушку мужчины, лежащего рядом с ней.

До Мастерса и Джонсон медицинская литература рисовала так называемый слабый пол как «фригидный» или хрупкий, словно женщины были не способны держаться наравне с мужчинами. Хотя каждая шестая женщина из опрошенных Кинси сообщала о множественных оргазмах, большинство критиков отмахивались от этого феномена как от анатомической странности или, что особенно смешно было слышать от критиков-мужчин, – «ненастоящего» оргазма. Мастерс и Джонсон доказали, что биологическая реальность была совершенно иной. У мультиоргастичных женщин, выяснили они, оргазмы физиологически не отличались друг от друга и даже становились все лучше. Некоторые женщины наслаждались оргазмами без перерыва, другие на время переходили в иную фазу – возбуждения или плато, прежде чем устремиться к новому оргазму.

Прозревая тайны женского оргазма, Мастерс и Джонсон углубились в сложное устройство клитора, его реакций в пылу страсти. Клитор не был каким-то там «младшим братцем» фаллоса или его женским вариантом, как ошибочно утверждали анатомы. Не был он, как теоретизировали фрейдисты, и «незрелым» объектом любви мастурбирующих девушек до того,

как они выходили замуж и обретали предпочтительное блаженство вагинального оргазма. Мастерс и Джонсон изучали взаимосвязи между клитором и влагалищем во время сексуальной реакции и не обнаружили в оргастических реакциях никаких различий. «Действительно ли клиторальные и вагинальные оргазмы являются раздельными анатомическими сущностями? – спрашивали они. – С биологической точки зрения ответ на этот вопрос – безоговорочное «нет»». Не было никакого смысла и в сравнении клитора во время секса с мужским пенисом, добавляли они. Хотя вагинальная лубрикация могла возникать за время, примерно сопоставимое с мужским возбуждением, Мастерс и Джонсон настаивали, что «широко распространенное мнение о том, что клитор реагирует на сексуальную стимуляцию с быстротой, равной эрекции пениса, ошибочно».

Занявшие несколько страниц схематичные карандашные рисунки набухших грудей и женских гениталий служили путеводителем для неподготовленных. Распечатка электрокардиограммы прослеживала ускорение сердцебиения во время оргазма, иногда взлетающего до 180 ударов в минуту. Женщин наблюдали в положении лежа на спине, сверху, с коленями, прижатыми к груди. Они подвергались ручным манипуляциям, самостоятельным или с помощью партнера, или возбуждались механически с применением клинического оптического устройства. Искусственный пенис хорошо работал, когда женщины принимали его, лежа на спине, но в позиции сверху это становилось «технически невозможным». Так что женщинам-волонтерам, которые предпочитали быть сверху, приходилось достигать оргазма естественным путем – с настоящим живым партнером. Сверху, снизу или сбоку – так или иначе, все результаты подчеркивали значимость женской сексуальной реакции. Оргазм у женщин являлся полнотелесным переживанием – с «интенсивной клиторально-тазовой вовлеченностью» и «частым ощущением приемлющего раскрытия» – не как у мужчин с их узким, централизованным фокусом на эрекции и эякуляции.

В противоположность бабушкиным сказкам или предубеждениям врачей-мужчин, женщины способны наслаждаться близостью на любой стадии жизни. Беременные могли заниматься сексом без страха навредить плоду, доказывало исследование, а в некоторых случаях беременность усиливала потенциальный оргазм, особенно в период второго триместра. Женщинам старшего возраста тоже не было нужды отказываться от своей любовной жизни. Результаты, полученные при работе с 61 активной женщиной-участницей старше 41 года, включая трех

в возрасте от 71 до 80 лет, предполагали, что старение может замедлить, но ни в коем случае не погасить силу страсти. «Нет причины считать, что менопауза глушит сексуальную способность, динамику или влечение у женщин», – констатировали они.

Мастерс и Джонсон испытывали на прочность и другие границы женской сексуальной реакции. Уязвляя мужскую гордость, исследователи обнаружили, что наиболее интенсивные оргазмы женщины испытывают, когда мастурбируют в одиночестве. Наряду с возможностью множественных оргазмов, некоторые женщины были способны (в редких обстоятельствах) на *status orgasmus* – продолжительный пик оргазма, длившийся от 20 до более чем 60 секунд без возвращения к фазе плато. (На сопроводительной странице была приведена электрокардиограмма одного такого эпизода, видимо, чтобы предупредить любые обвинения в преувеличении.) Книга не рассказывала о женщинах, которые способны одними фантазиями довести себя до оргазма без всякого прикосновения, но впоследствии исследователи обнаружили трех таких женщин – уже после того как книга появилась на полках магазинов.

Большинство волонтеров в исследовании Мастерса и Джонсон не были новичками в сексе – фактор, который, несомненно, повлиял на результаты. Но бесстрастные физиологические данные подчеркивали возможность оргазма для любой американки, живущей «в брачном союзе». Женщины, считавшиеся «фригидными», были, скорее, жертвами религиозных или культурных запретов, чем какого-то анатомического изъяна или личной ущербности. Получая достаточно информации и поощрения, свободные от осуждения общества, они тоже могли открыть для себя страну сексуального удовлетворения.

Таких новостей большинство женщин никогда прежде не слышали. «Теперь, после установления фактов оргастической физиологии, женщина получает возможность развивать уровни своей сексуальной реакции, – уверяли авторы свою аудиторию, скорее, в традиции американских пособий по самопомощи, чем медицинских учебников. – Сексуальное удовлетворение в ее собственных руках».

В сравнении с женской мужская сексуальная реакция, изображенная Мастерсом и Джонсон, выглядела посредственной и нуждалась в постоянном подтверждении. «Страх неудачи», развивающийся в ответ на сложившуюся в культуре необходимость удовлетворить партнершу, был в прошлом исключительным бременем мужчины», – писали они, словно воочию представляя себе Геркулеса, несущего на закорках весь

мир.

Эрекция могла быть приключением с непредсказуемым исходом, особенно для стареющего мужчины, а эякуляция – явлением ограниченным и преходящим. Некоторые мужчины не могли контролировать ее преждевременное возникновение, ведущее к разочарованию партнерши. На пути к оргазму женщины могли демонстрировать многосторонний контроль, произвольно останавливаться и продолжать, в то время как мужчины часто мчались вперед на всех парах. «По контрасту с тем фактом, что оргастическое переживание женщины бывает прервано внешними психосенсорными стимулами, мужское оргастическое переживание не может быть сдержано или отложено до тех пор, пока не будет завершено извержение семенной жидкости», – замечали они.

Мастерс и Джонсон развеяли и другие мрачные «фаллические заблуждения», выставив их на свет своих научных открытий. Мужчин, которые в одиночестве ласкали себя, они уверили, что такая «аутоманипуляция» не сведет их с ума. Необрезанные мужчины не демонстрировали большего контроля над эякуляцией или меньшей склонности к импотенции, чем обрезанные. К восторгу спортсменов Мастерс и Джонсон опровергли «широко распространенное представление о том, что эякуляция … разрушительна для физического состояния мужчин, участвующих в спортивных программах». А к мужчинам, обеспокоенным состоянием своей потенции по мере старения, была применима максима «пользуйся – или утратишь».

В разделе книги, носившем заглавие «Пенис» (другие гениталии тоже дали свои имена разным разделам книги), разбиралась мифологическая важность этого органа в американской культуре, где доминировали мужчины. «Пенис постоянно имеется в виду, но редко появляется на виду. Этот орган почитают, осыпают бранью и неверно преподносят в искусстве, литературе и легендах на протяжении многих веков, – замечали они. – …Эти «фаллические заблуждения» окрасили наши изящные искусства и – что, возможно, имеет еще большее значение для нашей культуры – повлияли на поведенческие и биологические науки».

Авторы изображали орган, сильно подверженный перепадам настроения. Эрекция пениса могла исчезнуть из-за «внезапного громкого шума, голоса, внешнего объекта, перемены в освещении и температуре, появления обслуживающего персонала». Учитывая эти условия, любой жене остается только изумляться тому, что муж, на которого давит необходимость оплачивать счета, наличие детей в доме и работающего телевизора в спальне, вообще

способен возбуждаться. В отличие от отважной, бесконечно отзывчивой в постели женщины, возбуждение у мужчины могло поддерживаться в течение «протяженных периодов» времени только путем «тщательно контролируемого разнообразия и интенсивности методов стимуляции». Контроль мужчины над эякуляторной функцией часто был необходим, чтобы удовлетворить женщину, как выяснилось в ходе исследования. После выброса семенной жидкости мужчина мог поддерживать некоторое подобие эрекции, если некоторое время оставался во влагалище партнерши, вместо того чтобы торопливо «откланяться». Но быстрый выход или любая отвлекающая деятельность гарантировали возвращение к вялому состоянию.

Мастерс и Джонсон доказали несостоятельность еще одного распространенного заблуждения: что мужчины с более крупными пенисами – самые лучшие любовники. Однако они намеренно избегали ответа на часто задаваемый вопрос, каков должен быть средний размер пениса. Наверняка такой прогноз был бы небезопасным делом для двух исследователей, уже применявших в части своих исследований механический дилдо. Мастерс и Джонсон приводили слова покойного Роберта Лату Дикинсона (Мастерс на заре своей карьеры учился по его анатомическому учебнику), сходившегося во мнении с немецким врачом-терапевтом Лёбом, который провел 1899 замеров. Сравнивая рост, длину пениса и размер стопы, Лёб сообщал, что длина пассивного пениса варьировалась от 8,5 до 10,5 см, со средним значением в 9,5 см. Мастерс и Джонсон проделали собственную работу с волонтерами, но поделились не всеми результатами. Исследователю, вооруженному рулеткой, давалось задание измерить примерно 80 пенисов в эрегированном и спокойном состоянии. В итоге 40 пассивных пенисов в категории меньшего размера имели длину от 7,5 до 9 см, а в группе большего размера – от 10 до 11,5 см. Однако в эрегированном состоянии почти все более миниатюрные мужчины удваивали свой размер, в то время как более крупные достигали примерно 75-процентного роста. Победителем этого дерби стал волонтер с длиной пениса менее 7,6 см. Его «прирост» составил 120 процентов, и эти данные повторялись во всех трех раундах замеров.

«Не существует никакой статистической поддержки для «фаллического заблуждения» о том, что более крупный пенис увеличивается в размере во время полной эрекции сильнее, чем менее крупный», – это самое большое откровение, которое позволили себе исследователи. Они избегали «золотого стандарта» для типичного американца, стоящего в обнаженном виде перед зеркалом и размышляющего, каким считать свой

пенис – большим, маленьким или таким, как надо. «Это наш вклад в безопасность человеческого рода! Что бы мы ни написали, любой мужчина потянется за рулеткой».

Вместо этого Мастерс и Джонсон намеревались преподать урок и мужчинам, и женщинам. В процессе полового акта, каким бы ни был размер пениса, влагалище, похоже, знало, что ему надо делать. «Полное вмещение обычно достигается за первые несколько фрикций пениса, вне зависимости от его размера», – писали они. Основная мысль этого открытия сводилась к тому, что размер на самом деле не имеет значения и – от этой идеи захватывало дух! – даже может быть недостатком! Мужчины с небольшим пенисом могли войти во влагалище легче и раньше в ходе фазы возбуждения, в то время как заботливым мужчинам с более крупным пенисом приходилось откладывать проникновение, пока партнерша не будет готова. Но при должной стимуляции влагалище могло вместить «гостя» практически любого размера. Невероятные способности женской анатомии казались чудом самоактуализации – это выражение пустил в обиход Абрахам Маслоу, чья работа о самооценке и женской сексуальности цитировалась в книге Мастерса и Джонсон.

«Влагалище в нестимулированном состоянии – это, скорее, потенциал, чем реально существующее пространство, – впоследствии объясняла Джонсон, прибегая к почти экзистенциальной терминологии. – Оно представляет собой практически бесконечно расширяющийся орган. В конце концов, оно ведь способно пропустить головку ребенка».

Несмотря на старания авторов подчеркнуть равенство четырехфазной схемы для обоих полов, доказательства Мастерса и Джонсон указывали на сексуальное превосходство женщин почти во всех формах и в любом возрасте. Их взгляд на человеческую сексуальность был революционным; он переворачивал существующий порядок с ног на голову. Их отчет, представленный совместно мужчиной и женщиной, отражал обе точки зрения. Пусть они прикрыли свои разоблачительные открытия малопонятными медицинскими выражениями; пусть они уступали тщеславию и подозрительности мужского эго; пусть они благополучно обходили минные поля психоанализа и ни разу не бросили личный вызов старине Фрейду; пусть они воздали должное Кинси и процитировали 329 других источников; и пусть их аргументы были сформулированы по всем правилам официальной медицины и своей морально консервативной эпохи, – все равно их доказательства были абсолютными, откровенными и неопровержимыми.

Спустя десять долгих лет Мастерс и Джонсон добились

успеха, какого не достигал ни один из их современников. Их книга предлагала мужчинам и женщинам новый способ увидеть самих себя и строить коммуникацию друг с другом. Это было замечательное достижение, подобного которому медицинская наука никогда не видела в этой сфере. После тяжких трудов в почти полной безвестности и строгой тайне они могли надеяться, что Америка их заметила.

Фаза третья

Мастерс и Джонсон со своей книгой «Человеческая сексуальная реакция»

Глава девятнадцатая
Восторг разрядки

Старинный отель «Ритц-Карлтон» в Бостоне хранил аристократический шарм, коим обязан был чопорным традициям, уходящим в эпоху британского колониального правления. Во второй половине дня здесь подавали ранний ужин с чаем, а франты и франтихи наводняли обеденную залу, разодетые в меха, бриллианты и жемчуга. На верхних этажах камины согревали величественные номера, а дворецкие следили за пламенем и опускали бархатные шторы перед тем, как постояльцы ложились почивать. Для медицинских специалистов из других городов эти прелести сервиса были частью удовольствия от проживания в «Ритце», когда они приезжали решать деловые вопросы в расположенных поблизости Гарварде, Массачусетском технологическом институте или «Медицинском журнале Новой Англии» (*New England Journal of Medicine*).

Приехав на встречу со своим бостонским издателем, Мастерс и Джонсон наслаждались этим гранд-отелем и были в восторге, когда он стал стартовой площадкой для представления их книги прессе. Они зарезервировали для себя отдельные номера, чтобы избежать сплетен.

В апреле 1966 года Мастерс и Джонсон председательствовали на ряде пресс-конференций в «Ритце», которые казались скорее неформальными семинарами. Их издатель пригласил нескольких влиятельных журналистов, которые должны были оказать влияние на освещение в остальных СМИ. Эти долгие расслабленные дискуссии в «Ритце» стали первой официальной встречей Мастерса и Джонсон с прессой.

Результат превзошел все ожидания. «Столкновение доктора Мастерса и миссис Джонсон лицом к лицу с научными журналистами страны обеспечило необыкновенно благоприятную реакцию на их книгу», – такими словами завершал свою собственную хвалебную статью «Секс-крестоносцы из Миссури» журнал «Харперс». Некогда малоизвестных исследователей теперь описывали как ницшеанских супергероев, называя их «одаренными выдающейся чуткостью, характером и настойчивостью» в деле просвещения США. Репортаж Корри в «Таймз» делал упор на числа, которые потрясали воображение. За одиннадцать лет исследований, отмечал Корри, около 10 тысяч оргазмов были отслежены путем «непосредственного наблюдения», а вместе с проститутками из предварительного

исследования Мастерса – от 12 до 15 тысяч оргазмов. Корри, как и другие авторы научно-популярной журналистики, подчеркивал, что Мастерс и Джонсон «взяли на себя труд очистить книгу от всего, что могло быть сочтено вульгарным».

Но не все были с этим согласны. Критик Альберт Гольдман, как ранее Фарбер и другие, обличал «пластиковый дилдо» и слишком хладнокровное описание человеческой близости. В своем обзоре Гольдман писал, что ее следовало бы назвать «Сексуальная механика организма», поскольку даже престарелые были изображены в ней гиперсексуальными гигантами.

Главную печать одобрения наложил на книгу «Журнал Американской медицинской ассоциации» (*JAMA*) – одно из тех профессиональных СМИ, которые прежде отвергали их работу. «Почему этого исследования пришлось так долго ждать? – задавалась вопросом передовица *JAMA*. – Учить студентов анатомии репродуктивных органов и при этом игнорировать способ, которым эти органы функционируют, так же неразумно, как изучать анатомию желудка, но пренебрегать любыми знаниями о том [как он работает]». Мастерс и Джонсон дали научные ответы на вопросы, которыми задавались миллионы людей.

В своих интервью Мастерс преуменьшал атмосферу пристального наблюдения и секретности, которую им приходилось терпеть столько лет. Его имидж, обращенный к публике, оставался спокойным и скромным. Он мог гордиться своими открытиями, но, казалось, не жаждал славы. «Самое главное – это что работа сделана», – просто говорил он.

Мастерс рассказывал журналистам, что «письма ненависти» составляли всего около 10 процентов почты, которую они получали. Но десятилетия спустя он признался, что доля «ненавистнической» корреспонденции, которая обрушилась на авторов после выхода в свет «Человеческой сексуальной реакции», доходила до 75 процентов.

Коммерческий успех книги был неоспорим. Она сразу попала в список бестселлеров – за пару месяцев было продано 300 000 экземпляров. «Мы впервые чувствуем, что работаем при поддержке общественного мнения, а не против него», – говорила Джонсон в интервью журналу «Ньюсуик», который назвал их труд «самыми дерзкими и откровенными экспериментами, какие когда-либо проводились в научных исследованиях секса».

«Человеческая сексуальная реакция» изменила общественный дискурс о сексе в Америке, открыв дорогу такой откровенности, какой никогда прежде не было в СМИ. Высмеиваемые за напыщенность своего стиля Мастерс и Джонсон тем не менее

опирались на медицинские термины и клинические описания, которые не оскорбляли читателей и могли без опаски цитироваться СМИ. В своей книге они только раз упомянули фелляцию и совсем не касались темы анального секса.

Специфическая сексуальная информация вдруг стала темой газет, журналов и телевизионных ток-шоу, которые почуяли интерес аудитории к разговору о сексе. «…Открылись шлюзы, – вспоминала Джонсон. – Вдруг все журналы – все до единого – стали писать о сексе. Немного кулинарии, моды, воспитания детей – а все остальное секс. Так что это СМИ на самом деле создали концепцию революции».

В 1960-х годах Америка содрогалась от убийств братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга-младшего, массовых демонстраций за гражданские права и кровавых расовых бунтов на улицах городов. Конфликт во Вьетнаме породил сопротивление армейскому призыву, отставку одного президента (Линдона Джонсона) и избрание другого (Ричарда Никсона), который, в свою очередь, покинул свой пост опозоренным. В этом вихре политических и социальных драм традиционные определения секса, семьи и обязательств тоже стали открытыми вопросами. СМИ вели хронику антивоенных секс-протестов, утопических коммун, проповедовавших свободную любовь, раздетых «детей цветов» на фестивале в Вудстоке. В моду вошли нескромные мини-юбки, обтягивающие «стриптизерские» сапожки, брюки с заниженной талией, обнажавшие живот, кожа, раскрашенная в психоделические «кислотные» цвета. Выходили откровенные фильмы и бродвейские шоу с «обнаженкой», такие как «Волосы», которые буквально вопили о прежде не виданной сексуальной свободе. «Шестидесятые будут называть десятилетием оргастической озабоченности», – пророчил Мастерс.

Вскоре после публикации книги Мастерс и Джонсон проехали по медицинским школам и колледжам, выступая перед полными залами. Билл не обманывался насчет интереса, поднимавшего продажи «Человеческой сексуальной реакции». Как он часто острил, «это самая покупаемая и наименее читаемая книга в истории». Он утверждал, что вскоре они вернутся к работе – им предстояло еще немало сделать.

Глава двадцатая
Фокусируя чувства

«Человек переживает землетрясения, эпидемии, ужасы болезней и все муки души, но во все времена самой мучительной трагедией для него была и будет трагедия спальни».

Лев Толстой

– Вы когда-нибудь испытывали оргазм? При каких обстоятельствах? Расскажите мне о своих ощущениях.

Вирджиния Джонсон сидела напротив несчастливой в браке женщины и расспрашивала о ее сексуальных проблемах. Она делала заметки в блокноте. Микрофон, помещенный между ними, был подсоединен к большому магнитофону в другом помещении, где хранились записи со всех сеансов.

Миссис Джонсон в белом лабораторном халате сочувственно смотрела на пациентку, задавая ей обычную серию вопросов:

«Как эта сексуальная проблема сказывается на вашем партнере? Вы помните, когда это случилось впервые? Как вы справлялись с этим?»

«Вы когда-нибудь замечали, что у вашего мужа есть проблемы с достижением эрекции или эякуляцией?»

«Как ваш муж старался доставить вам сексуальное удовольствие? Каковы были результаты?»

«Каково ваше представление о роли женщины в супружеской постели? А в других аспектах вашей повседневной супружеской жизни?»

«Как вы думаете, что ответил бы на эти вопросы ваш муж?»

В соседнем кабинете Уильям Мастерс беседовал с мужем женщины. Он исследовал чувства мужчины в периоды ухаживания, брака, развода и воспитания детей; его религиозную принадлежность; образовательное и социальное происхождение супругов. Затем вопросы стали более щекотливыми: о сексуальном опыте до брака, о мастурбации, о том, использует ли он какие-либо образы и фантазии во время соития с супругой. Мастерс выяснял, не был ли его пациент в прошлом свидетелем секса родителей, играл ли он в «доктора» в «секс-игре» с другими детьми, просыпался ли с результатами ночной поллюции? Имел

ли он когда-нибудь гомосексуальный опыт? Он просил пациента описать, что именно изначально привлекло его в супруге, каким был их медовый месяц, как часто происходят у них половые сношения, какие зрелища, прикосновения, звуки и запахи он ассоциирует с занятиями любовью.

На второй день Мастерс и Джонсон поменялись партнерами. Она беседовала с мужем, а он разговаривал с женой – повторяя тот же формат вопросов и ответов, который они называли «составлением истории». Выяснение потребностей, желаний и стремлений каждой пары было первым шагом в программе «двойной терапии» Мастерса и Джонсон. После этого портрет сексуальной истории супругов вырисовывался достаточно быстро, и можно было начать «починку» их отношений. К третьему дню двухнедельной программы они успевали сопоставить ответы на самые откровенные вопросы:

«Чего вы хотите от этой терапии для своего мужа (своей жены)?»

«Насколько заинтересован(а) ваш(а) супруг(а) в сексуальной части вашего брака?»

«Чего больше всего хочет от вас ваш(а) супруг(а)?»

Ответы обеспечивали ключи к загадке, позволяли заглянуть в самое сердце брака – этого не мог бы добиться при всей своей проницательности ни один психотерапевт-одиночка. Хотя некоторые методы собеседования отражали подход Альфреда Кинси, а другие наводили на мысль о Зигмунде Фрейде, подход двойной терапии, разработанный Мастерсом и Джонсон, был совершенно уникальным. Они предлагали практические советы для исцеления брака.

С самого начала целью науки о сексе была помощь людям в преодолении трудностей физической любви – того, что Мастерс и Джонсон называли «сексуальной дисфункцией». Их стратегия руководствовалась простой логикой: прежде чем лечить что-то в сексуальной области, надо знать, как она работает. В январе 1959 года Мастерс и Джонсон запустили терапевтический эксперимент, чтобы улучшить хромающую любовную жизнь состоящих в браке американцев. Их методы были настолько не опробованными, что они не брали за лечение никакой платы.

Никто из них не имел психотерапевтического образования (хотя журнал «Тайм» и называл Джонсон «психологом»). Единственная формальная подготовка Мастерса включала трехмесячный курс на факультете психиатрии по методам интервьюирования. У Джонсон опыта было еще меньше. Однако именно отсутствие подготовки, особенно в те времена, когда психиатрам с младых ногтей прививали фрейдистскую теорию,

позволяло им быть свободными от ортодоксальности. «Мы не знали, чего нельзя делать, и это было нашим громадным преимуществом», – говорил Мастерс.

Интуитивное понимание Вирджинией Джонсон человеческого поведения оказалось бесценным на этих неизведанных территориях секс-терапии. В своей роли улыбающейся, приветливой хозяйки клиники она была свидетельницей сокровенных устремлений, желаний и страхов людей, занимавшихся сексом, и понимала, как надо их консультировать, утешать и просвещать. Она предложила несколько эффективных методов, которые показались Мастерсу блестящими озарениями. «По меньшей мере 70 процентов этой терапии были ее идеями», – говорил он впоследствии. Джонсон использовала теории других исследователей, особенно психолога Альберта Эллиса, который стал пионером в консультировании супружеских пар в 1950-х годах, и Джозефа Уолпа из университета Темпла, чьи бихевиористские теории отражали взгляды Б.Ф. Скиннера, Джона Уотсона и Ивана Павлова. Мастерс сознавал, что они торят новую тропинку, которую другие назвали бы когнитивной бихевиоральной терапией, чтобы добиваться улучшений в короткий отрезок времени.

Джонсон с самого начала защищала двойной терапевтический подход, в особенности его акцент на вовлечении в процесс обоих партнеров. В прошлом терапия фокусировалась только на супруге с «дисфункцией», например в случае мужской импотенции или неспособности женщины получить оргазм. Жена мужа-импотента не знала, когда ей следует (и следует ли) ждать сексуальных «авансов» с его стороны или проявлять инициативу. Точно так же и муж женщины, не испытывавшей оргазма, мог бесконечно ждать от нее намека, боясь, что она обвинит его как в излишней требовательности, так и в утрате всякого интереса. Но Мастерс и Джонсон придумали лучший способ: «В браке партнер не может быть «ни при чем»», – говорили они.

Джонсон убедила Мастерса, что мужчины часто не понимают динамику женской сексуальности, а их метод двойной терапии мог бы сбалансировать неравенство между полами. В мире, отклонившемся в «мужскую сторону», это была непростая задача.

– Мы выпускаем мужчин[-терапевтов], которые чертовски хорошо знают, что они не понимают женщин… – объяснял однажды Мастерс репортеру.

– …и готовы принять женскую интерпретацию *самой себя* как женщины, – подхватила Джонсон, договаривая формулу. – Более 95 процентов всех интерпретаций и определений женской сексуальности были составлены мужчинами.

Интуитивные прозрения Джини возникли в результате ее опыта составления историй пациентов – бесконечных часов, проведенных в расспросах людей об их личной истории, предпочтениях и антипатиях, в попытках выявить в их поведении паттерны. В то время как Билл часто сводил набор вопросов к минимуму, Джини наслаждалась обменом информацией, раскапывая разные «культурные слои» жизни пациента. Она не могла заглушить свое природное любопытство, интерес к людям, который развился у нее, еще когда она была девчонкой в Голден-Сити. Если у пары возникали трудности с сексом, их история содержала важные намеки, дававшие ключ к ответу. В сущности, терапевты играли роль зеркала перед лицом супругов, чтобы те могли честно рассмотреть самих себя.

После вводных сеансов, на третий день терапии, Мастерс и Джонсон применяли свой самый мощный инструмент. Они называли это «чувственным фокусом». То была серия упражнений на прикосновение, которые проводились вне клиники, обычно дома у супружеской пары или в номере отеля; целью их было восстановление близости. Упражнения на чувственный фокус – при отсутствии притязаний на немедленное соитие – позволяли многим людям, особенно женщинам, заново открыть свою природную чувственность. Многих людей учили, что секс – это плохо, и это сделало их не способными заниматься любовью.

Вдохновляющая идея чувственного фокуса пришла к Джини из ее собственного детства. «Когда мама хотела, чтобы я уснула или успокоилась, она проводила пальцами по моему лицу или ладоням, рисовала и писала слова на моих руках – всякие мелочи, бессмысленные пустяки, но все они были чувственными и всегда умиротворяли меня, – поясняла Джонсон. – Я не говорю о чем-то сексуальном. Животные так же успокаивают своих малышей».

Оставшись наедине, супруги следовали чувственным инструкциям, выданным им как «домашнее задание». На протяжении всего «сеанса» они оставались раздетыми. Одному из супругов назначалась роль «дающего» партнера, который должен гладить пальцами, массировать или ласкать любую часть тела по просьбе «принимающего» партнера, за исключением генитальных областей или груди жены. Потом дающий и принимающий менялись ролям. Пара воздерживалась от прямой «сексуальной стимуляции» в пользу мягкого пути «проб и ошибок», свободного от стресса и тревожности. Эти упражнения позволяли супругам, особенно женщинам, проявлять чувственность, без гнетущей необходимости «сделать дело».

На четвертый день супруги обсуждали с терапевтами то, что

происходило накануне вечером. Терапия была спланирована так, чтобы дать им творческую свободу для исследования собственных тел. В то время как большинству женщин устройство гениталий мужей было знакомо, многих мужчин ставила в тупик «анатомия» жен, которую им предлагалось исследовать без чувства вины или стыда. Уважение к религиозным и нравственным ценностям оставалось для терапевтов на первом месте, хотя культурные табу были препятствием для многих супругов.

Джини и Билл также полагались на роль обоняния. Муж и жена получали в клинике увлажняющие лосьоны, чтобы смягчать сухую, загрубелую кожу рук перед прикосновением и облегчать путь к сексуальному единению.

Лечение чувственным фокусом служило терапевтическим резонатором для решения проблем преждевременной эякуляции, вагинизма, первичной и вторичной импотенции, оргастической дисфункции, диспареунии (болевых ощущений при соитии) и сексуальной неадекватности у стареющих мужчин и женщин. Это помогало раскрывать их чувства друг к другу, если такой проблемный брак в принципе можно было спасти.

Один из методов помощи женщинам, страдавшим вагинизмом – непроизвольным сокращением вагинальных мышц, препятствующим соитию, заключался в медленном введении во влагалище крохотного пластикового пениса. Причины вагинизма были разными – от физического дискомфорта, эндометриоза или растяжения широких связок до психологической травмы в результате насилия или инцеста. В процессе лечения женщину просили принять положение для гинекологического осмотра, и ее состояние оценивалось в присутствии мужа. Когда супруги возвращались в спальню, они использовали набор расширителей Гегара – пластиковые дилдо, выпускавшиеся в размерах с первого по пятый. По указанию жены муж осторожно вводил расширители, начиная с самого маленького и переходя в последующие дни к большим размерам, вплоть до полноразмерной копии мужского «прибора». Некоторые женщины удерживали большие расширители внутри влагалища по нескольку часов каждый вечер. В течение месяца эта практика приводила к успеху. В недрах клиники Мастерса и Джонсон рождался новый вид психосексуального лечения, соперничавший с системой Фрейда – и с гораздо лучшими результатами.

Глава двадцать первая
Сексуальное исцеление

Всего одна удивительная лекция изменила жизнь Роберта Колодны. Выступая перед группой студентов медицинской школы Вашингтонского университета в 1967 году, Уильям Мастерс объяснял, что пациенты ежедневно задают вопросы о человеческой сексуальности и у врачей всегда должны быть наготове ответы.

До этого Колодны планировал стать дерматологом. Он мечтал о комфортной медицинской практике с нормированным рабочим днем, в ходе которого он прописывал бы пилюли прыщавым подросткам и пожилым людям с кожной сыпью. Он не хотел изнурительной работы, какая была у его отца – доктора Максвелла Говарда Колодны, которого он обожал, но редко видел дома. «Когда мне хотелось провести время с отцом, я либо ездил с ним по домашним вызовам, либо ходил на больничные обходы», – вспоминал Роберт.

Мастерс и Джонсон стали настоящим откровением для Роберта Колодны – талантливого, начитанного молодого человека, уже знакомого с теориями Зигмунда Фрейда о сексе. Вскоре он стал первым студентом-медиком, который проходил обучение в их клинике.

Жившие в Америке ученики Фрейда были убеждены, что следует преодолеть эдипов комплекс, зависть к пенису, боязнь кастрации и стойкий невроз, прежде чем добиваться исцеления в делах спальни. Мастерс и Джонсон доказали обратное. Колодны, как и другие сотрудники, входившие в их группу на заре ее деятельности, были очарованы великим потенциалом этой новой терапии. Сидя рядом с Мастерсом у магнитофонов, Колодны слушал, как другой терапевт-сотрудник опрашивает очередного пациента. Мастерс давал беглые комментарии, критикуя каждый шаг. Он объяснял, почему терапевт задавал именно такие вопросы, и указывал на ошибки, если терапевт упускал шанс прояснить проблемы пациента. Но как бы сильно он ни восхищался Мастерсом, Колодны сознавал, что направление лечению часто задавал природный интеллект Джонсон, хотя специальных медицинских знаний у нее было не больше, чем у медсестры-первокурсницы.

Получив в 1969 году в Вашингтонском университете свой медицинский диплом, Колодны поехал в Гарвард проходить интернатуру и ординатуру и намереваясь впоследствии вернуться

на постоянную работу вместе с Мастерсом и Джонсон.

Знакомые пытались отговорить молодого врача. «Мой наставник в медицинской школе говорил мне: «Вы выбрасываете свою медицинскую карьеру на помойку», – вспоминал он. – В 1969 году ее [секс-терапию] расценивали как некую фривольную, почти вуайеристскую сферу, которой никогда не займется серьезный человек».

В конфиденциальном разговоре Мастерс намекнул, что Колодны может однажды занять его место. Наряду с идеалистическими представлениями о миссии Мастерса и Джонсон 25-летний Колодны, эндокринолог по специальности, обладал интеллектом и преданностью. В небольшом постоянном коллективе сотрудников он был единственным, кто получил медицинскую степень в одной из лучших школ США. Система секс-терапии пока еще не была достаточно прибыльной и престижной для большинства врачей. Только молодые энтузиасты, подобные Колодны, или врачи-практики с неким личным изъяном вроде доктора Ричарда Спица приходили к ним на постоянную работу. Что касается Дика Спица – педиатра и рукоположенного священника, то его слабым местом был алкоголизм.

Джонсон косо смотрела на пьющего сотрудника, а Мастерс был недоволен тем, что Спиц нарушил другое неписаное правило клиники. Он завел роман с Мэй Биггс, красивой блондинкой-медсестрой с дипломом социолога, которая, пожалуй, была самой талантливой женщиной-терапевтом в клинике после Джонсон. Несмотря на собственные отношения с Джонсон, Мастерс не терпел любовных интрижек между сотрудниками. К концу 1960-х годов он наслушался рассказов о команде Альфреда Кинси, в том числе об обмене женами и бисексуальных встречах, и считал, что подобное поведение в их клинике приведет к катастрофе. Подход двойной терапии, когда мужчины и женщины работали в паре, опирался на профессиональную кооперацию.

«Он проводил серьезные предупредительные беседы с теми, кого готов был взять на работу, говоря примерно следующее: «Мне все равно, чем вы занимаетесь в личной жизни, но то, чем вы занимаетесь здесь, на службе, – мое дело, и я никому не позволю пятнать нашу репутацию», – вспоминал Колодны, который, как и все прочие, осознавал двойные стандарты Мастерса. Хотя Спиц и Биггс работали вместе, их отношения долго не продержались и разрушались по мере того, как ухудшалось здоровье Спица.

Спиц заболел раком, и Мастерс держал его на работе до самого конца, несмотря на пьянство. Он умер в начале 1970-х,

вскоре после того как Колодны вернулся после ординаторской практики в Гарварде.

Мастерс и Джонсон как команда стали силой притяжения клиники, которая удерживала все на своих местах. После пяти лет они обрели уверенность в результатах своей терапии и начали брать за нее деньги. Цены росли, но Мастерс заботился о том, чтобы необеспеченные пары тоже могли получить лечение. В зависимости от дохода примерно 25 % супругов назначалась сниженная плата, а еще 25 % не платили вообще.

Мастерс и Джонсон следили, чтобы недавно набранные терапевты, такие как Роджер Креншо, не чувствовали себя подавленными. Они получали для разбора все более сложные случаи, и Креншо беспокоился, что у него может не хватить знаний и подготовки.

– Знаете ли, – заметил ему Мастерс шутливо, – если человек говорит, что ему нравится заниматься сексом с морскими котиками, вы должны спросить его: «А на какой стороне острова – на северной или южной?»

Креншо от души рассмеялся в ответ на шутку Мастерса, но вскоре оказался именно в такой ситуации: «Приходит один парень и говорит: «Я скорее занялся бы сексом со своей собакой, чем с женой – и в этом моя проблема». А я ему: «У вас немецкая овчарка или колли?». Научиться не судить других было труднее всего».

Сотрудники порой делились забавными историями из своего опыта. «Помню одну пару, с которой я проводил терапию, – милые, такие милые люди! – но они все время называли свои гениталии «гантелиями», – со смехом вспоминал Колодны. – Подобные мелочи случались постоянно. Порой трудно было дождаться, пока они уйдут, и как следует отсмеяться».

Преждевременная эякуляция была распространенным явлением в торопливом мире послевоенной Америки. У мужчин часто случались быстрые сексуальные сношения с подружками «на заднем сиденье автомобиля, на облюбованных любовниками парковках, в кинотеатрах под открытым небом или во время кратких визитов в мотели с почасовой оплатой номеров», как писали Мастерс и Джонсон. Их подгонял страх быть застигнутыми или разоблаченными. Не снимая одежды, парочки «изображали пантомиму соития» до тех пор, пока трение не заставляло возбужденного мужчину эякулировать в нижнее белье. В другие моменты секс-игра могла включать *coitus interruptus*[6], с «несколькими лихорадочными тазовыми толчками» пениса во влагалище, который затем быстро «вынимался – в качестве меры контрацепции».

В одном медицинском журнале 1956 года доктор Джеймс Семанс из университета Дьюка описал свой метод «стоп-старта» для перевозбужденных мужчин, который Мастерс и Джонсон вскоре приспособили для своей терапии. Этот метод уходил корнями в учение бихевиоризма о неустойчивых рефлексах. Мужчинам рекомендовали, чтобы партнерши мануально стимулировали их возбужденные пенисы вплоть до момента близкой эякуляции, а затем нужно было прекратить действия, пока ощущение неизбежности не притупится. Такой «стоп-старт» повторялся до тех пор, пока у мужчины не появлялся контроль над эякуляторным рефлексом. Со временем пара начинала применять этот «стоп-стартовый» метод во время вагинального проникновения – что-то вроде коитальной «обманки» – пока эякуляцию не удавалось отложить на время, достаточное для сексуального удовлетворения жены.

Мастерс еще раньше обнаружил одну из вариаций такого «стоп-стартового» подхода во время своей работы в публичных домах. Он узнал, что многих мужчин познакомили с сексом проститутки, которые побуждали своих клиентов завершить свои дела поскорее, чтобы они могли обслужить следующего посетителя. После всего одного-двух визитов, заметил он, «у неопытного мужчины, приученного к такому паттерну сексуального функционирования, мог установиться пожизненный тип быстрой эякуляторной реакции». Встречались мужчины, к гениталиям которых нельзя было прикоснуться, «не вызвав эякуляцию в считанные секунды», а другие могли взрываться просто при виде обнаженной женщины, «вживую» или на развороте журнала.

Мастерс нашел метод, который в их с Джонсон работах назывался «методом сжатия». «Мы даже не были первыми, кто его применил, – вспоминала Джонсон, которая ввела его в число упражнений на «чувственный фокус». – Проститутки знали, как это делается». В преодолении этого препятствия мужчинам необходимы были партнерши. Их предупреждали, что «метод сжатия» не сработает, если они будут испытывать его в одиночестве.

Мастерс и Джонсон считали преждевременную эякуляцию настоящей трагедией в супружеской жизни. По их оценкам, «возможно, сотням тысяч мужчин не удается обрести достаточный эякуляторный контроль, чтобы сексуально удовлетворять своих жен, вне зависимости от продолжительности их брака или частоты сексуальных взаимодействий». Хотя некоторые медицинские эксперты определяли как «преждевременную» любую эякуляцию в пределах первой минуты вагинального

проникновения, Мастерс и Джонсон воздерживались от «секундомерных» стандартов. Вместо этого они определяли как страдающего преждевременной эякуляцией любого мужчину, который не мог сдерживать себя достаточно долго, чтобы удовлетворить свою партнершу «по крайней мере, в 50 процентах коитальных контактов».

В отличие от рекомендаций других экспертов, совет Мастерса и Джонсон отражал также и женскую точку зрения. В то время как некоторые жены боялись жаловаться на поспешность мужа, многие все же демонстрировали свое сексуальное разочарование. «Она вербализует свой дистресс, обвиняя мужа в том, что он использует ее как объект для сексуальной разрядки», – писали они.

Внимание к женской точке зрения было одним из триумфов Джонсон при разработке новой секс-терапии вместе с Мастерсом. Многие жены следовали неписаному правилу «не трогай» применительно к гениталиям мужей. Упражнения на чувственный фокус были предназначены для того, чтобы преодолеть их стеснительность. При методе «сжатия» жена садилась в постели, широко разводя и расслабляя ноги, опираясь спиной на изголовье, перед которым укладывались одна-две подушки. Муж располагался на спине, головой к изножью постели. Затем он придвигал к партнерше свой таз, положив ноги поверх ее ног и предоставляя ей «свободный доступ к своим генитальным органам», как предписывала ему команда терапевтов. Жена ласкала его пенис и мошонку достаточно долго, чтобы возбудить его. После достижения полной эрекции жена брала в руку ствол пениса, размещая большой палец сразу под венечной бороздой, а указательный и средний пальцы – по другую сторону ствола. Как хорошая спортсменка, она держала пенис, точно бейсбольный мяч при броске по дуге или гаванскую сигару. Затем медленно, в течение 3-4 секунд, она сжимала пенис – не болезненно, но достаточно сильно, чтобы мужчина утратил импульс к разрядке. После краткого – до 30 секунд – отдыха все повторялось сначала. Спустя 20 минут, повторяя тот же метод до пяти раз за время первого сеанса, супруги обычно обнаруживали, что преждевременная эякуляция не так неизбежна, как прежде.

Метод сжатия обычно обеспечивал мужчинам контроль, который был необходим для следующего этапа – доставления удовольствия жене, которое Мастерс и Джонсон называли «нетребовательной интромиссией». В этом сценарии, как только достигалась эрекция и два или три раза был применен метод сжатия, женщина оседлывала мужа – почти как рестлер, прижимающий противника к полу, – так, что ее колени

прижимались вплотную к его груди. Затем, наклонившись к нему под углом в 45 градусов, женщина вводила пенис в себя, не садясь при этом на набухший ствол. Сразу после введения она не совершала никаких толчковых движений. Это позволяло мужчине оставаться в ее влагалище без немедленного возникновения эякуляции. Если мужчина ощущал надвигающееся извержение, по совету терапевтов, он должен был сразу же сказать об этом жене. Тогда она успевала высвободить его пенис и снова применить метод сжатия.

Для большинства традиционных американских пар, которые полагали, что мужчины занимают доминирующее положение во время секса, такая расстановка сил была новостью. Терапевты предупреждали пациентов, что позиции «мужчина сверху», которая снижает эякуляторный контроль, следует избегать.

Пара продолжала такое лечение, пока супруги не добивались уверенности в успехе и не обретали способность к непрерываемому соитию продолжительностью до 20 минут. Для многих браков такой опыт был беспрецедентным событием. «В этом есть физическая близость, развитие или воссоздание общения и теплота понимания между мужем и женой», – отмечали исследователи.

Некоторые мужчины могли достичь эрекции, но не оргазма. Для них Мастерс и Джонсон предлагали сходное решение. «Эякуляторная некомпетентность», хотя и была явлением сравнительно редким, обычно проявлялась во время первого полового сношения в браке и длилась годами. Многие страдальцы признавались в глубоко сидящем чувстве вины, уходящем корнями в «сурово-ортодоксальное религиозное воспитание», в котором открытая сексуальность осуждалась. Один 31-летний мужчина из фундаменталистской протестантской семьи рассказывал, что в детстве его секли за ночные поллюции, а свой медовый месяц он начал с того, что не сумел эякулировать во время секса с женой. Один католик, обе сестры которого стали монахинями, подвергался в подростковом возрасте наказаниям за мастурбацию, и ему твердили, что это отвратительный грех. Он не был способен эякулировать ни разу за первые 11 лет своего брака. Еще один мужчина, состоявший в ортодоксальном еврейском браке, спустя 8 лет после свадьбы не мог эякулировать с женой из-за своего представления о том, что влагалище – это «нечистое место».

Встречались те, кто считал секс неприятным долгом; их физические проблемы переплетались с психологическими. В этих случаях терапевтические инструкции не включали никаких «сжатий». Вместо этого женщинам рекомендовали

«манипулировать пенисом требовательно», следуя указаниям мужчины, лежащего на спине, чтобы «вызвать эякуляцию мануально». Добившись этого, пара во время следующей встречи переходила к половому сношению, причем женщина находилась в «верхней» позиции. Если у мужчины не происходила скорая эякуляция, партнерша прекращала движения, вынимала пенис и снова начинала тереть его, пока ее муж не достигал «эякуляторной неизбежности» – точки невозврата. В отличие от мужей, страдавших преждевременной эякуляцией или импотенцией, эрекция у этих мужчин редко давала осечку или слабину. При половом сношении, длившемся от 30 до 60 минут, как выяснили терапевты, несколько женщин стали мультиоргастичными.

Сексуальное целительство Мастерса и Джонсон и их команды принесло впечатляющие результаты. За 11 лет они вылечили 186 мужчин от преждевременной эякуляции, причем процент неудач составил всего 2,2. Все 29 женщин, обратившихся по поводу вагинизма, восстановили сексуальную функцию, а 16 женщин впервые за свою жизнь испытали оргазм во время двухнедельной терапии.

Мастерс и Джонсон сначала стали картографами физической вселенной человеческой сексуальности, детализируя каждый нюанс мужской и женской анатомии и реакции. Теперь они изобрели терапию, которая помогала людям наиболее полно проявлять себя в сексе для своего удовлетворения и счастья.

Глава двадцать вторая
Суррогаты

«У кого нет жены, тот не рогоносец».

Джеффри Чосер,
«Кентерберийские рассказы»

Барбара Калверт излучала сексапильность. Она была одной из самых привлекательных секретарш медицинской школы. Эта искрометная женщина сдружилась с Мастерсом и Джонсон еще до того, как они перебрались из университета в клинику на другой стороне улицы.

Иногда Барбара Калверт ускользала с работы и не возвращалась по часу, а то и по два. Было ясно, что в обеденные часы она занимается чем-то помимо своих обязанностей.

В крестовом походе Мастерса и Джонсон за облегчение сексуальной дисфункции Калверт выступала в первых рядах их воинства. Она согласилась стать сексуальной суррогатной партнершей и помогать мужчинам, страдающим от импотенции, преждевременной эякуляции или иных сексуальных проблем. «В современной терминологии ее можно было бы назвать «девушкой-виагрой», – объяснял Майкл Фрайман.

Барбара продолжала служить волонтером, пока об этом не узнал ее муж Джордж, который тоже работал в школе.

Суррогатные секс-партнерши были сравнительно редким, но ценным активом программы Мастерса и Джонсон. Для неженатых пациентов женщины вроде Барбары Калверт, честные и анонимные, были «теми, с кем можно разговаривать, учиться у них, *дарить им* и *получать от них* [физическую любовь] в те две недели, пока мужчина проходил активную фазу терапии», подчеркивали исследователи. Из 31 женщины-волонтера для этих заданий было отобрано 13 суррогатных партнерш. Искательницы приключений и другие психологически подозрительные кандидатки отсеивались.

Медицинская литература ограничивала шансы на преодоление сексуальной дисфункции менее чем 25 процентами. Но при новой системе излечилось 32 мужчины из 41, имевшего дело с суррогатными партнершами, – почти 80 процентов, что было замечательным успехом.

Закон штата Миссури по-прежнему запрещал не состоящим в

браке мужчине и женщине вступать в половые сношения. Денежный обмен между пациентами и их суррогатами держался в тайне, поскольку какой-нибудь общественный обвинитель или медицинский авторитет мог уподобить эту схему проституции. Слава и успех книги «Человеческая сексуальная реакция» лишь повысили ставки профессионального риска. Как согласились Билл и Джини, чем меньше будут говорить о «суррогатах», тем лучше.

В конце 1960-х годов Роберт Колодны узнал эту тайну, когда сопровождал Мастерса на семинар по медицинской этике, и предложил упомянуть в докладе об этических проблемах в использовании суррогатных партнерш.

Мастерс перебил его.

– Не спрашивайте об этом, – отрезал он.

Колодны не сознавал всей щекотливости своего предложения. Да и попечители Фонда исследований репродуктивной биологии не так уж много знали о «суррогатах».

Мастерс и Джонсон превозносили их до небес, уподобляя ночным Флоренс Найтингейл[7]. Это были в основном местные белые женщины в возрасте от 24 до 43 лет. «Единственная их общая черта – то, что все они высоко ценят свою половую идентичность и получают от нее огромное удовольствие», – объясняла в то время Джонсон. Половина волонтеров прежде участвовала в исследовании человеческой сексуальной реакции; другая половина была привлечена для этой задачи. Все они, за исключением двух, в какой-то момент своей жизни побывали замужем, а три четверти имели по меньшей мере одного ребенка. Некоторые окончили среднюю школу или официальные курсы секретарш, но более половины были выпускницами колледжей или имели дипломы послеуниверситетского образования.

Одной из любимых добровольных сотрудниц Мастерса была женщина-врач, которой двигало «откровенное любопытство к своей роли», вспоминал он. Джонсон с теплым чувством описывала другую суррогатную партнершу – медсестру Мэри. Став жертвой сексуального насилия, Мэри питала благодарность к Мастерсу за небольшую хирургическую операцию, которая восстановила ее поврежденные ткани. Несколько женщин-волонтеров также имели «историю сексуально ориентированной травмы в ближайшем семейном окружении». Три суррогатные партнерши некогда побывали замужем за сексуально дисфункциональными мужьями, один из которых совершил самоубийство, а другой стал алкоголиком.

Суррогаты были готовы ко всем вариантам мужской сексуальной реакции, включая психологические сложности. Страх

неудачи, эмоциональная отстраненность во время секса и разрушительное воздействие сексуальной дисфункции – все это обсуждалось с ними заранее, наряду с методами, которые погружали «тревожного, полного напряжения мужчину в непринужденное состояние». В первый раз они встречались в ресторане, что помогало им почувствовать себя более комфортно в обществе друг друга. Каждая суррогатная партнерша получала основные сведения об истории и сексуальных проблемах своего клиента, но не знала его имени и другой личной информации. Больше двух третей пациентов-мужчин страдали импотенцией или иным психосексуальным недугом, который вызвал крах их прежних отношений. Уровень успехов достигнутых «суррогатами» благодаря их превосходным навыкам оказался куда более высоким, чем ожидалось вначале.

Несмотря на разговоры о равенстве между полами, Мастерс и Джонсон не предлагали своим пациенткам суррогатных партнеров. Американское общество было не готово к этому, признавали и они, и сами женщины. За 11 лет только три незамужние женщины обратились за лечением в клинику. Все три пришли с «партнерами-заместителями» – мужчинами, с которыми у них были отношения.

Мастерс и Джонсон пытались объяснить это «неравноправие». Мужчина-пациент рассматривал услуги суррогатной партнерши, «как рассматривал бы предписание врача в связи с другими физическими проблемами», говорили они. Но для женщин такой примитивный утилитаризм был неприемлем. Выросшей в американском обществе женщине прежде всего требовались «значимые отношения, которые могут обеспечить ей «разрешение» оценивать свою сексуальную функцию».

«Крайняя трудность» создания «значимых отношений» за две недели якобы была причиной, по которой клиника отказывалась от услуг мужчин-суррогатов. На самом деле, Билл Мастерс пока не был готов принять такой риск. Джонсон мирилась с этими противоречиями. «Оно [суррогатное партнерство] не вписывается в системы ценностей большинства женщин, – объясняла она репортерам. – Хотелось бы нам, чтобы все женщины разделяли мужское отношение к сексу!».

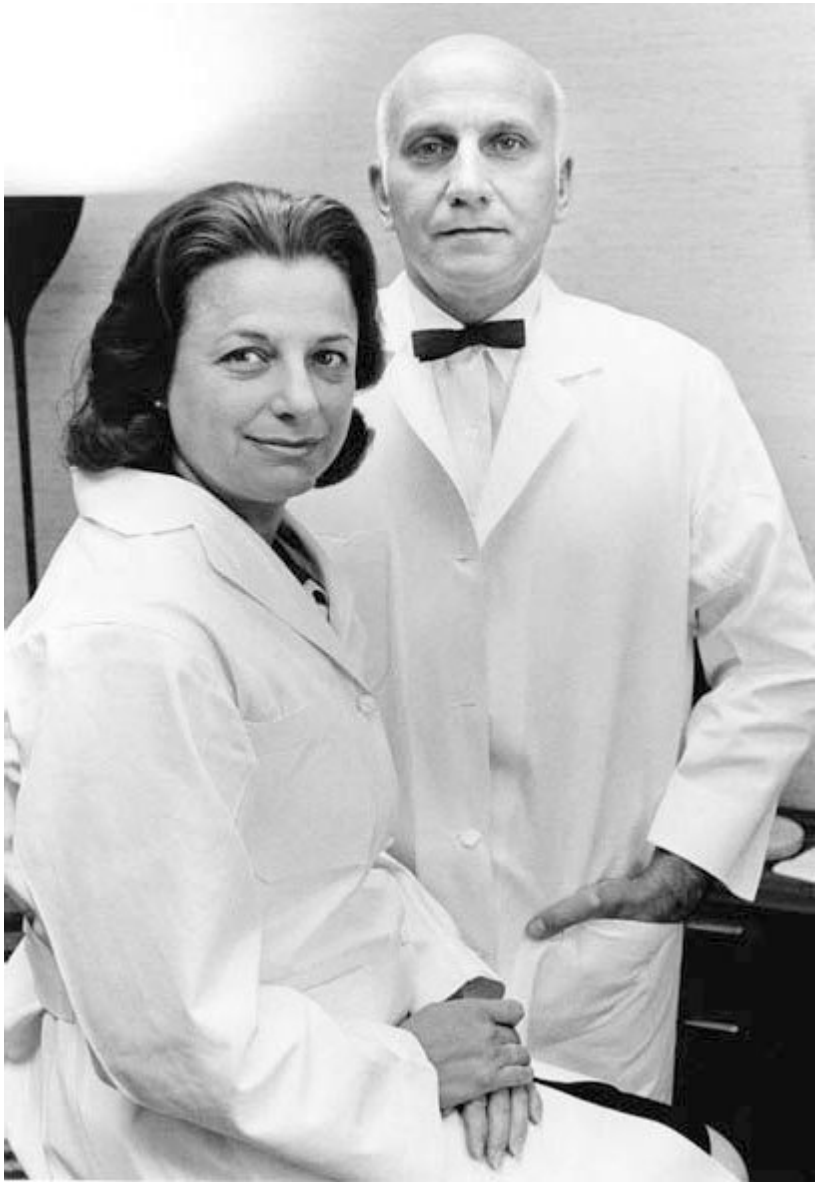
Мастерс и Джонсон уверяли, что все волонтеры были незамужними и что никто никогда не уговаривал женщину стать суррогатной партнершей. Однако Барбара Калверт и некоторые другие «суррогаты» были замужем. Кроме того, Мастерс не раз подбивал попробовать себя в роли суррогатных партнерш медсестер, студенток, женщин, участвовавших в исследованиях, и даже некоторых жен преподавателей.

Им пришлось изменить свое отношение к суррогатным партнершам, когда муж Барбары Калверт подал иск в федеральный суд. Джордж Калверт заявил, что он и его жена были пациентами, лечившимися у Мастерса от бесплодия, но Мастерс и Джонсон «злоупотребили отношениями врача и пациента, склонив означенную Барбару Калверт к занятиям половыми сношениями» с двумя мужчинами-пациентами. Позднее этот обвинительный список был расширен до семи мужчин. Калверт утверждал, что исследователи знали о семейном положении Барбары и убедили ее утаивать свою незаконную суррогатную деятельность от мужа.

Старым друзьям Калвертов в Сент-Луисе возмущение Джорджа показалось наигранным. Многие считали, что он знал о дневных шалостях Барбары – как знали о них все остальные в медицинской школе и больнице. К тому времени как был подан иск, Мастерс и Джонсон уже прославились своими секс-консультациями, которые очень хорошо продавались и собирали кругленькие суммы. Стремясь урвать часть этих денег, Джордж Калверт в своем иске утверждал, что Мастерс и Джонсон получали прибыль от информации, собранной в результате работы Барбары.

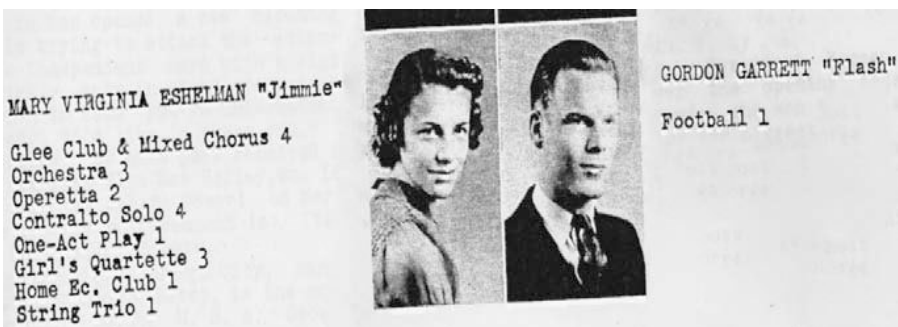
Новый юрист клиники, Уолтер Меткаф-младший, посоветовал Биллу и Джини помалкивать. «Любое подобное обвинение смехотворно, – отвечали они в своем единственном официальном заявлении. – Мы можем это доказать». Меткаф убедил судью засекретить это дело и привел его к внесудебному урегулированию, убедив всех молчать. Дело Калвертов угрожало разоблачить бесчисленные секреты клиники – секс между не состоящими в браке партнерами, денежный обмен пациентов и «суррогатов» и сомнительные действия двух ведущих американских экспертов в области секса. Если бы эта информация стала всеобщим достоянием, медицинские чиновники штата могли бы отобрать у Мастерса лицензию или вынудить отказаться от своих научных и профессиональных званий. Совет попечителей клиники узнал об этой практике годы спустя после того, как она началась.

Несмотря на все благие намерения Билла Мастерса, его метод с опорой на «суррогатов» едва не утопил клинику в юридической трясине и пиар-кошмаре. Наказанные, но не покоренные, Мастерс и Джонсон публично пообещали никогда больше не использовать суррогатов.



«Самородок». Страдающий от жестокого обращения отца юный Билл Мастерс покинул родительский дом на Среднем Западе и поехал учиться в школу на востоке США, полный решимости самостоятельно «сделать себя».

Человеческое прикосновение. В своем историческом исследовании, которое длилось более 10 лет, доктор Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон задокументировали реакции человеческого организма во время секса, наблюдая более 10 тысяч оргазмов сотни волонтеров. Они изобрели новую систему лечения, чтобы помогать партнерам преодолевать сексуальную дисфункцию.



Средняя школа Голден-Сити. Дочь фермера из Миссури, юная Мэри Вирджиния лишилась девственности с Гордоном Гарреттом, своим возлюбленным и одноклассником. Несмотря на предсказания в школьном фотоальбоме, они так и не поженились. Спустя 50 лет Вирджиния начнет искать свою утраченную любовь.

Билл и Либби. Брак Билла Мастерса и Элизабет Эллис продлился больше 20 лет. Их двое детей родились благодаря методам, разработанным в лаборатории рождаемости Мастерса. Для Либби Мастерс был любовью всей жизни, но она опасалась влияния на него Вирджинии Джонсон.

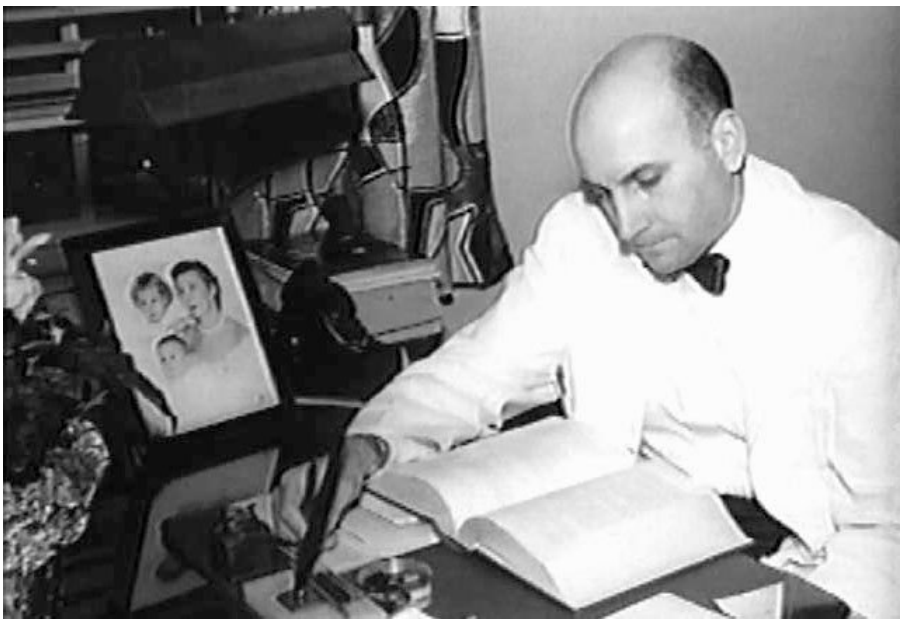
Жених и невеста. Джордж Джонсон, второй муж Джини, был руководителем местного джаз-бэнда и отцом двух ее детей.

Огни рампы. Став солисткой джаз-бэнда, Мэри Вирджиния Эшельман избрала себе псевдоним «Вирджиния Гибсон» – в честь кофейной компании «Гибсон», которая спонсировала ее радиопрограмму. «Я не встречалась ни с одним мужчиной, без сексуальных отношений», – вспоминала она позже.

Стремясь к диплому. Джини Джонсон, дважды разведенная работающая мать, в возрасте 32 лет пришла в Вашингтонский университет в Сент-Луисе ради диплома о высшем образовании, который так никогда и не получила. Вместо этого она стала

доверенной ассистенткой доктора Уильяма Мастерса, ведущего акушера-гинеколога, хирурга и эксперта по рождаемости.

Волонтеры. Джини убедила десятки медсестер, студенток, врачей и жен преподавателей стать волонтерами в исследованиях человеческой сексуальной близости. Десятилетнее исследование Мастерса и Джонсон совершило революцию в медицинском понимании секса и выявило силу женской сексуальности.



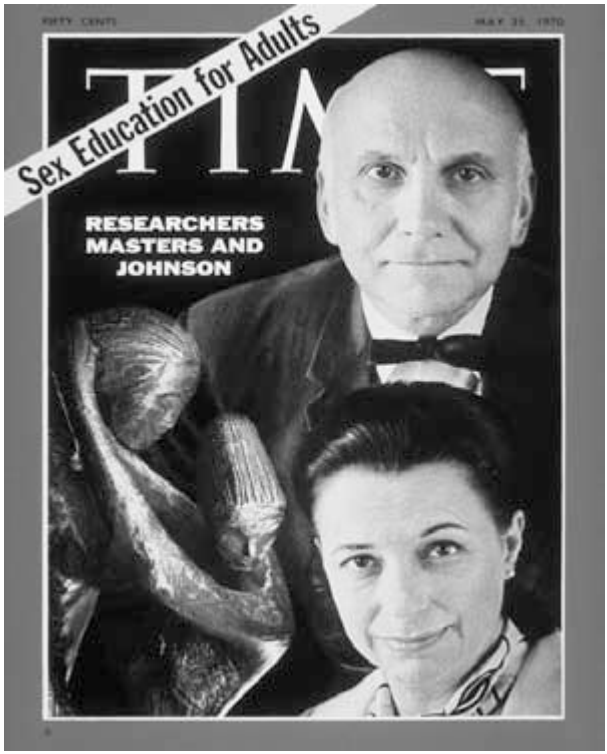
Семейный человек. Билл Мастерс проявлял большое сочувствие к супругам, страдавшим от сексуальных проблем, но его собственный семейный союз был омрачен адюльтером,

холодностью и образом жизни трудоголика.

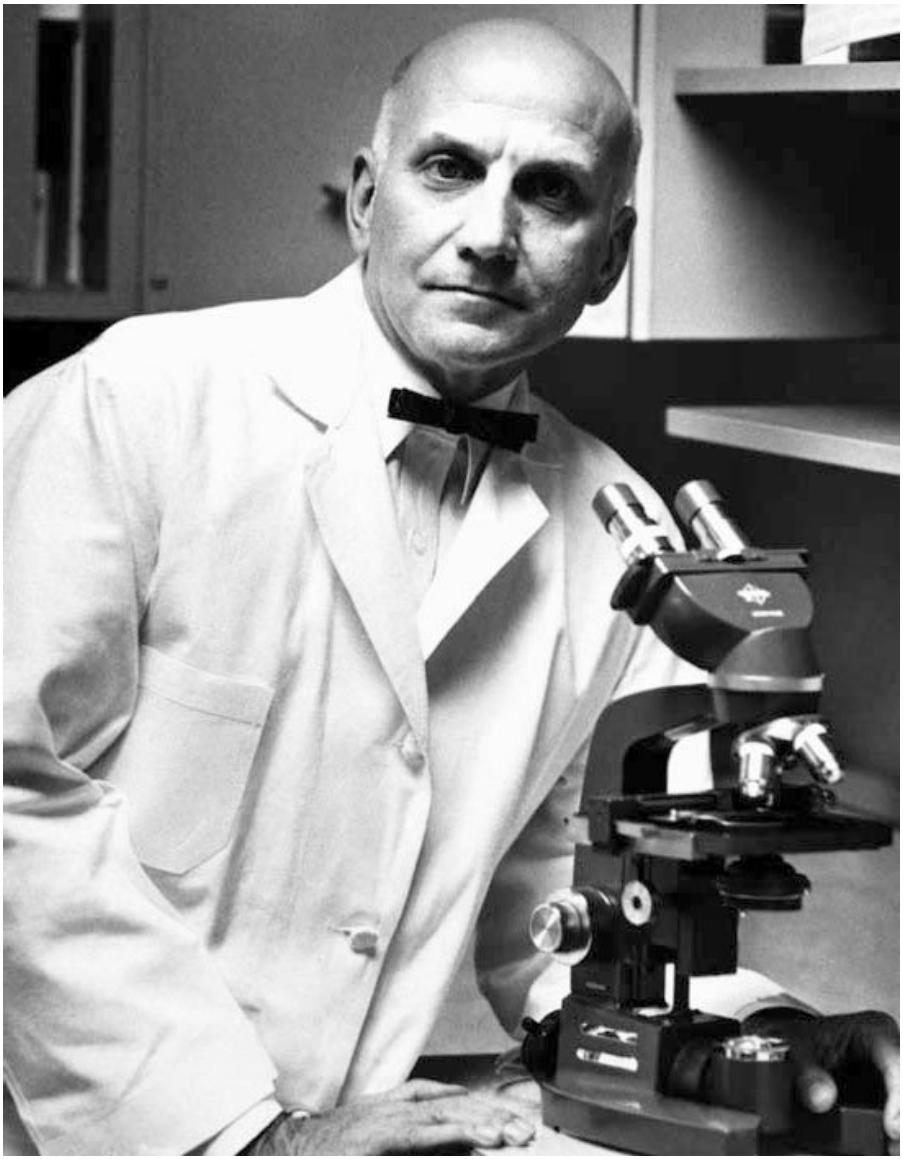
Исследователи, не состоящие в браке. В американских СМИ Мастерса и Джонсон часто изображали как не состоящих в браке исследователей, объективно изучавших секс в лаборатории. Их тайные отношения продолжалась годы, пока интерес Джини к другому мужчине не заставил Билла бросить семью.

Секс-терапия лучше Фрейда. Изучив физические аспекты интимной близости, Мастерс и Джонсон разработали двухнедельную программу лечения, которая давала 80-процентный успех – гораздо выше, чем традиционный психоанализ.

Феминистка. Джини Джонсон была первопроходцем в совершенствовании понимания женщинами собственной сексуальности и опровержении старых мифов. Ее вклад стал важной частью феминистского движения 1970-х годов. Как в современной версии легенды о Пигмалионе, быстрый взлет Джонсон впечатлил тех, кто знал ее как простую секретаршу. Ее творческие озарения были ключевыми идеями успешных секс-исследований, получивших бурное одобрение во всем мире.



Пара года. Журнал «Тайм» поздравил Мастерса и Джонсон с бестселлером 1970 года «Человеческая сексуальная неадекватность», который принес им, ведущим экспертам Америки в области секса и любви, славу, богатство и клиентов-знаменитостей. Они поженились в 1971 году.



Мастер-доктор. Билл Мастерс стал легендой Вашингтонского университета в Сент-Луисе. Он вступал в защиту понимания и принятия человеческой сексуальности, настаивал на специальной подготовке в медицинских школах и прокладывал путь «виагре» и другим видам медикаментозного лечения сексуальной дисфункции. Его исследовательские методы часто были столь же радикальными, сколь и эффективными – от наблюдения за совокуплением волонтеров и применения вагинальных кинокамер для документирования оргазма до тайного использования суррогатных сексуальных партнеров.

Билл и Джини. Для сотрудников Мастерс и Джонсон были загадкой – то очаровательные и вдохновляющие, то холодные и лицемерные. Но вместе они заслужили сердечную благодарность тех, кто получал пользу от их советов и лечения. Некоторые пациенты даже присылали им откровенные фотографии, демонстрируя свои успехи. «Хотя мы готовы верить им на слово», – шутил Мастерс.

Утраченная любовь. В канун Рождества 1992 года 76-летний Уильям Мастерс сказал Вирджинии Джонсон, что хочет развода –

после 20 с лишним лет брака. Впоследствии он женился на своей возлюбленной Доди – девушке, которую обожал в юности, проводя летние каникулы на Рэйнбоу-Лейк, и которую потерял 50 лет назад. Хотя Мастерс и Джонсон говорили, что расстались мирно, их прославленное партнерство секс-экспертов вскоре распалось.

Воспоминания. После смерти Билла в 2001 году от болезни Паркинсона друзья устроили вечер его памяти в Вашингтонском университете, но Джини сочла, что ей будет слишком больно на нем присутствовать. В пространном некрологе «Нью-Йорк Таймс» объявила, что Мастерс «осуществил революцию в исследовании, преподавании и наслаждении сексом в Америке». Живущая под именем Мэри Мастерс, Вирджиния Джонсон испытывала и благодарность, и досаду, вспоминая, как Билл Мастерс изменил ее жизнь.

Глава двадцать третья
Плейбои и покровители

«Плейбой-Мэншен» в Чикаго был известен как пристанище самых провокационных идей американской сексуальности конца 1960-х. Его владелец Хью Хефнер исповедовал открытый, коммерциализированный подход к сексу с первого же выпуска своего успешного журнала с обнаженной Мэрилин Монро на обложке. Все в этом особняке – полуночные вакханалии, внутренний бассейн, в который можно было скользнуть по шесту с верхнего этажа, непрерывное удовлетворение любой телесной прихоти – давало пищу для легенд и фольклора. 70-комнатный таунхаус из красного кирпича, построенный в викторианскую эпоху, стал храмом наслаждений Америки, точкой отсчета для сексуальной революции, которую журнал проповедовал на своих страницах.

В свои сорок лет Хефнер был личностью весьма нахальной, но утонченной – его часто видели попыхивающим трубкой и одетым в смокинг в телепрограмме *Playboy After Dark*, весьма далекой по стилю от нудных высокопрофессиональных выступлений Билла Мастерса и его партнерши Вирджинии Джонсон.

В начале 1968 года атмосфера особняка могла шокировать двух исследователей из Сент-Луиса. На верхнем этаже неделями жили несколько молоденьких «плейбоевских заек», втиснутых в облегающие костюмчики с маленьким пушистым хвостиком. В гостиной нижнего этажа не иссякал поток знаменитостей из Голливуда и спортивного мира, посещавших нескончаемые вечеринки, чтобы глянуть одним глазком, соответствуют ли действительности фантазии, окружающие созданную Хефом «философию «Плейбоя»». Латунная табличка на парадной двери предостерегала на латыни: *si non oscillas, noli tintinnare* («Если не свингуешь, не звони»).

Но Мастерс и Джонсон прибыли в «Город ветров» по делу, а не ради удовольствий. Их строго научный взгляд на секс никогда не грешил гламуром. У женщин, которых они видели, часто бывал целлюлит на бедрах и отвислые груди. Мужчины тревожились из-за вялых пенисов и неуправляемых эякуляций.

«Ради соблюдения приличий они селились в соседних комнатах, вместо того чтобы занять одну спальню на двоих, – вспоминал Хефнер. – Мы над этим всегда потешались».

Странный альянс между этими исследователями и медиа-сатиром всея Америки строился на обоюдном восхищении и

взаимной поддержке. Хеф допоздна болтал с Мастерсом и Джонсон, и вскоре выяснилось, что все они многим обязаны Альфреду Кинси. Перед тем как основать в 1953 году «Плейбой», Хефнер учился в Северо-Западном университете, где писал работу по социологии, сравнивая статистику Кинси по мужской сексуальности с законодательством тогдашних 48 штатов Америки. «Я доказал, пункт за пунктом, что если бы законы исполнялись, то большинство из нас отбывали бы сроки в тюрьмах», – со смехом говорил Хефнер.

Хефнер как «вольный студент» в области человеческой сексуальности признавал важность их научной работы. Изложенные простым языком советы для партнеров, не способных проявлять свою любовь, были созвучны его личному опыту. «Я воспитывался в типичной для Среднего Запада методистской семье – много подавления и минимум объятий и поцелуев – и рано понял, насколько это вредит людям, – объяснял он. – Вот почему для меня это стало *cause celebre*[8]».

За 1960-е годы «Плейбой» из глянцевого журнала с «обнаженкой» превратился в издание, где обсуждались противозачаточные таблетки, права женщин, аборты и другие острые вопросы. Но даже «Плейбой», при всей его просвещенности и светскости, ни разу не упоминал на своих страницах термин «клитор», пока в мае 1968 года Мастерс и Джонсон не согласились дать для журнала интервью.

ПЛЕЙБОЙ: Традиционалисты жалуются, что исследования, подобные вашему, уничтожают таинство секса. Как вы думаете, это верно?

ДЖОНСОН: Мы думаем, что реалистические, честные аспекты сексуальности куда более возвышенны, чем так называемое таинство. Тайна, на которую обычно упирают традиционалисты, связана с предрассудками и мифами. Знание не вредит сексу, а *совершенствует* его.

В отличие от загорелых цветущих блондинок, выставленных на обозрение *au naturel*[9] на страницах журнала, Джини Джонсон была образованной 43-летней женщиной с аккуратной прической и минимальной косметикой, одетая в тот же белый строгий пиджак, в котором она снималась для «Лайф», «Тайм» и «Ньюсуик». Она страстно защищала сексуальное равенство женщин – не куколок а-ля Барби, а любящих, активных участниц интимного действа. Готовность Джонсон вместе с Мастерсом выступать в качестве консультантов «Плейбоя» обеспечила журналу ту степень солидности, которую Хефнер с удовольствием вознаграждал. В 1965 году он основал фонд «Плейбоя» и начал финансировать разные проекты, включая Мастерса и Джонсон.

Джини с трудом сдерживала изумление, оказавшись внутри Плейбой-Мэншн. «Там была голубая комната и красная комната… все комнаты разных цветов, – вспоминала она. – Я любила останавливаться в этом особняке. Что мне в нем особенно нравилось – это что повара были на своих местах 24 часа в сутки. Даже в три ночи они могли испечь замечательное свежее печенье, потому что Хеф бодрствовал почти всю ночь, а спал до середины дня. Хеф – невероятно умный и изысканный человек. Он чудесно к нам относился».

Страдающая от нехватки финансирования исследовательская клиника Мастерса и Джонсон получила большую помощь от своего альянса с «Плейбоем», и не только в виде популяризации их советов. За 10 лет фонд «Плейбой» перевел в общей сложности 300 000 долларов в Фонд исследований репродуктивной биологии. Бесконечная американская полемика вокруг секса не давала программе Мастерса и Джонсон добраться до правительственных субсидий. С 1959 по 1970 годы Мастерс истратил почти половину своего дохода от врачебной практики для поддержки клинических исследований. «Нам нужно от 250 000 до 500 000 долларов в год, – говорил в то время Мастерс. – У нас никогда и близко не было такой суммы». Успешно прошедшие терапию клиенты, при всей своей благодарности, не хотели огласки, поэтому редко делали пожертвования для института.

Порой и сам Мастерс со своей щепетильностью и нежеланием подстраиваться под бюрократов ставил препоны потенциальному финансированию. Например, когда он подал заявку на грант от Национального института психического здоровья (NIMH), агентство поручило молодому психологу составить отчет о клинике. Встреча этого чиновника с Мастерсом оказалась короткой.

– Есть условие получения гранта: вам придется передать нам все ваши записи, – объяснил чиновник.

– Я от души благодарю вас, но наш разговор на этом закончен, – ответил Мастерс с ледяной категоричностью.

Из соображений конфиденциальности пациентов и в целях подготовки персонала бо̀льшая часть записей терапевтических сеансов хранилась на бобинах с магнитофонной пленкой, а не в виде бумажной документации. Мастерс не собирался позволить какому-то бюрократу прослушивать эти записи, рискуя раскрыть тайны личности своих пациентов.

В начале 1960-х годов Пол Гебхард из Института Кинси помог Мастерсу, тогда еще постоянному сотруднику Вашингтонского университета, подать заявку на федеральный грант. Федералы

послали в клинику комиссию рецензентов, чтобы те изучили предприятие Мастерса и Джонсон и определили, насколько это подходящее применение для денег американского народа. На обратном пути седовласые врачи из этой комиссии заехали в Институт Кинси в Индиане и переговорили с Гебхардом.

– Доктор Гебхард, слышали ли вы о некоем Уильяме Мастерсе? – поинтересовался один из них зловещим тоном.

Гебхард осторожно ответил:

– Ну, да… я слыхал о нем.

Собеседник нахмурился и выдал мрачное предостережение: «Не имейте с ним никаких дел! Это какое-то извращение!». Нет нужды говорить, что просьба о гранте была отклонена.

Гебхард подозревал, что федеральную комиссию ужаснуло устройство для искусственного коитуса: «Можете представить себе старых бостонских врачей-интеллектуалов, которые в жизни своей не видели ничего сексуального, лицом к лицу с этой машиной?».

Чтобы добыть денег сверх щедрот Хефнера, Мастерс собирал небольшие гранты от фармацевтических компаний, заинтересованных в исследованиях контрацепции и рождаемости. За 1970-е годы они провели исследование для *Encare Oval*, тестируя новый спермицид.

Со временем Мастерс признал необходимость заискиваться перед немногими богатыми благодетелями, готовыми на публичное упоминание своих имен. Их самыми рьяными сторонниками были Лу Мортон Эллис и ее муж Вэн Эллис из Далласа, которые проходили в клинике лечение в 1970 году, а позже вернулись на повторную секс-терапию по собственному желанию. Лу, наследница состояния, сделанного на картофельных чипсах, жертвовала деньги многим филантропическим и религиозным организациям, включая местную баптистскую церковь Парк-Ситиз. Вэн одно время был президентом семейной снэк-фирмы «Мортон Фудс», которая стала дочерней компанией «Дженерал Миллс», собственника таких популярных семейных продуктовых брэндов, как «Уитиз» и «Бетти Крокер». Их участие в совете фонда Мастерса и Джонсон, несомненно, заставило недоуменно поднять брови кое-кого в Далласе, где их церковь была одной из самых крупных в Библейском Поясе[10]. Ничуть не напуганные этим Эллисы пытались совмещать религию и прочные семейные ценности с дискуссией о сексе. Они дали денег на пилотную программу клиники Мастерса и Джонсон, связанную с духовным и сексуальным консультированием, в качестве прелюдии к обещанному ими пятилетнему гранту на 1 миллион долларов.

Однако в контракте была одна неудобная оговорка – требование Эллисов нанять на работу пастора Герберта Говарда.

Сотрудники клиники были не в восторге от того, что к ним прибавится человек, которого они считали неквалифицированным. Вскоре после своего прибытия Говард в присутствии Мастерса и Колодны пробубнил некую фразу с расистским подтекстом. «Я встал и вышел из комнаты», – вспоминал Колодны. Мастерс поспешил догнать своего ассистента.

– Мы не позволим этому парню так себя вести, – уверял его Мастерс. – Но очень важно, чтобы вы вернулись в кабинет, потому что речь идет о 100 000 долларов в год на поддержку нашей работы в течение следующих двух лет. И мы не можем себе позволить оскорбить этих людей.

К тому времени, получив множество отказов в грантах от правительства и других престижных источников финансирования, Мастерс не готов был отказаться от поддержки наследницы «чипсовой империи», уволив ее земляка-пастора. Он уже научился идти на компромиссы ради своих целей.

– Я столько раз прислушивался к вам! – говорил он Колодны успокаивающим тоном. – Но на этот раз я прошу вас довериться мне.

Глава двадцать четвертая
«Починка супружеского ложа»

«Физиологию не следует путать с психологией».

Зигмунд Фрейд

С появлением Мастерса и Джонсон на обложке журнала «Тайм» их всемирная слава достигла вершины. Портрет Билла и Джини, чьи сдержанные лица светились торжеством, стоял на первой странице номера от 25 мая 1970 года. Мастерс надел свой «фирменный» галстук-бабочку, а Джонсон, которую усадили чуть впереди него, улыбалась с наигранной застенчивостью. Рядом стояла абстрактная деревянная скульптура, изображавшая двух любовников, сплетающихся в объятии. Желтый баннер над их именами объявлял: «Секс-просвещение для взрослых».

«Человеческая сексуальная реакция» стала бестселлером и была переведена на более чем дюжину языков. Она запечатлела американский «дух времени» как раз в тот момент, когда расцвела сексуальная революция. На обложке «Тайм» Билл и Джини оказались в связи с выходом в свет их второй книги «Человеческая сексуальная неадекватность», с описанием новой секс-терапии.

«Они – лучшие со времен Альфреда Кинси исследователи самой таинственной, плохо понимаемой и самой благодарной из человеческих функций», – объявляла статья «Тайм», озаглавленная «Починка супружеского ложа». В США, где уровень разводов резко взлетел вверх, лечение по методу Мастерса и Джонсон обещало медицинское противоядие от трагедий в спальне. «Обоснованное предположение» исследователей заключалось в том, что «вероятно, половина из 45 миллионов состоящих в браке американских пар в той или иной степени сексуально несовместимы», как сообщал «Тайм». Статья подчеркивала, что общий уровень успешности лечения в клинике составляет 80 процентов, причем многие пациенты подтверждают его эффективность даже пять лет спустя. «Тайм» поместил Мастерса и Джонсон в галерею других пионеров в исследованиях секса, включая Зигмунда Фрейда, Альфреда Кинси и Хейвлока Эллиса.

Журнал рассказывал, как Джонсон росла в Миссури «в условиях провинциальных жестких сексуальных табу», но все же

стала пропагандисткой женского сексуального равенства. Мастерс был изображен как грубовато-откровенный врач, смахивающий на добродушного персонажа Роберта Янга из телесериала «Маркус Велби, доктор медицины». Секс в браке объявлялся бальзамом, который должен был спасти страну от невзгод. «Величайшая форма секс-просвещения, – говорил Мастерс, – это когда папа, проходя мимо мамы в кухне, гладит ее по попке, и маме это нравится. Дети смотрят и думают: «Ух ты, я тоже так хочу!».

К 1970 году Мастерс и Джонсон перестали быть одиночками в сфере секс-исследований. Бесчисленные советы растекались по американскому обществу, как мармелад по нёбу. В число бестселлеров входили популярный учебник Дэвида Рубена «Все, что вы всегда хотели знать о сексе (но боялись спросить)», который вдохновил Вуди Аллена на создание одноименного фильма; феминистская полемическая книга Кейт Миллетт «Сексуальная политика» и книга-руководство «Чувственная женщина», написанная анонимным автором.

Два бульварных романа – «Эксперимент» и «Изученная Венера» – эксплуатировали образы Мастерса и Джонсон, сопровождая повествование анонимными рассказами, как бы «из самой клиники». Якобы написанная на основе фактов книга «Пара. Сексуальный профиль Мистера и Миссис К.», как утверждалось, была пересказом опыта супругов, которые провели две недели в сент-луисской клинике в 1970 году. В этих «свидетельских показаниях» мужчина по имени Гарольд и его жена Джоан благодарили врачей за спасение своего брака. Джоан описывала, как терапия чувственного фокуса привела ее к оргазму: «У меня никогда прежде не было настоящего секса и настоящей любви. Это фантастика!».

В отличие от прохладного приема, оказанного первой книге, Мастерс и Джонсон теперь наслаждались вниманием прессы. Обзор в «Нью-Йорк Таймс», написанный врачом Аланом Гуттмахером, называл книгу «выдающейся» и «феноменальной», а «Ньюсуик» расхваливал их новую терапию как революционную. Некоторые женские журналы, которые прежде жаловались на непристойность их исследований, теперь перебежали на их сторону. «Уровень результативности в облегчении проблем, с которыми идут к ним сексуально обделенные супруги, составляет ошеломительные 80 процентов», – поведал «Женский домашний журнал» миллионам своих читательниц, у которых внезапно проснулось желание читать о вагинизме и неконсуммированных браках наряду с рецептами овсяного печенья и домашних супов.

Бо̀льшая часть 467-страничной книги описывала различные формы импотенции и сексуальных дисфункций и виды терапии,

разработанные для лечения каждой проблемы. Многие дивились утверждениям, что сексуальная жизнь может продолжаться и в преклонные годы. Мужчине в возрасте за пятьдесят, возможно, придется дожидаться эрекции несколько минут, а не секунд, но он может стать лучшим любовником, чем юноша, благодаря большему эякуляторному контролю. И хотя исследование показывало, что эластичность влагалища женщины уменьшается с возрастом, оргазмы становятся короче, а клитор сокращается в размерах, женщина тоже способна продолжать получать удовольствие от своего партнера, даже если ей далеко за восемьдесят. Применяя сенсорные методы Мастерса и Джонсон, они могли наслаждаться близостью, насколько хватит здоровья.

В конце книги Мастерс и Джонсон разместили в виде схем всю статистику программы, обрисовав разнообразные формы медицинских случаев и их исходов. Еще одна глава, названная «Неудачи в лечении», давала представление о сложности психосексуальных проблем некоторых пациентов и глубине их несчастья. «До того как выйти замуж, миссис Б. жила в инцестуальных отношениях с отцом, подчиняясь его сексуальным требованиям, чтобы предотвратить насилие в отношении своей младшей сестры, – рассказывал этот раздел, написанный преимущественно Джонсон. – Вполне ожидаемо, что сексуальные заигрывания мужа казались ей пугающими или даже отвратительными после восьми лет брака».

Во всей этой книге слышен был голос Джонсон. Хотя Джини усвоила анатомический сленг Мастерса, она вносила в текст собственное представление о метафизическом союзе, которым может наслаждаться любящая пара. Не довольствуясь повторением сексуальных инструкций в стиле «раз-два-три, начали!» из учебников по браку, написанных мужчинами (это ее собственные слова), Джонсон включала секс в контекст зрелых, развивающихся отношений. В главе с не самым романтичным заглавием «Лечение оргастической дисфункции» она обращалась к не уверенной в себе замужней женщине: «Полезно уверить жену, что, как только брачный союз закрепляется сексуально, пенис принадлежит ей точно так же, как влагалище принадлежит мужу. Когда происходит вагинальное проникновение, оба партнера отдают себя с целью получить наслаждение друг от друга».

То, чего Билл и Джини достигли за 12 лет – без всякой поддержки правительства, в обстановке почти полной секретности – было беспрецедентным событием в истории медицины. Как отмечал «Тайм», Мастерс и Джонсон осветили область медицины, которая долго пребывала во тьме, создав новое поле знаний и деятельности, которое сулило надежду и

решение проблем миллионам людей. Публикация «Человеческой сексуальной неадекватности» оказалась «одним из тех событий, которые преображают клинический ландшафт», писал журнал. «После этого секс-терапия стала казаться «дивным новым миром», а Мастерс и Джонсон стали его гуру».

Во время своего книжного тура Мастерс и Джонсон снова появились в бостонском «Ритц-Карлтоне» на трехдневном семинаре. В свои 54 года Мастерс говорил, что надеется проработать еще 10 лет, чтобы завершить исследование гомосексуальности и разработать учебную программу по предотвращению сексуальной дисфункции. «Думаю, мне очень повезло, что все эти годы я добивался успеха в том, что приносит мне колоссальное удовольствие, – сказал он в один из редких для него моментов рефлексии на публике. – Но величайшая из случавшихся со мной удач – это то, что в мои руки приплыла такая рыбка, как Джини Джонсон».

Джонсон стала больше рассказывать о себе. Иногда она привносила в тему, которую пояснял Мастерс, женскую точку зрения. В другие моменты предлагала собственную интерпретацию того, что̀ их новые методы означали для пациентов, и выражала презрение к фрейдистскому психоанализу. Когда некоторые возмущались назначаемой клиникой базовой ценой в 2500 долларов за две недели лечения, она намекала, что «это может обойтись существенно дешевле, чем годы психоанализа».

Мысль о том, что их атакует женщина, у которой нет даже университетского диплома по психологии, возмущала некоторых критиков. «Вся эта книга от начала и до конца – одно большое упрощение, – жаловался денверский психиатр Уоррен Гэдпай. – Принятие таких наивных концепций отбросило бы понимание человеческого поведения и психических расстройств на 50 лет назад». То, что первая книга Мастерса и Джонсон подорвала теории Фрейда насчет женской сексуальности, физически доказав их неправоту, было уже достаточно дерзко. А теперь еще и вторая книга угрожала перевернуть вверх дном все здание фрейдистской школы, предложив быстрое решение проблем, связанных с сексом! Критики сетовали, что такие методы лечения, как «сжатие», заимствованы у проституток и резонно утверждали, что результаты терапии нельзя считать достоверными, пока их не повторят другие ученые-исследователи. Но практические доказательства и множество отзывов удовлетворенных супружеских пар доказывали ее эффективность. Как впоследствии замечала в «Нью-Йорк Таймс» Джейн Броуди, «тем, кто потратил годы на безуспешную психотерапию, такое быстрое исцеление

представлялось волшебством».

Добившись великой славы в Америке, Билл был благодарен Джини Джонсон за то, что она искала практические ответы на вопросы, которые он давным-давно поднимал в лаборатории. После публикации «Человеческой сексуальной неадекватности» Джини достигла заслуженного равенства с ним. Билл обладал проницательностью, позволявшей разглядеть множество индивидуальных компонентов человеческой сексуальности, а она помогала сложить воедино всю головоломку.

На обложке их первой книги Билл определил себя как «Уильяма Мастерса, доктора медицины», но во второй работе его ученое звание было опущено. Это небольшое изменение отражало меняющуюся природу их отношений – теперь они были на равных.

Глава двадцать пятая
Аромат любви

«Почему известные яркие цвета возбуждают чувство удовольствия – этого, я думаю, нельзя объяснить; так же как и того, почему приятны известные вкусы и запахи; впрочем, привычка как-то с этим связана, ибо то, что поначалу неприятно нашим чувствам, в конечном итоге делается приятным, а привычки наследуются».

Чарлз Дарвин, «Происхождение человека и половой отбор»

Если это делают птички и пчелки, то, считали Билл Мастерс и Джини Джонсон, наверняка человеческие существа тоже полагаются на обоняние в половом отборе. Сладкие и мускусные запахи, которые возбуждают чувства и сигнализируют о неизбежности любви, должны играть скрытую роль во влечении между мужчинами и женщинами.

«Человеческая сексуальная неадекватность» подчеркивала «гигантский неразвитый потенциал» обоняния в воздействии на сексуальное поведение. Половые феромоны – ароматы, которые служили искрой для естественной поведенческой реакции – оставались неизведанной территорией в науке. Однако пищевые и парфюмерные компании, в поисках новых способов зарабатывания денег, обратились за помощью в Фонд исследований репродуктивной биологии. То, что отказывалось делать правительство, сделали частные фирмы – они обеспечили клинику грантовыми деньгами для исследования этого недостающего звена сексуального влечения. Эндокринолог Джоан Бауман исследовала женские ароматы при спонсорской поддержке «Монелл Кемикл Сенсиз Сентр» (*Monell Chemical Senses Center*) – некоммерческой организации, финансируемой индустрией продуктов питания, напитков, парфюмерии и фармацевтики. «Они были заинтересованы в разработке духов с феромонами, которые стимулировали бы сексуальные чувства», – вспоминала она.

Самую большую поддержку работе Билла и Джини оказывали

компания *IFF* – «Интернешнл Флейворс энд Фрейгренсиз» (International Flavors & Fragrances Inc.) и ее председатель Генри Уолтер-младший, более известный как Хэнк. Его стоящий много миллионов долларов глобальный конгломерат обеспечивал запахами и вкусами широкий спектр продуктов – от полироли для мебели с лимонной отдушкой до хлопьев к завтраку с шоколадным вкусом. Наиболее выгодным сегментом работы *IFF* были поставки ароматов для изготовителей духов, таких как «Ревлон» и «Эсти Лаудер». Хэнк обшаривал весь мир в поисках нового вкуса или аромата, который можно было продавать на рынке. Он называл этот бизнес «индустрией секса и голода».

В свои 57 лет Хэнк Уолтер излучал здоровье и жизненную силу. В офисе он носил подтяжки красного цвета, иногда украшенные скунсами или листиками клевера. Он хотел создавать запахи, которые станут «усиливать обонятельный сигнал» или «заострять обонятельные рецепторы».

Без особых трудностей он привлек на свою сторону Билла Мастерса, чтобы делать деньги на ароматах любви. В течение нескольких лет они обменивались письмами, и порой к письму прилагался чек для клиники.

Пока самой большой совместной с Хэнком удачей были IFF-ароматизированные лосьоны, используемые в секс-терапии. Перед тем как входить в спальню, партнеры получали лосьоны, помеченные *IFF* как мужские или женские. Четыре букета запахов – цветочный; мшистая зелень; цветочно-древесный бленд и «восточный» – были женскими. Мужские ароматы включали лавандовый букет; современную амбру; сладкий букет; цитрусовый букет; свежий цитрус с древесной ноткой; цветочный букет и острый аромат с бальзамическими нотками. Если партнеры считали один из запахов спорным (неприятным), они переключались на другой лосьон, без запаха. Многие наслаждались чувственным ощущением крема на обнаженной коже, что помогало им справляться с предубеждениями, связанными с семенной жидкостью или вагинальной лубрикацией.

Втирание лосьона стало точным барометром трудностей терапии. Из 18 пар, которые отвергли лосьоны, более трех четвертей не смогли одолеть свои сексуальные проблемы за время двухнедельного лечения. В «Человеческой сексуальной неадекватности» Мастерс и Джонсон призывали к исследованиям возможностей обоняния, убежденные, что напали на важный след.

Хэнк, хотя и радовался вкладу своей компании в лечение сексуальной дисфункции, продолжал настаивать на

коммерческих продуктах для широкой публики. Представьте, писал он Биллу, что изучение феромонов женщин сможет привести к открытию афродизиака для пресыщенных, источника молодости для старых, средства по определению овуляции таким способом, против которого не мог бы возразить даже Ватикан. Хэнк апеллировал к научной любознательности Билла, но привлекал его явно запах денег.

Билл ценил финансовый вклад Уолтера в работу клиники, а у Джини рос интерес к самому Хэнку. С его помощью она разработала идею втирания лосьона в кожу как «средство общения» между любовниками во время сеансов чувственной терапии. Порой она расточала неумеренные хвалы этому специально разработанному товару Хэнка.

Как и Ной Вайнштейн, Хэнк был мужчиной немолодым, но полным сил и многого достигшим, при этом красивее Ноя и значительно богаче. Он осыпал Джини знаками внимания и клялся, что готов идти с ней на край света. Он был женат, поэтому в первое время она рассматривала их отношения как мимолетную интрижку. Но вскоре Хэнк стал ездить вместе с Джини на каникулы, например на ранчо, где их романтическая любовь расцвела. Хенк все чаще говорил, что хочет всегда быть вместе с ней, хотя развод стоил бы ему нескольких миллионов.

Джини еще никогда так сильно не хотелось принять соблазнительное предложение. Хэнк со своим шармом, привязанностью и сексуальным магнетизмом предлагал ей и любовь, и убежище. После двенадцати изнурительных лет она мечтала прервать свое партнерство с Биллом и отказаться от научных изысканий.

Да, Билл дал ей возможность видеть, как ее теории перенимает официальная медицина. Однако их личные отношения, несмотря на всю физическую и профессиональную близость, никогда не были окрашены нежностью настоящей любви. Она привыкла заниматься сексом с Биллом: поначалу это было частью неписаного рабочего контракта, но со временем стало способом удовлетворить ее собственные желания. Она научилась следить за его настроением, угадывать его потребности и заботиться о них. Но теперь, когда они достигли своей цели – появились на телевидении, в газетах, на обложке журнала «Тайм», она хотела быть свободной.

Брак с Хэнком мог стать тем самым решением, в котором нуждалась ее семья. В глубине души Джини чувствовала угрызения совести за то, что слишком много времени провела вдали от своих детей, пока они росли. Теперь, когда Скотт и Лиза стали подростками, она надеялась наверстать упущенное время. В

новой жизни с Хэнком она могла бы еще раз сменить имя, чтобы никто не беспокоил ее семью.

Однако со временем их тайный роман стал еще более запутанным. В Нью-Йорке Хэнк пригласил Билла и Джини в просторную манхэттенскую квартиру, где он жил со своей женой Розалиндой. Во время Второй мировой войны Розалинда работала заклепщицей на заводе на Лонг-Айленде, строившем боевые самолеты, и предположительно стала прототипом популярной песенки «Рози-заклепщица».

Казалось, ни Билл, ни Роз не замечали романтической привязанности между Джини и Хэнком. Годы спустя, когда Розалинде Уолтер рассказали, что Джини собиралась замуж за Хэнка, та ответила откровенно: «Очень может быть. Она вполне могла оказаться в этом клубе: моего мужа обожало множество женщин». Поразмыслив, Розалинда выразила сомнение в правдивости подобных утверждений. Она была уверена, что Хенк интересовался работой Мастерса и Джонсон из-за своего бизнеса с *IFF*.

Большинство сотрудников клиники в Сент-Луисе не имели ни малейшего представления о романе Джини с одним из их богатейших покровителей. Билл оставался в неведении до тех пор, пока Хэнк не предпринял один из своих визитов в сент-луисскую клинику. Обычно в таких случаях Мастерс, а иногда и Колодны вместе с Джини вели своего нью-йоркского покровителя в местный ресторан. Однако на сей раз Джини оставила детей с домработницей, чтобы развлекать Хэнка наедине. В тот вечер они чудесно проводили время, смеясь и разговаривая о своих мечтах вместе повидать мир. Когда Джини, наконец, приехала домой, она обнаружила, что Билл названивал ей весь вечер. Он знал, что Хэнк в городе, и ему нетрудно было сделать выводы.

На следующий день Билл приступил к ней с расспросами о Хэнке. Джини еще никогда не видела своего партнера таким ошарашенным. На его лице был написан не столько гнев, сколько тревога; он по-настоящему испугался, что Джини выйдет за Хэнка.

Джини не хотела, чтобы ею манипулировали или отговаривали ее от принятия решения, правильного для нее и ее детей. Мастерс давно знал о ее намерении снова выйти замуж. Поведение самого Билла подразумевало, что никаких перемен не будет, пока их работа остается захватывающей, их связь – тайной, пока Либби сидит дома с детьми, а доходы и признание сопровождают их общее имя – «Мастерс и Джонсон».

– Если ты уйдешь, вся работа пойдет насмарку! – твердил Билл. Он был похож на человека, который вот-вот лишится всего, что у него есть.

Возможно, он испытывал ревность, внезапно осознав, что «идеальная женщина», которую он вышколил и возвысил, готова уйти от него. Но он не собирался сидеть сложа руки и смотреть, как распадается их партнерство. Убежденный в том, что угроза реальна, Мастерс отважился на решительные действия.

Глава двадцать шестая
Предательство

Однажды, придя домой из школы, шестнадцтилетний Хауи Мастерс застал свою мать в безутешных рыданиях – он никогда прежде не видел ее в таком состоянии.

– Мы разводимся, – плакала Либби. – Твой отец ушел из дома.

Хауи огляделся и только теперь увидел, какой хаос воцарился в прежде безмятежной, упорядоченной атмосфере дома. Все, что принадлежало отцу, исчезло.

До этого дня жизнь юного Уильяма Хауэлла Мастерса-третьего казалась безмятежной. Хауи учился в престижной частной школе Кантри-Дэй-Скул в Сент-Луисе и дружил с сыном Джини Скоттом. Он выбрал для дальнейшего обучения Гамильтон-колледж, отцовскую альма-матер, но в нем не было того скрытого бунта, который стал в свое время главным стимулом для его отца. Тихий воспитанный Хауи по темпераменту, скорее, походил на Либби Мастерс. Но он пришел в ярость, увидев мать в слезах и понимая, что его счастливая жизнь перевернулась вверх дном. Он потребовал, чтобы мать рассказала ему, где можно найти отца.

«Помню, как я ворвался в квартиру, сел перед ним и устроил ему форменный разнос», – вспоминал Хауи.

Билл Мастерс терпеливо выслушал разгневанные тирады сына, пока ему не представился шанс ответить. Билл говорил бесстрастно, точно проводил сеанс психотерапии с незнакомым подростком, а не разговаривал с собственным сыном. Он начал с констатации суровой правды: его отношения с женой закончены. Вне зависимости от того, разлюбил он ее или влюбился в другую женщину, каковы бы ни были причины, – все кончено.

Билл ни разу не упомянул имени Джини Джонсон. Вместо этого он осторожно объяснил сыну-подростку, что два взрослых человека могут медленно дрейфовать в браке, расходясь в разные стороны. Тон его был спокойным и участливым. Он не винил Либби и говорил с Хауи как с молодым мужчиной, достойным уважения, без взрослой снисходительности. Отчасти манипулируя, Мастерс заставил сына осознать, что кажущаяся семейная идиллия в их доме была лишена настоящей близости между мужем и женой.

Хауи очень хотел верить отцу, особенно в этот ужасный момент распада их семейной жизни. Много лет спустя он с

некоторым восхищением говорил о том, как спокойно отец вел себя в этом конфликте. «Он сумел обезоружить меня – юношу, который был растерян, разгневан и остался с рыдающей беспомощной матерью на руках, – вспоминал Хауи. – Что почувствовал бы на моем месте любой ребенок, придя домой и обнаружив, что его жизнь пошла прахом? Мне нужно было какое-то объяснение – и я его получил».

Элизабет Мастерс в глубине души всегда знала об изменах Билла. Его самоотверженность в исследовании секса, стремление обрести признание, а главное – ночи, проводимые вне дома, и неподобающая близость с Вирджинией Джонсон были очевидны для Либби. Но она пыталась сохранить свой брак, вероятно, надеясь, что безрассудство мужа пройдет само собой. Может быть, эти секс-исследования прекратятся, нужда в помощи Джини отпадет, и он вернется к роли уважаемого акушера-гинеколога.

Жизнь Либби была посвящена детям и сообществу друзей и соседей. Она ухаживала за матерью Билла Эстабрукс Мастерс, пока та не ушла в мир иной в 1960-х годах. Она поощряла Билла поддерживать контакт с его младшим братом Фрэнком, пластическим хирургом, который жил в Канзас-Сити. В свои 54 года Либби оставалась стройной и деятельной женщиной, хотя волосы ее поседели, а манеры становились все более сдержанными. Она была верна своей епископальной церкви, и ее дети прошли конфирмацию, хотя муж предпочитал, чтобы по воскресеньям они играли в боулинг.

Либби понимала, что ей не сравниться с Джини Джонсон – женщиной моложе ее, более яркой и более значимой для амбиций Билла. Однако Либби не могла заставить себя относиться к Джини с неприязнью, как бы неловко не чувствовала себя в ее присутствии. Они были друзьями. Похоже, Элизабет Мастерс интуитивно понимала, что Билл определяет судьбу их обеих, и они всегда будут под его властью.

В эмоциональном соперничестве с Джини, как считали некоторые, у Либби не было шансов сохранить Билла. Вряд ли между ними была та сексуальная близость, которую он мог найти с Джини.

После того как Билл съехал из семейного дома в Лейдью, прошло несколько месяцев, пока их развод в декабре 1970 года не стал окончательным. Друзья Бетти Мастерс вслух выражали возмущение поступками Билла и презрение к Джини. К тому времени многие были наслышаны о том, как Джини жила в доме Мастерса, когда Бетти уезжала в Мичиган с детьми. «По-моему, это несправедливо! – говорила Доди Бродхед. – Бетти была чудесным человеком, она любила Билла и думала, что он так же

любит ее. Но Вирджиния прокралась в их жизнь, и Бетти получила от ворот поворот, что ее просто сломило. И по отношению к детям это тоже было жестоко».

Мужу Доди казалось, что Билл злоупотребил его дружбой. Рискуя своим положением местного бизнесмена, Джон Бродхед согласился присоединиться к исследовательскому фонду Билла в основном ради Бетти. Джон знал ее еще подростком, он восхищался тем, как мужественно Бетти преодолела свои несчастья – смерть матери и уход отца – и выросла в «замечательно уравновешенную и стойкую личность». Хотя Бродхеды и были благодарны Биллу за успешное лечение от бесплодия, их оскорбляло его бессердечие по отношению к Бетти. Пробыв попечителем шесть лет, Джон ушел из Фонда исследований репродуктивной биологии.

Когда родители расстались, Сали Мастерс, которая была на год старше брата Хауи, училась в школе-пансионе. Ее отослали в школу подальше от дома, чтобы избавить от гнусных телефонных звонков и сальных замечаний окружающих о том, что происходит в клинике ее отца. Сали часто слышала, как другие родители говорили ее подругам: «Я не хочу, чтобы ты водилась с девчонкой Мастерсов: ее отец – сексуальный маньяк!». Приехав домой, Сали узнала, что отец ушел и никогда не вернется.

Либби заняла оборонительную позицию. Она никогда не обвиняла Джини в том, что та разрушила ее брак. «Если она и была ревнива, то не показывала виду, – вспоминал Хауи. – Мать и дальше держалась бы за отца, если бы он не ушел. Она была верной – и в этом была ее главная сила и один из главных недостатков».

В последний год учебы Хауи в Кантри-Дей-Скул в доме Мастерсов стало еще тише. Либби пыталась держаться, но фокус их семейной жизни был разбит вдребезги. Не желая терять контакт с отцом, Хауи приезжал в город, чтобы увидеться с ним. Они подолгу разговаривали, но никогда не обсуждали Вирджинию Джонсон или планы отца на будущее. Вскоре Хауи отправился в колледж и начал свою профессиональную карьеру.

Глава двадцать седьмая
Брачный контракт

В последние годы перед разводом Билл жил двойной жизнью: дома с Либби и детьми и с Джини на работе и после нее. Ему казалось, что жена понимает и принимает его отношения с Джини. До того как события потребовали развода, Билл вполне комфортно себя чувствовал и не спешил нарушить свое равновесие между двумя женщинами.

В Лейдью Джини с детьми жила на расстоянии чуть больше мили от дома Мастерсов. Ее дом был достаточно большим и уединенным, чтобы принимать в нем гостей. Иногда, задерживаясь допоздна, Билл оставался ночевать в комнате на первом этаже, а дети Джини, Скотт и Лиза, спали наверху, рядом со спальней матери. Постепенно Билл перестал быть просто гостем. Однажды, когда Билл и Джини уехали читать лекции, Боб Колодны и его жена Нэнси предложили присмотреть за детьми и с удивлением обнаружили вещи Билла по всему дому. В конце 1960-х годов они уже жили вместе.

Двойная жизнь вполне устраивала Мастерса, пока на сцене не появился Хэнк Уолтер. Но Билла больше волновало будущее их всемирного известного партнерства, чем личная ревность. Он не демонстрировал отчаянных эмоций любовника, которому угрожает соперник, но готов был сделать все, чтобы не потерять Джини, – даже разрушить собственную семью. «Именно тогда он принял решительные меры, чтобы еще основательнее влезть в мою жизнь, – рассказывала Джини. – Я не сознавала, насколько он хитро мной манипулировал».

Недоброжелатели Джини из рафинированных высших слоев Лейдью полагали, что она с самого начала стремилась к браку с Биллом как к средству улучшить свое шаткое экономическое положение. Даже некоторые ее друзья считали, что она подталкивала Билла к разводу. «Думаю, это было условием продолжения их совместной деятельности, – говорил Майк Фрайман, который восхищался реакцией Либби. – Когда дошло до развода, она [Либби] не пыталась чинить ему препятствий или разорить его. Она уважала потребность Билла жениться на этой женщине».

Несомненно, Джини пользовалась влиянием на Билла. Тем, кому она не нравилась, казалось, что ей доставалось намного больше, чем она заслуживала, и что она соблазняла Билла для своей выгоды. Такие комментаторы никогда не забыли, что

Джини в сравнении с доктором Мастерсом – секретарша-выскочка, алчная охотница-«разведенка». Однако после выхода двух книг-бестселлеров Джини была достаточно обеспечена, чтобы уйти с работы, больше участвовать в жизни своих детей-подростков, устроить свою жизнь с мужчиной, который говорил, что любит ее.

Хэнк Уолтер настойчиво добивался от Джини ответа. То же самое делал и Билл Мастерс, который вскоре после ухода от Либби недвусмысленно давал понять, что хочет снова жениться. Если предложение Хэнка было основано на любви, то намерения Билла опирались на деловые договоренности и на сохранение их финансово выгодного предприятия. В конечном счете решение Джини было, как она утверждает, мало связано с ее собственными личными желаниями. Интуитивно она понимала, что Билл хотел выиграть в этом соревновании, взять верх над своим богатым покровителем. Как в книгах, созданных совместно с Джини, так и в жизни Билл никогда не употреблял слово «любовь».

«Я могла бы больше не работать, – признавала Джини. – Мужчина, за которого я собиралась выйти замуж, был богат, даже слишком, но он хотел того же, что и Мастерс – чтобы я ездила с ним постоянно, повсюду». Несмотря на соблазнительность предложения Хэнка, Джини устала кочевать по гостиницам вдали от дома и боялась потерять контроль над детьми. В конце концов она отказала Хэнку. Билл никогда больше о нем не расспрашивал. Ему не нужны были никакие объяснения – только уверенность в том, что их партнерство остается нерушимым.

Детям Билла приходилось терпеть злые выходки окружающих, но Скотт и Лиза Джонсон были еще более беззащитны перед тем, что̀ вполголоса говорили соседи об их матери. Слава Джини давала множество пищи для слухов. Билл считался врачом из хорошего общества, женатым на известной общественнице, поэтому в его адрес изливалось не так уж много негатива. Дети Джини приняли на себя главный удар. Они злились на нее за то, что она занималась исследованиями секса, а ей в первую очередь нужны были деньги.

Аргумент Билла о том, что ее уход уничтожит их работу, оказал нужное воздействие, особенно будучи выражен в цифрах. Успех второй книги принес им значительную прибыль от авторских гонораров, повышение ставок за публичные выступления и создание новой прибыльной сферы секс-терапии, основанной на чувственных методах, разработанных Джини. Она по праву гордилась тем, что была соавтором второй книги – куда больше, чем первой. Денег, которые они теперь зарабатывали, хватало, чтобы вскружить голову кому угодно, даже гордой

женщине, которая всегда ценила свою свободу. Выйдя замуж за богача вроде Хэнка Уолтера, Джини все равно продолжала бы зависеть от мужчины. А сейчас у нее было то, что она сама заработала, по праву и без всяких компромиссов.

До выхода третьей книги Билл обеспечивал практически все, чего требовала Джини, – при условии, что их совместное предприятие будет продолжать существовать. «Я никогда не хотела быть с ним, но от заработка по 200 000 долларов в год, а то и больше, не уходят, – признавалась она, точно жертва собственного успеха. – Я добивалась этого сама; даром мне ничего *не давалось*».

Брак с Биллом также придавал Джини легитимность. Пойдя под венец с Мастерсом, она смогла бы покончить с домыслами, которые сопровождали их. Она также надеялась, что замужество упростит социальную жизнь ее детям и обеспечит им мужское влияние.

7 января 1971 года Билл и Джини поженились. Скромная церемония состоялась в доме одного из их друзей в Файетвиле, штат Арканзас. Брак двух знаменитых исследователей не мог не стать пищей для газетных заголовков. Однако Джини не хотела «свадьбы на первой странице». Билл с готовностью согласился.

Один их друг-гинеколог по удачному совпадению был священником универсалистской церкви в Файетвиле. Они поехали в Арканзас, чтобы получить лицензию на брак от местного суда. Джини оставалась в машине, а Билл пошел в офис судебного клерка с документами. В здании суда один репортер из Сан-Франциско узнал Мастерса и быстро выяснил, что тот приехал за брачной лицензией. Их свадьба стала главной новостью этой сан-францисской газеты.

Американские СМИ увидели в этом бракосочетании счастливую концовку растиражированной ими саги о Мастерсе и Джонсон. Хотя некоторые авторы замечали, что эта церемония была уже второй для Билла и третьей для Джини, общий тон сообщений был гимном всепобеждающей любви. Билл и Джини (в особенности Джини) смирились с назначенными им ролями. «Без него мне не было покоя, – изливала душу Джонсон в интервью «Вашингтон Пост». – Единственное, о чем я жалею – это что мы не нашли друг друга раньше».

В клинике Джини уже добилась формального равенства, но брак с Биллом не оставил никаких сомнений в прочности ее положения. Прежде она в основном помалкивала или эхом повторяла замечания Билла; теперь же она свободно выражала свою точку зрения как полноправный второй руководитель.

«Я знаю, почему вышла за Мастерса – чтобы сохранить

индивидуальность и прочие качества марки «Мастерс и Джонсон», – позднее утверждала Джини. Какая бы страсть ни объединяла их прежде, теперь она впала в летаргическую спячку. Вскоре после свадьбы Билл рассказывал одному репортеру о радостях «просто объятий» в постели после трудного дня. А Джини заявляла, что «концепция сексуальности только как «пениса во влагалище» – абсолютно викторианская, и это тошнотворно».

Во имя спасения американского брака Билл Мастерс разрушил свой собственный. Он бросил Либби, жену, с которой прожил 29 лет, одну в их старом доме в Лейдью, как раз в тот момент, когда оттуда выпорхнули их повзрослевшие дети. Билл редко демонстрировал какие-либо угрызения совести, как будто научная миссия оправдывала его поступки. Тем, кто подъезжал к нему с расспросами, он демонстрировал жесткий подход и говорил о себе скупыми, безжалостными словами, признавая, что «был не слишком хорошим отцом», да и мужем тоже.

Билл, который предпочитал допоздна оставаться на работе или сидеть по выходным дома перед телевизором, с презрением относился к желанию Джини войти в местное светское общество. Старые друзья по Лейдью и кантри-клубу вычеркнули его из своих рядов из-за того, что произошло между ним и Либби. «Я не умею вести себя с людьми, – признавался он. – У меня не так уж много друзей. Моя личность не из тех, к кому тянутся люди». Джини могла лишь соглашаться с этим. «Билл терпит людей, – поясняла она, – и ничего больше».

Для Билла брачный контракт с Джини был таким же рядом компромиссов, как и для нее. Годы спустя их бывшая коллега Джуди Сейфер спросила его:

– В какой момент ты понял, что ваш брак не сложится?

– Когда шел к алтарю, – напрямик ответил он.

– Тогда зачем же ты это сделал? – удивилась она.

– Я не знал, что еще мне сделать, – пожал плечами Билл. – К тому же это было удобно.

Мир обращался к Мастерсу и Джонсон, прося их объяснить тайны секса и показать, как разговаривать на языке любви. Но когда Билла Мастерса спрашивали, что такое настоящая любовь, он признавался, что понятия об этом не имеет.

Фаза четвертая

Мастерс и Джонсон в новостной программе «Встреча с прессой»

Глава двадцать восьмая
Феминистское движение

«В годы между «эмансипацией» женщин, отвоеванной феминистками, и сексуальной контрреволюцией «загадочной женственности» американки наслаждались ростом сексуального оргазма. Самое большое удовольствие от него получали образованные женщины, активно участвовавшие в жизни мира за пределами своего дома».

Бетти Фридан, «Загадочная женственность»

На вечеринке-сюрпризе, устроенной для Дорис Макки в честь ее помолвки, подруги и коллеги ждали прибытия почетной гостьи. Женщины из клиники Мастерса и Джонсон собрались поздравить Макки, дружелюбную, добросовестную секретаршу. Роуз Боярски, новый терапевт, проводила эту вечеринку у себя дома и пригласила всех коллег, включая начальницу Вирджинию Джонсон.

В условиях сексуальной революции 1970-х сотрудницы Мастерса и Джонсон были в первых рядах нарождавшегося движения за освобождение женщин. Феминистки радовались их открытиям, объявляющим, что женщины не менее сексуальны, чем любой мужчина, и имеют право на равные свободы и равные права в культуре, где доминировали мужчины. Телевидение, газеты и журналы, отражавшие эти стремительные социальные перемены, приписывали Мастерсу и Джонсон честь привнесения сексуальной революции в повседневную жизнь американцев.

Когда Дорис вошла в сад со своим нареченным, все зааплодировали и подняли бокалы. Говард, ее будущий муж, вспоминал игривую атмосферу вечеринки, которая напоминала холостяцкий мальчишник. В особенности ему запомнилось, что на буфетном столе стоял чудесный букет цветов, а в его центре красовался пластиковый пенис, к которому прикрепляли камеру при исследовании женского оргазма.

«Искусственное коитальное оборудование», как называли его

исследователи, было самым шокирующим для посторонних предметом в обиходе клиники. Хотя консерваторы впадали в ужас при мысли о том, что такое устройство используется для изучения и «осквернения» человеческой близости, ведущие феминистки проповедовали нечто еще более пугающее – ненужность мужчин для сексуального удовлетворения. Научные открытия, опровергавшие фрейдистский миф о предпочтительности «зрелого» вагинального оргазма в результате соития с мужчиной перед многократными мастурбационными восторгами, подразумевали необязательность присутствия мужчин.

Феминистки особенно радовались анатомическим открытиям Мастерса и Джонсон, разоблачавшим изъяны в высказываниях Фрейда. «Новая библия» американского феминизма – журнал *Ms*. обзавелся офисным плакатом, на котором было написано: «Сейчас 10 часов вечера – ты знаешь, где находится твой клитор?». Цитаты из Мастерса и Джонсон вскоре проторили себе дорожку в политическую и социальную риторику феминизма. Влиятельный трактат Энн Кёдт «Миф о вагинальном оргазме», написанный в 1968 году, восхвалял Мастерса и Джонсон за эффективное переопределение значения женской сексуальности в современном обществе. В поисках новых сексуальных парадигм и социального устройства феминистские авторы – среди прочих Жермена Гриер, Кейт Миллетт, Ти-Грейс Аткинсон и Рита Мэй Браун – вторили открытиям Мастерса и Джонсон. Клитор, писали они, это единственный орган, предназначенный исключительно для удовольствия. Доказанная женская способность к множественным оргазмам, полагала психиатр Мэри-Джейн Шерфи, должна привести к переосмыслению культурных ограничений, установленных мужчинами.

Львы от гетеросексуальности ревом выразили свое неудовольствие. В 1971 году в романе «Пленница секса» Норман Мейлер полыхал негодованием по поводу «вездесущих женских мультиоргазмов с этим пластиковым членом, этим лабораторным *дилдом* [sic], этим вибратором!».

В конце XX века женское освободительное движение глубоко трансформировало американское общество, уступая только реформе гражданских прав 1960 года. Такие структуры, как Национальная женская организация (NOW), воплощали требования в жизнь. Равная оплата труда, строгие правила в отношении половой дискриминации и домогательств, широкий доступ к высшему образованию и продвижению по служебной лестнице – даже провалившаяся попытка провести поправку в федеральный закон о равных правах – все это было частью их

социальной программы. Противозачаточные таблетки изменили любовную жизнь бэби-бумеров, которые могли наслаждаться сексом, освободившись от тревог по поводу возможной беременности. Брак перестал быть необходимостью. Наука и секс стали неразделимой парой.

Для американской публики Мастерс и Джонсон были беспристрастными арбитрами в вечном диалоге между полами. Если Фрейд, Кинси и Эллис представляли сексуальность с преимущественно мужской точки зрения, то Мастерс и Джонсон были «самыми последовательными феминистическими мыслителями» из всех ведущих исследователей секса, – к такому выводу пришел историк культуры из Стэнфорда Пол Робинсон в середине 1970-х годов. По его словам, как супруги среднего возраста и писатели со Среднего Запада Мастерс и Джонсон представляли «открытый феминизм», если и не в личной жизни, то в своей риторике, а их терапевтический подход отражал «эгалитарный сексуальный идеал».

Поддержка феминистками Мастерса и Джонсон удивляла многих, но больше всех – самого Мастерса. Несмотря на недавние осложнения в личной жизни, он по-прежнему считал себя добропорядочным гражданином, а не рыцарем либертарианских излишеств. Его учебники, написанные преимущественно для медиков-профессионалов, фокусировались на состоящих в браке парах. Во всеамериканских дебатах по поводу абортов – даже после исторического решения Верховного суда в деле «Роу и Уэйд» 1973 года – он занимал подчеркнуто агностическую позицию, стараясь ни с кем не ссориться. Беременные женщины, нуждавшиеся в аборте, находили помощь у Джонсон, которая направляла их к врачам, готовым выполнить эту процедуру. Взгляд Мастерса на женщин по-прежнему оставался крайне традиционным. Он ожидал от женщин уступчивости – которую бо̀льшую часть его жизни проявляли мать и первая жена Либби.

Даже Джонсон вносила свой изобретательный вклад в их работу только в пределах разрешенных Мастерсом параметров. При запуске исследований секса он наверняка не нуждался в женщине-партнере с независимым мышлением феминистки, только что окончившей Барнард или Беркли. Но, соглашался он с этим ярлыком или нет, поиски медицинских решений превратили его в феминиста.

Широкая общественная реакция на их книги сделала Вирджинию Джонсон знаменитостью и любимицей СМИ. Она подписала выгодный контракт, став колумнисткой журнала

«Редбук», а в статьях для преимущественно мужской читательской аудитории «Плейбоя» предупреждала о силе женской сексуальной отзывчивости: «Женщина может испытать оргазм от ласки шеи, щекотания стопы, поглаживания ладони». Она все больше времени проводила дома, занимаясь своими статьями и сократив объем работы в клинике. Ее растущий доход обеспечивал такой экстравагантный образ жизни, какого она никогда не знала. Она переехала вместе с Мастерсом из своего бывшего дома на Салем-Эстейтс-Драйв в большой особняк на Саут-Уорсон-Роуд в Лейдью. Ее превозносили как идеальную американку, убедительную защитницу новой сексуальной свободы.

Как замечали Барбара Эренрайх и ее соавторы, Джонсон «была феминисткой на свой лад». Ее книги, написанные вместе с Мастерсом, стали феминистской классикой «в силу случайности». Они открыли ящик Пандоры, полный возможностей, для общества, готового услышать их весть.

Но когда феминистки приглашали Джонсон выступать на их митингах или предлагали заработать на пропаганде «женского вопроса», она неизменно отказывалась. Она даже отклонила приглашение на встречу с «первой леди» Бетти Форд[11] в поддержку поправки о равных правах. Ей не хотелось, чтобы на нее навешивали ярлыки. Женщинам необходимо действовать решительно, самим решать свою судьбу, проповедовала она теперь. Они ответственны за свою жизнь, как в спальне, так и вне ее. «Если у женщины нет оргазма, – утверждала она, – это, черт побери, ее собственная вина!».

Взлет Вирджинии Джонсон как всемирно признанного эксперта по человеческой сексуальности ошеломил тех, кто помнил ее офисной секретаршей. Она стала вторым директором их всемирно знаменитой клиники – переименованной в Институт Мастерса и Джонсон – формируя терапевтическую модальность, которая давала надежду тысячам, если не миллионам пациентов. Мужчины-терапевты, работавшие в партнерстве с ней, восхищались ее способностями.

Билл Мастерс все больше уступал Джонсон, по мере того как терапия становилась центром деятельности клиники, принося все больше прибыли. Как медицинский исследователь, всю свою жизнь заинтересованный в «строгой науке», Мастерс никогда не собирался становиться терапевтом «на полную ставку». В некотором смысле он сам загнал себя в этот угол. Раз за разом проваливались его попытки обеспечить институт правительственным и частным финансированием, чтобы продолжать анатомические и физиологические исследования

человеческой сексуальности. Его уход из медицинской школы закрыл путь к любым возможностям сделать деньги на его нынешней славе. Он отказался от своей акушерско-гинекологической практики и перестал быть хирургом экстра-класса. Он продолжал изучать данные исследований гомосексуальных пациентов, обещая опубликовать третью, решающую, книгу, но до нового крупного издательского чека было еще далеко.

Шестидесятилетний Мастерс теперь появлялся в клинике не как ее моторная движущая сила, но как почтенный патриарх. Коллеги ценили его за последовательность в сравнении с уклончивостью Джонсон или непредсказуемыми перепадами ее настроения. Примерно в это время Билл решил изменить в себе то, что многие пациенты находили отталкивающим. Он обратился к хирургу, чтобы исправить свое косоглазие – тот странный отстраненный взгляд, который был результатом перенесенной в детстве септицемии.

После операции впервые за свою взрослую жизнь Мастерс мог смотреть другому человеку в глаза и улыбаться прямо в камеру, а не поворачиваться в профиль. В его роли в клинике также произошла тонкая перемена. Он уступил ведущее место Джини, словно это было частью их брачного соглашения. Взгляды Джонсон стали преобладать.

Однако растущая занятость Джини – беседы с репортерами, работа над имиджем, домашний писательский труд плюс ее желание больше участвовать в жизни своих детей – заставляла ее по нескольку дней подряд не появляться в клинике. Ее расписание постоянно менялось. Она пропускала совещания сотрудников, где обсуждались личные дела пациентов. Тем больше переполоха вызывали ее внезапные появления. «Она была «серым кардиналом», – пояснял терапевт Макс Фиц-Джералд. – Было очевидно, что многие решения отданы ей на откуп, хоть мы ее практически не видели».

Женщины в клинике расходились во мнении относительно Вирджинии Джонсон. Более молодые восхищались ею и подражали ей, но опытные сотрудницы, в особенности обладательницы университетских дипломов, считали Джонсон высокомерной и грубой. Другим казалось, что Джини была одинока в своем новом браке и хотела бы завести подруг, но не знала, как это сделать. «Мне было дискомфортно с ней, потому что она не казалась искренней», – вспоминала Дагмар О'Коннор, терапевт из Нью-Йорка, проходившая практику в институте в течение двух месяцев. О'Коннор предпочитала общество Мастерса компании Джонсон.

Когда американское феминистское движение достигло расцвета, изменив роль многих женщин на рабочем месте, сотрудницам Мастерса и Джонсон стало казаться, что с ними обращаются как с людьми второго сорта. После долгого обсуждения эти женщины решили поговорить с Вирджинией Джонсон. Но поскольку она часто работала дома, им требовался эмиссар, который изложил бы их тревоги и заботы. На эту роль была избрана Роуз Боярски, которая была ближе к Джонсон по возрасту.

Встретив коллегу у порога, Вирджиния ласково приветствовала ее и предложила поплавать вместе в бассейне. Боярски завела разговор о проблеме неравенства женщин в клинике. Она объясняла, что другие ее коллеги чувствуют дискриминацию со стороны мужчин-терапевтов, и это затрудняет лечение пациентов. В конце концов, секс-терапия Мастерса и Джонсон была построена на коммуникации между полами.

Но этот разговор был ошибкой – Джини не проявила никакого сочувствия к положению женщин. Мало того, она рассердилась на Боярски и вскоре нашла предлог выжить ее из клиники. Как предполагала сама Роуз, Джонсон видела угрозу для себя в лице всех сотрудниц, у которых, в отличие от нее, было специальное образование.

Теа Лаури получила у Мастерса и Джонсон работу по предварительному опросу пациентов, а ее муж, Томас Лаури, вошел в штат как терапевт. Однажды Теа повздорила с Джини так, что они начали кричать друг на друга. Джини возмутил намек Лаури на то, что она, Джонсон, боится покушений на свой непререкаемый авторитет. Когда годичная стажировка Томаса Лаури завершилась, ему не предложили постоянную работу. Лаури был уверен, что ссора его жены с Джонсон отчасти была тому причиной. «Джини всегда была царицей улья, – говорил Томас. – Все остальные должны были слушаться ее и не перечить».

Глава двадцать девятая
Бизнес на сексе

За то, что Мастерс и Джонсон когда-то предлагали бесплатно, теперь назначалась немалая цена в 3000 долларов – примерно треть среднего семейного дохода в США в 1972 году. Тем не менее супружеские пары со всех концов страны слетались в их клинику. Они ждали по шесть месяцев в предварительных списках, в которых значилось до 400 фамилий. В Америке внезапно расцвел бизнес «сексологии» – именно так Мастерс предпочитал называть их нарождавшуюся профессиональную сферу. Богатые клиенты останавливались в «Чейз-Парк Плаза», самом роскошном отеле города, где и выполняли свои «домашние задания», назначенные в клинике.

Билл и Джини с трудом справлялись с наплывом желающих. Каждая парная команда терапевтов могла вести лишь ограниченное число пациентов. Способ управления секс-клиникой оставлял мало простора для финансового роста.

Мастерс и Джонсон считали себя обязанными преподавать свои методы, особенно ученым и профессионалам с медицинскими дипломами или докторскими степенями по психологии. Вскоре многие терапевты стали копировать их деятельность. В Корнельской медицинской школе в Манхэттене психиатр Хелен Зингер-Каплан предложила собственный гибрид методов Фрейда и Мастерса-Джонсон. В своей вышедшей в 1974 году книге «Новая секс-терапия» (*The New Sex Therapy*) Каплан отдавала дань уважения исследователям из Сент-Луиса, ставя их достижения выше трудов Альфреда Кинси.

Некоторые врачи утверждали, что получили соответствующую подготовку, хотя посетили всего пару семинаров. Другие объявляли себя секс-терапевтами, всего лишь прочитав книги Мастерса и Джонсон. К середине 1970-х пять тысяч программ во всех уголках США предлагали вариации на тему метода Мастерса и Джонсон, но лишь менее пятидесяти терапевтов действительно прошли обучение в Сент-Луисе. Добросовестный медицинский подход был низведен до коммерческой индустрии секс-терапии, которая практически не регулировалась.

Для противодействия этой тревожной тенденции Колодны предложил продавать франшизу клиники Мастерса и Джонсон по всей стране. Если бы им удалось расшириться до масштабов всеамериканской программы, убеждал он, они смогли бы сами

устанавливать стандарты и финансировать биологические исследования, которые хотел проводить Мастерс. Но Мастерс не желал и слышать об этом. «Мы – исследовательская группа, а не производственный конвейер», – настаивал он. Джонсон сознавала, что ни один из них не разбирался в бизнесе. Она соглашалась с мужем, что им следует держаться за собственную клинику, а не пытаться руководить другими.

Лечением богатого нью-йоркского девелопера недвижимости Артура Левина и его жены занимались терапевты Салли Шумахер и Ричард Спиц. При других обстоятельствах Билл и Джини сами разбирались бы со случаем Левиных, учитывая их статус благотворителей. Но к началу 1970-х их расписание и так было перегружено. Они не знали, что и Спиц, и Шумахер планировали уйти из клиники.

Шумахер, замужняя женщина и мать пятерых детей, жила в предместье Сент-Луиса вместе с мужем Элом Шумахером, учителем лютеранской школы. Она узнала о работе клиники во время одной из лекций Мастерса и пришла к нему работать в середине 1960-х. Как и другие сотрудники, она не получила никакого формального образования по сексологии. Мастерс и Джонсон опубликовали именную благодарность ей в обеих своих книгах – честь, которой не удостоился ни один другой сотрудник.

Состояние Артура Левина, в основном сделанное на строительстве торговых центров, позволило ему пожертвовать на клинику Мастерса и Джонсон 100 000 долларов. Но невозможность лечиться у Билла и Джини оставила у Левина ощущение, что его воспринимают «как всех». Когда Левины обнаружили, что Шумахер – выдающийся специалист, Артур предложил Еврейскому медицинскому центру Лонг-Айленда миллион долларов за открытие нового центра секс-терапии. Шумахер стала его директором.

Мастерс и Джонсон пришли в ярость, не сознавая противоречивости своей реакции. В конце концов, они взяли на себя обязательство обучать других, так почему бы их коллегам не распространять знания об изобретенной ими терапии? К неожиданному уходу Шумахер добавилась потеря финансирования от Артура Левина. Атмосфера замкнутости, окружавшая клинику Мастерса и Джонсон, еще сильнее сгустилась. Знаменитых или богатых клиентов теперь принимали только Билл и Джини. Терапевтам, которые хотели вести дела за пределами клиники, нужно было получить разрешение начальства.

Стремление Мастерса и Джонсон пропагандировать свои методы подрывали и их собственные сотрудники, которые

покидали клинику, и незнакомые люди, использовавшие их наработки исключительно с целью наживы. Если Билл и Джини надеялись создать верный кружок учеников, то этому не суждено было случиться. «У нас почти нет последователей, – признавал Мастерс в 1975 году. – Мы по-прежнему совершенно одиноки».

Вдобавок большинство их подражателей не имели никакой медицинской подготовки. Калифорнийский консультант по вопросам брака Уильям Хартман и его приятельница Мэрилин Фитиан «подкрепляли» методы Мастерса и Джонсон своими собственными – показом фильмов со сценами секса, применением гипноза и проведением «сексологических» обследований. Тед Макивенна, священник и самозваный сексолог «Национального секс-форума» в Сан-Франциско, начал с того, что стал показывать пациентам фильмы со скотоложством, мастурбацией и садизмом в один день и фильмы с «хорошим и правильным сексуальным поведением» – в другой. Еще более сомнительные методы разбирались в 1972 году на слушаниях в штате Нью-Йорк, сопровождаясь демонстрацией фальшивых дипломов, чудовищных счетов и сексуальных злоупотреблений. В эту смешанную среду неквалифицированных «экспертов» входили и преступники, и люди психически больные. Некоторые самозваные «терапевты» просто подделывали свои документы.

Худшие примеры граничили с изнасилованием. «Мы обнаружили распространенный шаблон «секс-терапии», в ходе которой мужчины-терапевты побуждали женщин-клиенток заниматься с ними сексом якобы ради их излечения», – обвинял Стивен Миндель, бывший тогда помощником генерального прокурора штата Нью-Йорк.

В моральном климате середины 1970-х уже не все осуждали сексуальные контакты между терапевтами и пациентами. Американская психиатрическая ассоциация опубликовала резкую отповедь таким нарушителям в своих рядах, но большинство секс-терапевтов не принадлежали к этой организации. В среде психологов стандарты были более размытыми. Американская психологическая ассоциация отказалась наложить запрет на подобные методы. Журнал «Ридерз Дайджест» предостерегал, что «многообещающую сферу медицинских исследований наводнили орды шарлатанов».

Поток подделок и мошенничеств, заливавший новорожденную сферу «сексологии» – и в основном приписывавшихся Мастерсу и Джонсон, – расстраивал Билла. Выступая перед Американской психиатрической ассоциацией, он предостерегал, что сексуально нездоровые пациенты особенно беззащитны перед манипуляциями. Билл призывал к

узаконенным искам об изнасиловании против терапевтов, которые вступали в сексуальные отношения с пациентом.

Разочарованный прохладной реакцией других профессиональных сообществ, Мастерс решил, что их фонд должен сделать первый шаг к созданию этической схемы секс-терапии и исследований. Во время конференции в Сент-Луисе в январе 1976 года 32 эксперта обсуждали вопрос о квалификации секс-терапевтов, включая и более строгое лицензирование, и дисциплинарные меры для тех, кто занимался сексом с пациентами. Однако не все были согласны с этическими стандартами. Большинство косо смотрели на использование секс-суррогатов. Мастерс уверял, что их клиника прекратила эту практику, поскольку многие женщины «брали на себя роль псевдотерапевта».

Его призыв к профессиональным стандартам внутри секс-терапии постепенно давал плоды. Все больше медицинских школ включали в программу тренинги по их исследованиям, а существующие организации, например Американская ассоциация секс-просветителей, консультантов и терапевтов, расширяли свою деятельность. Одна из новых профессиональных организаций в этой сфере – Общество секс-терапии и исследований секса – родилась в тот же год, когда Мастерс и Джонсон провели конференцию по этике. Первый президент группы Дон Слоун прошел стажировку в клинике Мастерса и Джонсон, как и ее второй президент, избранный в следующем году – Салли Шумахер. В 1985 году учрежденная этой организацией награда «За жизненные достижения» будет вручена Мастерсу и Джонсон, творцам современной секс-терапии. Впредь ежегодная награда общества называлась их именами.

Глава тридцатая
Узы удовольствия

«В крайне противоречивых вопросах – а таковы любые вопросы, имеющие отношению к полу – нечего и надеяться изречь истину. Можно лишь изложить свое личное мнение».

Вирджиния Вулф, «Своя комната»

Тем временем Мастерс и Джонсон стали знаменитым аттракционом, разъезжавшим по нескольку недель в год по всей стране. Они выступали на научных форумах, медицинских семинарах, конференциях медсестер, психологических симпозиумах и в университетах, готовых платить им немалый гонорар. Они собирали аншлаги в Тафтсе, Нотр-Даме[12] и на гигантской крытой арене в Сиракузах, где проводятся баскетбольные матчи, читая лекции студентам, которые слушали их, затаив дыхание. Хоть их и рекламировали как пару, которая вдохновляла американскую «сексуальную революцию», Мастерс и Джонсон теперь олицетворяли собой нечто большее – состоящих в счастливом браке супругов, живое воплощение секса и любви. Они казались такими гармоничными, что слушатели могли многому научиться, просто наблюдая, как они реагируют друг на друга.

Как-то раз после лекции к Джонсон подошла одна из участниц и призналась, что она не вслушивалась в смысл их слов – настолько интересно было происходившее между ними взаимодействие.

– Какие условные знаки вы используете? – спросила эта женщина.

Джини рассмеялась:

– Это все абсолютно спонтанно!

Образ идеальных супругов стал очень важным для предприятия Мастерса и Джонсон. Теперь они были, скорее, консультантами, чем учеными. Интуиция подсказывала им, что Америка жаждет эмоциональной привязанности, которая выходила бы за рамки чисто физических импульсов. Их старания избавить американцев от сексуального невежества оказались связаны с расцветом поп-культурных порнографических фильмов,

таких как «Глубокая глотка», прославленных секс-клубов, например «Приюта Платона» на Манхэттене, и «софткорного» кабельного ТВ. Теперь они говорили о теплом и комфортном взаимодействии между сексом и любовью.

Много лет они избегали слова «любовь» «Оно имеет слишком много разных смыслов для разных людей», – заявлял Мастерс. Если эмоцию нельзя было определить и эмпирически наблюдать, она его не интересовала. «Западная цивилизация свела всю сексуальную терминологию к «занятиям любовью», – замечал он. – Но секс также может быть актом ненависти, утешения, радости или печали». Консервативный писатель Мидж Дектер назвал их «деловыми секс-инженерами». Психиатр Натали Шейнесс окрестила Мастерса и Джонсон «жрецом и жрицей», которые лишили «половой акт настроений, чувств и эмоций желания и любви».

Мастерс небрежно отмахивался от этой критики, но Джонсон она беспокоила. На сеансах терапии она старалась включать секс в контекст человеческой любви. Эта тенденция все отчетливее выражалась в колонках «Редбука», которые она писала от лица их обоих, и в ее интервью прессе. В 1975 году мозаика любви и секса, наконец, сложилась в новую книгу «Узы удовольствия» – популяризацию их советов с подзаголовком «Новый взгляд на сексуальность и обязательства». Редактор «Редбука» Роберт Левин свел этот текст воедино, сделав акцент на добрачном сексе, внебрачных связях, разводе, воспитании детей, освобождении женщин и таком феномене, как «свингерские» пары, которые небрежно менялись партнерами на «вечеринках с ключами».

Мастерс пытался сохранять свою ученую объективность и неохотно втягивался в социологические дебаты. «Я собираюсь уклониться от этого – по очень веским причинам, – заявил он одной свингерской паре, которая пожелала узнать, нормален ли их образ действий. – У нас есть своя философия: не судить других. И если мы не знаем ответ наверняка или недостаточно уверены в нем, мы его не даем». Исследователь медицины, ученый до мозга костей Мастерс предпочитал делиться наблюдениями – например, замечанием о том, что в первый час сна после соития женщины, испытавшие оргазм, склонны ближе придвигаться к партнеру в постели, в то время как мужчины вообще не двигались.

Но бо̀льшая часть книги подчеркивала важность верности, эмоциональной привязанности и супружеских обязательств как ключа к взаимному наслаждению. Ее идея в корне отличалась от эгоцентричных публикаций вроде «Радости секса» Алекса Комфорта и других самоучителей 1970-х – эпохи, которой Том

Вулф дал меткое прозвище «десятилетие «Я». У самых счастливых пар, как выяснили Мастерс и Джонсон, «любовь приводит к сексу, который ведет к еще большей любви, которая, в свою очередь, ведет к еще лучшему сексу – и так далее». Эта книга была, скорее, детищем Вирджинии Джонсон, чем Мастерса.

Теперь, когда сексуальная революция мчалась во весь опор, они, напротив, слегка нажали на тормоза. В одной главе под названием «Что значит сексуальная верность в браке» они хвалили религиозных лидеров за то, что те отбрасывали нравственные догмы, порицавшие человеческую сексуальность. Однако Мастерс и Джонсон предостерегали, что эта свобода может зайти слишком далеко. Книга «Узы удовольствия», изначально озаглавленная «Зеркало секса», просила читателей вглядеться в себя как в отражение народа, все еще переживающего великие социальные перемены. Они повторяли утешительные предписания о любви и сексе перед каждой аудиторией, в каждом газетном интервью, в каждой телепрограмме. Теперь Мастерс и Джонсон предстали перед Америкой в новом качестве, чтобы поделиться уроком, вынесенным из собственной совместной жизни.

Билл и Джини отдыхали в обществе семейства Шепли. Эти совместные вечера были для них теми редкими моментами, когда их статус знаменитостей не имел значения. Они часто приезжали в гости к Пегги и Этану в Кингсбери или супруги Шепли навещали Мастерсов в их доме на Уорсон-Роуд в Лейдью.

Пегги Шепли впервые наблюдала Мастерса и Джонсон как супругов. Однако вели они себя неловко, и поза Билла, сидевшего рядом с Джини, была скованной. Джини Джонсон, несмотря на все свое очарование, казалась человеком одиноким, нуждавшимся в настоящем друге. В то время как мужчины все еще находили Джини привлекательной в ее сорок с лишним лет, женщины продолжали видеть в ней угрозу. В узких светских кругах Сент-Луиса примерные жены слышали о разводе Билла, а то и водили знакомство с самой Либби Мастерс – и были полны решимости не подпускать Джини близко.

Признание, которого она удостоилась за свою работу с Мастерсом, позволило ей чувствовать себя звездой, но ее преследовало ощущение собственной недостойности. Спустя почти два десятка лет Джонсон так и не добилась того, ради чего отправилась в Вашингтонский университет, – диплома о высшем образовании. Мастерс отмахивался от тех, кто указывал на отсутствие диплома у его партнерши, и указывал в ответ на ее достижения. «Научное образование не так уж много значит для этой работы, – настаивал он. – Нет такой дисциплины, которая

была бы уникально необходима для нашей программы».

Чем дольше длился их брак, тем больше Джини злилась на Билла за то, что он не понимал, как важен для нее диплом. Мастерс выдвигал свои возражения отеческим тоном, облекая мысли в тщательно подобранные слова, чтобы не спровоцировать ссору. Он обещал ей все, чего она захочет – перестройку их дома, переезд в другой дом, более просторный кабинет в клинике, – при условии, что все останется, как было. Звучащий в работах Мастерса и Джонсон призыв к большей вовлеченности в отношения – ощущение, что секса недостаточно, если нет истинной любви, – несомненно, носил отпечаток ее мыслей. Журналисты отмечали любопытную особенность: ни один их них не смог припомнить, когда они захотели вступить в брак.

Неумение Билла свободно общаться и расслабляться стала еще более серьезной проблемой для Джини, после того как они поженились. Ее расстраивало, что у них мало друзей, а он был вполне этим доволен. Этан Шепли чувствовал себя польщенным званием «лучшего друга» Билла, хотя у мужчин было мало общего помимо работы фонда, вспоминала Пегги Шепли.

Супружеская жизнь Мастерса и Джонсон напоминала этюд в контрастных тонах. Если она получала удовольствие от музыки и изящных искусств, то он предпочитал смотреть по телевизору профессиональный футбол. На стене их гостиной висело большое абстракционистское полотно, изображавшее матч, где игроки в шлемах сталкивались друг с другом. Это была любимая картина Мастерса.

Футбол с его первобытными импульсами взывал к мужским инстинктам Билла. Неугасимая преданность Билла этой игре подогревала его интерес к Уилкинсонам – одной из немногих супружеских пар в Сент-Луисе, с которыми Билл и Джини поддерживали отношения. Долгие годы Уилкинсон был знаменитостью, тренером футбольной команды Оклахомского университета, и его имя красовалось в тамошнем «Зале славы». Красивый мужчина, сам бывший квотербек, Уилкинсон в 1965 году пришел в телекомпанию ABC в качестве комментатора университетских игр по выходным дням. В 1978 году он триумфально вернулся к работе тренера, возглавив «Сент-Луисских Кардиналов» – любимую местную профессиональную футбольную команду Мастерса. Уилкинсон развелся с первой женой Мэри, с которой прожил 37 лет, и вскоре после этого снова женился.

Так же как и других своих знакомых, Билл и Джини со временем ввели Донну Уилкинсон в совет директоров своего фонда. Уилкинсоны осели в Сент-Луисе, хотя тренерская работа

Бада с «Кардиналами» продлилась недолго. Джини сохранила дружескую привязанность к Донне и была довольна их общением вместе с мужьями. На рождественских посиделках Джини пела для них – как на местной армейской базе во время Второй мировой.

Уилкинсоны наслаждались обществом Джини, а вот к Мастерсу питали более сложные чувства. На их совместных сборищах Мастерс хотел говорить только о футболе и бесконечно донимал Уилкинсона вопросами о прошлых и будущих матчах. Однажды Донна болтала по телефону с Джини, и тут Билл бесцеремонно снял трубку другого аппарата и попросил к телефону ее мужа, чтобы поговорить о футболе.

Мастерс держал в доме двух доберман-пинчеров – крупных животных, которые были главным объектом его привязанности. В своей неопубликованной автобиографии он больше внимания уделяет описанию своих отношений с доберманами, чем с любой из жен или двоих детей. Однажды вечером, когда Билла и Джини не было дома, дочь Вирджинии Лиза смотрела телевизор со своим новым бойфрендом. Собаки внезапно напали на него. «Один из доберманов изодрал парню лицо, – вспоминал Роберт Колодны, который жил неподалеку и быстро подоспел на помощь. – Мне пришлось срочно звонить знакомому хирургу-пластику. Ситуация была по-настоящему жуткая. Билл ужасно не любил об этом вспоминать».

Семейные заботы занимали мало места в жизни Мастерса. Один или два летних сезона его дочь Сали работала у него в акушерско-гинекологическом кабинете, помогая разбираться с документами, но после колледжа у нее началась своя жизнь. Окончив Гамильтон-колледж, сын Мастерса Хауи остался на Восточном побережье и поддерживал отношения с отцом по телефону. Во время нечастых приездов домой Хауи иногда заглядывал к отцу. Он замечал мелкие перемены во внешности Билла – Джонсон старалась обновить его гардероб, но попытки сгладить шероховатости его личности оказывались куда менее успешными. Если Джини надеялась, что Билл будет воспитывать ее детей, то вскоре осознала свою ошибку. «Не думаю, чтобы кто-нибудь из них любил моего отца, – замечал Хауи. – Слава Богу, что моя сестра и я сам уже были достаточно взрослыми. Нам не пришлось жить такой жизнью».

К концу 1970-х годов повседневное общение между мужем и женой – тот эмоциональный контакт, который, по словам Мастерса и Джонсон, был так важен для «уз удовольствия» в браке, – практически исчезло из их жизни. Их общая тайна – то, что они не любили друг друга, – теперь стала очевидна для

коллег и знакомых. Истинное счастье Билла и Джини, казалось, существовало только на сцене, когда они подхватывали друг за другом фразы и говорили слушателям ободряющие слова.

Глава тридцать первая
Проводник к звездам

Барбара Иден была энергичной, жизнерадостной блондинкой – звездой сериала «Я мечтаю о Джинни». В этой комедии 1960-х она играла девушку-джинна, которая появлялась из бутылки и отвечала «Да, хозяин», когда ее вызывал астронавт *NASA* – актер Ларри Хэгман. Зрители ее любили, и этот сериал стал настоящим хитом.

Продюсеры Иден хотели снимать ее с обнаженным пупком и крохотной полоской кожи поверх гаремных шальвар. Но разгневанные телецензоры *NBC* выпустили циркуляр под девизом «никаких животов». Америка не готова к столь шокирующему зрелищу, решили они. Это вызвало широкое возмущение. Еще недавно в телекомедиях о супружеской жизни, таких как «Я люблю Люси», запрещалось слово «беременная». В сериале «Моя жена меня приворожила» была впервые показана супружеская постель вместо односпальных кроватей, в которых спали Роб и Лора Петри в другом сериале «Шоу Дика ван Дайка».

Сексуальная привлекательность играла большую роль в голливудской карьере Иден. В 1961 году в научно-фантастическом кинофильме «Путешествие на дно моря» Иден изображала фигуристую секретаршу и работала со своим мужем Майклом Ансарой. В телесериале своей жены Ансара играл Голубого Джинна, могущественное существо с низким громовым голосом, который посадил Джинни в бутылку, когда она отказала ему во взаимности.

К началу 1970-х показ «Я мечтаю о Джинни» на телевидении был закончен, и Иден переключилась на театральные выступления. Вместе с Ансарой она приехала в Сент-Луис, чтобы играть в пьесе под названием «Непотопляемая Молли Браун». Каждый вечер на городской Муниципальной опере сияла афиша, возвещавшая ее участие. А днем Иден и ее муж тайно приезжали в клинику секс-терапии Мастерса и Джонсон. «Ее жизнь напоминала американские горки, – вспоминала Джонсон, не вдаваясь в подробности. – Они обратились к нам из-за того, что у них не получалось. Но ни у кого из них не было никакой неадекватности».

Джини обожала водить компанию с антрепренерами, политиками и известными бизнесменами, которые приходили к ним за помощью. Ей особенно нравилась Иден, и она наслаждалась ее актерской игрой в музыкальной комедии –

выдуманной истории о девушке из маленького миссурийского городка, которая вышла замуж за богача и пережила катастрофу «Титаника». В клинике Джини рассказывала Иден о своем музыкальном опыте – о том, как она пела в Форт-Леонард-Вуде и выступала с джазовым коллективом бывшего мужа.

Брак этой голливудской пары длился уже более десяти лет, и у них был сын Мэтью, родившийся в 1965 году. Иден очень хотела восстановить расшатавшиеся отношения с мужем, но Джонсон не видела такой же готовности с его стороны. Через два года после окончания лечения Иден развелась с Ансарой, начала встречаться с менеджером одной чикагской газеты, вышла за него замуж и впоследствии тоже развелась. Только ее третий брак в 1991 году оказался удачным.

Мастерс и Джонсон принимали дополнительные меры предосторожности, чтобы защитить обращавшихся к ним знаменитостей. Джонсон маскировала их личности с помощью фальшивых имен или организовывала особые сеансы. Джини на себе испытала навязчивость любопытных репортеров, которые нередко жили за счет таблоидов, плативших за репортажи о сексуальной жизни богатых и знаменитых. Время от времени сотрудники клиники замечали фотографов, засевших на другой стороне улицы с телескопическими линзами в ожидании, когда появится какая-нибудь звездная пара. Иногда таблоиды придумывали фальшивые истории. «Бедного [Арнольда] Шварценеггера и Марию [Шрайвер] обвинили на первой странице «Глоб» или еще какой-то газеты в том, что они ездили «к Мастерсу и Джонсон», а они никогда у нас не были, – вспоминала Джонсон. – Мы с самого начала усвоили, что не надо ничего опротестовывать, потому что протест лишь придает сил сплетне».

Защита тайны частной жизни стала главной заботой в Институте Мастерса и Джонсон. «Мы подписывали всевозможные бумаги [о конфиденциальности], в которых обязались никогда не раскрывать никаких секретов», – вспоминал терапевт Томас Лаури. Джини следила, чтобы пациенты не видели друг друга. Используя уловки под стать методам ЦРУ, Мастерс и Джонсон иногда советовали пациентам изобретать ложные предлоги для своих визитов. Многие использовали легенду о лечении от бесплодия.

Однако сам Мастерс не всегда следовал собственным инструкциям. Порой он обсуждал своих пациентов с другими терапевтами, в том числе и с временными сотрудниками.

Некоторые знаменитые пациенты никогда не переступали порог клиники, потому что Мастерс и Джонсон лечили их на дому. На этих приемах не велась рутинная аудиозапись, а записи

хранились в сейфе. Хозяева установили сигнализацию против взломщиков – и это помимо того, что охрану постоянно несли два доберман-пинчера.

Дом в Лейдью на Саут-Уорсон-Роуд был укрыт садовыми растениями, не дававшими разглядеть его с улицы. Переступив порог, гости попадали в вестибюль и могли пройти по одному из двух пандусов: один вел в просторную столовую и кухню, а другой – к нескольким спальням, включая и хозяйскую с двумя составленными вместе огромными кроватями. В задней части дома находились просторная терраса, собственный бассейн и конюшня с прилегающим к ней пространством, где дочь Джонсон, Лиза, могла ездить верхом.

Однако сохранить тайну частной жизни в случае одного сенатора из Нью-Йорка и его красивой молодой жены оказалось довольно трудно…

Раскинувшись в шезлонге у бассейна, 73-летний Джейкоб Джавиц рассказывал Роберту Колодны о людях, которых знавал, обо всем, что повидал. Молодой терапевт сразу же признал в Джавице сенатора от штата Нью-Йорк, одного из самых влиятельных людей в Конгрессе. Так же как Мастерс и Джонсон, Джавиц однажды оказался на обложке «Тайм», поскольку в 1960-х годах ему прочили славу первого еврея – президента США.

Родившийся в семье иммигрантов на Нижнем Ист-Сайде Манхэттена Джавиц воплощал американскую мечту – неутомимым трудом и решимостью проложил свой нелегкий путь через вечерние курсы Колумбийского университета, затем получил диплом юриста в Нью-Йоркском университете и выслужил чин подполковника армии США в годы Второй мировой войны. По возвращении с фронта он был избран от либеральных республиканцев в палату представителей в традиционно демократическом округе, а впоследствии с легкостью обошел Франклина Рузвельта-младшего в гонке за пост генерального прокурора штата. Затем он выиграл выборы в сенат США, со временем став официальным представителем республиканской партии в сенатском Комитете внешних сношений. Будучи либералом-республиканцем Билл Мастерс во многом разделял взгляды сенатора Джавица. Они получали удовольствие от общества друг друга – настолько, насколько это возможно между врачом и его пациентом.

В тот день у бассейна обычно дипломатичный Джавиц щедро потчевал своих слушателей столичными историями «с душком». Он был уверен, что ничто из сказанного между ними не будет повторено нигде. Очередной вашингтонский секс-скандал разразился вокруг члена палаты представителей от Арканзаса

Уилбура Миллса, который потерпел неудачу на президентских выборах 1972 года.

В 1974 году Миллс был пойман пьяным в обществе аргентинской стриптизерши. История стала добычей таблоидов, заставив Миллса отказаться от поста председателя бюджетного комитета палаты представителей. Одержимая новыми сексуальными свободами Америка все же сохранила свою пуританскую закваску и косо смотрела на распутство. Секс становился оружием в политических войнах – как предстояло узнать и другим претендентам, стремившимся в Белый дом.

Колодны ни разу не видел Мэрион Джавиц, его жену, но узнал, что супруги Джавиц несколько лет консультировались у Мастерса и Джонсон. «Было ясно, что Джек приезжал, чтобы освежить какой-то прежний разговор, – вспоминал он. – Мэрион вела свою жизнь, что в значительной степени и составляло их проблему».

Жизнерадостная женщина на двадцать лет моложе мужа Мэрион Джавиц вышла замуж в 1947 году и вскоре родила троих детей. В отличие от послушных жен других политиков, она настояла на том, что будет пробиваться сама. Она немного занималась живописью, балетом, авиаспортом и даже актерским мастерством (сыграла небольшую роль в фильме 1960 года «Кто была та леди?»). Когда ее муж был избран в Конгресс, Мэрион отказалась ехать в Вашингтон – «промышленный поселок», слишком скучный на ее вкус. Джек приезжал домой на выходные.

Выходившая дважды в неделю колонка Мэрион в «Нью-Йорк Пост» открывала ей доступ на все вечеринки и развлечения Манхэттена. Своим знакомым она, пользуясь популярным выражением 1970-х, объясняла, что у нее «открытый брак». Сенатор Джавиц защищал свою жену, даже когда ее в 1976 году резко критиковали за то, что она стала зарегистрированным иностранным агентом Ирана. «Мы с женой, каждый в своей профессиональной деятельности, ведем не зависимую друг от друга жизнь», – говорил он.

В клубе *Studio 54*, эпицентре «ночной жизни» Нью-Йорка 1970-х годов, в число спутников Мэрион входили Капоте, Энди Уорхол и Мик Джаггер, но особенный интерес она проявляла к телевизионному деятелю Джеральдо Ривере. В излишне откровенных мемуарах «Саморазоблачение» Ривера описывал свою долгую интрижку с женой сенатора. Хотя Ривера был почти на двадцать лет моложе, он писал о «гигантском сексуальном влечении» между ним и 48-летней Мэрион – женщиной с «темными волосами, яркими глазами и полными цыганскими губами». По словам Риверы, «у нее были и другие обожатели до

меня, и это устраивало сенатора при условии, что не будет никаких сцен и скандалов». Во время одного званого ужина в двухэтажном доме Мэрион они ускользнули, чтобы заняться сексом в ванной, бросив гостей, в числе которых был госсекретарь Генри Киссинджер и его сопровождающие из секретной службы.

Как истинный Казанова прайм-тайма, Ривера ухитрялся время от времени устраивать рандеву с Мэрион между шести- и одиннадцатичасовыми новостями. На вечеринке в апартаментах ее мужа в Уотергейте (Вашингтон, округ Колумбия) Мэрион принимала таких VIP-персон из высшего эшелона, как Фрэнк Синатра, но и тут они с Риверой умудрились сбежать, «как два подростка». Ривера утверждал, что «безусловно, любил ее», пока в 1985 году их отношения не закончились.

В Сент-Луисе чета Джавиц несколько лет пыталась спасти физическую близость в своем браке. Впервые они обратились к Мастерсу и Джонсон в конце 1960-х годов и поддерживали контакт бо̀льшую часть следующего десятилетия, часто разговаривая по телефону.

Мастерс и сенатор часто беседовали вдвоем, а Джонсон сочувственно выслушивала Мэрион и завязала с ней дружеские отношения. Они обсуждали причины их открытого брака и ее сексуальные потребности. Несмотря на трудности семьи Джавиц, Джини знала, что сенатор обожал жену, а Мэрион считала мужа великим человеком – хотя они не жили вместе.

Во время поездки 1975 года с женой сенатора в Мехико, на спонсированный ООН съезд в честь Международного года женщин, Джини увидела жену сенатора в действии. Джонсон давала интервью одному местному репортеру, и Мэрион его почти сорвала, соблазняя этого молодого человека.

В последний раз Джонсон встретила чету Джавицев на обеде в честь сестры владельца компании «Фиат», магната Джанни Агнелли. К тому времени некогда импозантный Джейкоб Джавиц переместился в инвалидное кресло, страдая от последствий амиотропического латерального склероза (также известного под названием болезни Лу Герига), который помешал его переизбранию в Сенат в 1980 году. Сидя за банкетным столом, Джонсон поражалась той нежности, с которой относилась к мужу-инвалиду Мэрион.

Джонсон наслаждалась вашингтонскими сплетнями, рассказами о нью-йоркских завсегдатаях модных курортов и известных политиках, попадавших в орбиту четы Джавиц. Для нее общение с прославленными людьми имело большое значение, поскольку она была девушкой из маленького городка, рожденной на ферме в Миссури, замечала Пегги Шепли. Вполне возможно,

Мастерс и Джонсон получали удовольствие от того, что знались с клиентами-знаменитостями, но проблемы этих клиентов зачастую оказывались самыми безнадежными.

Губернатор Джордж Уоллес отчаянно рвался в Белый дом. В 1963 году он стал олицетворением Старого Юга, когда попытался предотвратить десегрегацию в Алабамском университете. «Я говорю – сегрегация сейчас, сегрегация завтра, сегрегация навсегда!» – обещал Уоллес. Он стоял перед университетом под прицелом камер, не давая двум чернокожим студентам войти в «белое» учебное заведение, пока не вмешались федеральные маршалы. Этот публичный скандал позволил бывшему боксеру баллотироваться кандидатом в президенты от демократов в 1964 году, апеллируя к расовым предрассудкам американцев.

Когда закон штата Алабама не дал ему избраться на еще один губернаторский срок, он убедил свою жену Ларлин наследовать его пост, но она в 1968 году умерла от рака. В том же году Уоллес принял участие в президентской гонке как кандидат от независимой партии «Закон и порядок», победив в пяти штатах и получив 14 процентов от общего числа голосов. В 1970 году он готовился к следующей президентской гонке – и вдруг влюбился в Корнелию Эллис Снивели, племянницу бывшего губернатора Алабамы Джеймса «Большого Джима» Фолсома. Хотя помощники советовали ему держать этот роман в секрете, он женился на своей возлюбленной Корнелии. В то время Уоллес, согласно опросу Гэллапа, вошел в список самых популярных людей в Америке, оказавшись на седьмом месте и обогнав на одну позицию Папу Римского. «Между нами было сильное физическое влечение, очень страстная любовь», – рассказывала впоследствии Корнелия.

В мае 1972 года пистолетный выстрел пресек президентские амбиции Уоллеса. Когда Уоллес проводил свою кампанию на первичных выборах в Мэриленде, несостоявшийся убийца Артур Бремер всадил в него пять пуль 38 калибра. Одна из них разорвала спинной мозг Уоллеса, парализовав его. Некоторые считали, что он может продолжать участие в президентской гонке – как это сделал в свое время Франклин Рузвельт, пережив приступ полиомиелита. Уоллес выиграл внутрипартийные выборы в Мэриленде и Мичигане, но так и не смог полностью оправиться. Его политические мечты и личная жизнь разбились вдребезги.

Уоллес обратился к Мастерсу и Джонсон с вопросом, сможет ли он когда-нибудь заниматься сексом. «Корнелия изо всех сил старалась сделать для него хоть что-нибудь, – вспоминала Джонсон. – С ним было чертовски трудно, потому что он плохо

владел собой». Печальный случай Джорджа Уоллеса был как раз из тех, которые Билл Мастерс хотел изучать для решения своей следующей научной задачи – исследования нейрофизиологии человеческой сексуальной реакции. Он полагал, что такое медицинское исследование было бы достойным продолжением их ранее опубликованных работ. Понимание роли мозга в сексе – согласной работы нервных окончаний и синапсов для достижения физического удовлетворения и стоящего за ней психического функционирования – представлялось ему естественным следующим шагом.

«Уоллес прислал за нами правительственный самолет, и мы отправились в Алабаму, – вспоминала Джонсон. – Мы летали туда дважды, а потом еще однажды приезжала сама Корнелия». Но повреждения спинного мозга Уоллеса не оставляли врачам шанса – губернатор стал импотентом. Даже терапевтический талант Джонсон не спас губернатора и его «первую леди», хотя Корнелия была готова сделать для него все.

Несмотря на свое мужество в поиске медицинской помощи, Уоллесы все больше разочаровывались друг в друге. «Он начал подозревать, что она заводит интрижки с полицейскими, – вспоминал алабамский журналист Уэйн Гринхо. – Она в ответ обвиняла его в том, что он постоянно разговаривает по телефону со своей бывшей подружкой». В 1978 году Уоллесы подали на развод. Корнелия уехала из особняка губернатора и заявила прессе, что она сделала все, что могла, чтобы спасти свой брак.

Мастерс и Джонсон снова напомнили сотрудникам в Сент-Луисе о необходимости хранить молчание. Обычно записи и документы, касающиеся любых знаменитых супругов, передавались Колодны для составления статистического отчета, но в этом случае было сделано исключение. История Уоллесов не попала в статистику.

Глава тридцать вторая
Конверсия и реверсия

Ведущий программы «Встреча с прессой» Билл Монро мрачно глядел в камеру, представляя телезрителям доктора Уильяма Мастерса и Вирджинию Джонсон. Их долгожданная книга «Гомосексуальность в перспективе» была главной темой воскресной программы 22 апреля 1979 года – первой в истории NBC телепередачи, сопровожденной предупредительным знаком. «Мы собираемся коснуться темы, которую наша аудитория может счесть предосудительной», – проговорил Монро.

Фрагмент расшифровки передачи дает понять, что Мастерс и Джонсон испытывали некоторый дискомфорт.

МОНРО: Вы считаете ключевым открытием, что можно возвращать на путь истинный желающих перейти от гомосексуальности к гетеросексуальности? В вашей работе с такими людьми уровень неудач составлял всего одну треть, то есть меньше, чем у любых исследователей в прошлом?

МАСТЕРС: Это верно; но в подходе к тем людям, которых мы принимали на лечение, существует высокая степень селективности.

После перерыва на рекламу ведущий медицинской рубрики газеты «Вашингтон пост» Виктор Кон спросил Джонсон, действительно ли ей кажется, «что в большинстве случаев гомосексуальность является усвоенным поведением, а не обусловлена химией или генетикой. Следует ли родителям беспокоиться, интересовался Кон, что «их дети попадут под влияние какого-нибудь учителя-гомосексуала»?

Джини дала несколько бессвязный ответ, к которому она прибегала всякий раз, когда была в чем-то не уверена.

– …На сегодняшний день мы не можем сделать иного вывода… Но я не думаю, что это должно вызывать опасения. Если этому можно научить, тогда можно также научить и другим полезным вещам, которые родители хотели бы передать своим детям – что знать, кем быть и что делать.

Когда Кон попросил Джини прояснить это туманное утверждение, вмешался Билл. Его ответ был уверенным и бескомпромиссным, а голос – ясным и четким:

– Мы генетически не детерминированы быть гомосексуальными или гетеросексуальными. Мы рождены мужчинами и женщинами – и сексуальными существами. Мы усваиваем свои сексуальные предпочтения и свои ориентации,

будь они гомосексуальные, гетеросексуальные, бисексуальные, и не так уж редко их меняем.

Ближе к концу «Встречи с прессой» Кон потребовал более подробного рассказа о «конверсионной терапии» Мастерса и Джонсон. Он обращался к Джонсон, поскольку терапия обычно была ее сферой.

– Экс-гомосексуалы – те, кому вы помогли обратиться в гетеросексуальность или вернуться к ней… Производят ли они впечатление людей счастливых, довольных жизнью? Вступил ли кто-то из них в брак? Есть ли у них дети?

– Во многих случаях – да, – кивнула Джонсон. – Доля неудач среди этой конкретной группы составляла в общем около 12 процентов.

Билл резко вмешался, торопясь внести коррективы.

– На самом деле, 35 процентов – это неудачи в конверсии или реверсии, – бросил он.

Джонсон вспыхнула:

– Прошу прощения; это были другие… – попыталась она загладить неловкую ситуацию.

Мастерс вновь нетерпеливо перебил ее:

– Для начала, примерно две трети из них уже состояли в браке, когда обратились за помощью, – объяснил он. – Некоторые из них вступили в брак после начала лечения. У них родились дети. Те, кто не попал в список неудач, через пять лет после лечения отвечали на вопросы контрольного опросника и сообщили, что они живут комфортной, активной гетеросексуальной жизнью.

Сознавая, что репортер может потребовать дополнительных доказательств, Мастерс добавил:

– Нам приходится полагаться на их собственные заявления.

Телевидение едва ли было способно судить о «Гомосексуальности в перспективе» – эпохальном исследовании более 300 гомосексуальных мужчин и женщин в течение 14 лет. Мастерс называл эту книгу «третьей ножкой табурета» – кульминацией их трилогии. Первые два учебника сосредоточивались преимущественно на гетеросексуальном соитии и лишь мельком упоминали о таком явлении, как гомосексуальность.

Когда Мастерс и Джонсон начинали свою работу в середине 1960-х годов, термин «гей» еще не вошел в повседневный лексикон, оставаясь, скорее, кодовым словом в подпольных барах и определенных социальных кругах. Мастерсу и Джонсон трудно было добиться сотрудничества гомосексуалов в Сент-Луисе. Но когда сведения об исследовании просочились в прессу, некоторые

из них сами предложили себя в качестве волонтеров.

В «Гомосексуальности в перспективе» Мастерс и Джонсон изложили свои открытия в социальном контексте. Предисловие Тристрама Энгельгардта-младшего, специалиста по этике биологических исследований из Джорджтаунского университета, охарактеризовало их открытия как «физическую систему, в которой одна душа прикасается к другой с удовольствием и любовью». Энгельгардт подчеркивал двуличность западной культуры и задавался вопросом, почему древние греки могли «описывать гомосексуальность как парадигму любви и эротики, [в то время как] английское право характеризует ее как грех, который не должно даже называть вслух».

Христианство не отличалось терпимостью ко всему, что выходило за рамки воспроизведения рода и норм брака. Св. Августин предостерегал, «что из всех этих – а именно грехов, принадлежащих к похоти, – наихудший тот, что идет против природы». Религии и общества на всем земном шаре запрещали содомию, женоподобное поведение и другие «неестественные» акты, приговаривая виновных к физическим наказаниям, отсечению членов тела и даже смертной казни. Тем не менее в почетном списке цивилизации числились люди, которых считали гомосексуалистами – Сократ, Юлий Цезарь, Александр Македонский, Микеланджело, Леонардо да Винчи и король Англии Иаков I.

К XX веку теоретики принялись спорить, что определяет сексуальную ориентацию – генетика, семейная среда, гормоны или порядок рождения детей в семье (или некая комбинация этих факторов). Теория Зигмунда Фрейда об «инверсии» предполагала, что все люди рождаются бисексуальными, а биологические факторы и среда развития ребенка определяют его взрослые убеждения. Психиатр Рихард фон Крафт-Эбинг считал гомосексуальность отклонением от нормы; в тот же список входили садизм и мазохизм. Только в 1973 году Американская психиатрическая ассоциация исключила эту сексуальную ориентацию из своего справочника, где она была отнесена в ту же группу, что и психоз, паранойя и другие аномальные формы поведения. Генетики, искавшие биологический корень проблемы – «гей-ген» в коде ДНК, – так его и не нашли.

Современная эпоха не положила конец жестокости в отношении гомосексуалов; это отразилось как в гражданском законодательстве, так и в преступном насилии, включая массовое заключение гомосексуалов в тюрьмы в нацистской Германии. В Америке геев и лесбиянок подавляли с помощью многочисленных законов против «вырожденцев», что приводило к стычкам, вплоть

до нью-йоркских Стоунволлских бунтов в 1969 года[13], спровоцированных притеснениями полиции. Возмущения по всей стране вдохновили движение за освобождение геев во многих городах. К тому времени как вышла в свет «Гомосексуальность в перспективе», гомосексуалов уже привычно именовали словом «гей», и они медленно, но верно набирали влияние в обществе. Некогда тайные геи ныне жили открыто. И все же, как и в случае с гетеросексуальным сексом, официальная медицина игнорировала биологические вопросы, касающиеся гомосексуальности.

В своем исследовании Мастерс и Джонсон повторяли более ранние предположения Альфреда Кинси о том, что до 10 процентов взрослых американцев имеют некий гомосексуальный опыт. (Перепись населения США и другие исследования указывали всего 2 процента.) Они также опирались на оценочную шкалу Кинси в определении сексуальной ориентации. «0» баллов по Кинси присваивались мужчине или женщине, которые утверждали, что никогда не имели «открытого гомосексуального опыта»; оценка «3» по Кинси ставилась тем, у кого был «равный гомосексуальный и гетеросексуальный опыт»; «6» – те, у кого «не было гетеросексуального опыта». Пациенты с 5-6 баллами считались «открыто живущими гомосексуальной жизнью» и были кандидатами на «конверсию» в гетеросексуальность. Кандидаты с 2–4 баллами – либо одиночки «в подполье», либо состоявшие в браке и сохранявшие скрытую гомосексуальность, – рассматривались для «реверсии» к гетеросексуальности. Из 67 случаев 54 были мужчинами и только 13 – женщинами.

К удивлению авторов, около 60 процентов представителей обоих полов, стремившихся к переменам, состояли в браке (хотя многие жили раздельно и редко имели половые сношения с супругами). При «реверсе сексуального предпочтения» успех часто зависел от причин, побудивших пациента обратиться за лечением. Те, чьи попытки оканчивались неудачей, часто опасались публичного разоблачения или испытывали давление со стороны партнера. «Когда в частной беседе с терапевтом использовались такие фразы, как «мне нужно время от времени встречаться со своими друзьями», или «я хочу быть гетеросексуалом на 95 процентов», этим парам отказывали в лечении», – поясняли Мастерс и Джонсон в книге. Они не хотели, чтобы лечение использовалось «как средство для введения в заблуждение супругов», особенно когда дело касалось пациентов-мужчин.

Случаи конверсии ставили перед терапевтами множество трудных задач. Мастерс и Джонсон описывали одного женатого мужчину, который потерпел неудачу и в браке, и в попытках

заняться сексом с другими женщинами, а затем «обратился к гомосексуальному взаимодействию в качестве спасительной для своего эго меры». Через четыре года этот мужчина и его жена явились в клинику в надежде «нейтрализовать» его гейские наклонности и стать гетеросексуально функционирующей парой. В другом случае, на первый взгляд не поддающемся лечению, одна женщина с «6» баллами по шкале Кинси, «прожив приблизительно 11 лет как сексуально активная, но неудовлетворенная гомосексуалка», нашла мужчину, с которым обрела гармонию и счастье.

Без мотивации со стороны пациентов, признавали Мастерс и Джонсон, шансы на успех лечения «существенно снижались». И все же их «рейтинг успеха» казался поразительным. Из 67 пациентов женского и мужского пола лишь 14 потерпели неудачу в первый двухнедельный период лечения. В течение пятилетнего периода последующих наблюдений итоговый уровень неудач в 28,4 процента – или более чем 70 процентов успеха в изменении сексуального предпочтения – был не вообразим для мира психиатрии и психоанализа. Впрочем, некоторых пациентов оказалось невозможно отследить после лечения, признавали авторы, что делало их финальные цифры несколько «обманчивыми».

Мастерс и Джонсон понимали, что их открытия будут расценены как дальнейшее отречение от психоанализа. Они обвиняли психотерапевтов в том, что те слишком охотно смиряются с «неудачей» и не контролируют собственные предубеждения.

Активисты движения за освобождение геев и социологи, изучавшие гомосексуальность, резко критиковали теорию конверсии. Как замечала писательница Дженис Ирвин, «на протяжении всей книги они утверждают, что быть геем – это нормально, но они знают, как это исправить – на тот случай, если мы считаем это ненормальным». Религиозные консерваторы и комментаторы правого крыла использовали исследование Мастерса и Джонсон как доказательство того, что образ жизни геев и лесбиянок – вопрос личного выбора, а не предопределен Божьим промыслом. Евангелисты предлагали «исцелять» гомосексуалистов молитвой, направляя их обратно на истинный путь гетеросексуальности, как предписывали вначале Библия, а теперь и секуляристы, подобные Мастерсу и Джонсон.

Даже старые друзья и поклонники Мастерса и Джонсон высказывали свои сомнения. Доктор Лоуренс Хэттерер из Корнельского медицинского центра заявлял: «Я не могу представить себе, чтобы можно было взять человека с долгой

историей гомосексуальности – и за две недели превратить его в гетеросексуала». Когда журнал «Плейбой» подверг сомнению их теорию конверсии, Джонсон не выдержала. «Мы не даем определений, что правильно или неправильно в вопросах человеческого выбора, – рявкнула она в одном интервью. – Вряд ли это новость, что есть на свете гомосексуалы, которые не хотят быть гомосексуалами».

Единственным, кто по-настоящему верил в конверсионную теорию, был Билл Мастерс.

Во время съемок «Встречи с прессой» и всего пресс-тура Джонсон защищала «Гомосексуальность в перспективе», но в глубине души она была очень недовольна методами и результатами этой работы. Многие годы спустя Джини выражала сомнение в возможности конверсии геев в натуралов.

Вся история началась на десять лет раньше, когда многие верили, что Мастерс и Джонсон способны изменить сексуальную жизнь практически любого человека. Алекс Левай, клинический профессор психиатрии в Нью-Йорке, направил к ним мужчину немного старше 20 лет. Молодой хотел иметь семью. Конверсионная терапия добилась успеха, но, как оказалось, лишь временного. «Он женился, у него родились дети, – вспоминал Левай. – Но у него не было желания сохранить достигнутое. Он вернулся к своей гейской жизни. Эти ориентации очень сильны, и их трудно изменить».

Причины, побудившие Мастерса продвигать теории конверсии/реверсии, были непонятны ни его друзьям, ни врагам, ни даже самой Джонсон. Он никогда не демонстрировал грубых предрассудков своего послевоенного поколения, которое поносило гомосексуалов так же злобно, как и коммунистов. В 1971 году он стал соавтором Колодны в исследовании, которое обнаружило подавленный уровень тестостерона у гомосексуалов по сравнению с гетеросексуалами. Тем не менее Мастерс верил, что сексуальная ориентация определяется многими факторами. Он полагал, что счастье пациента и его гармония со своей сексуальной идентичностью имеют первоочередное значение – точно так же, как некогда мастерил искусственные влагалища для своих пациенток, будучи хирургом. Конверсионная терапия была результатом сострадания Мастерса к пациентам, а не схемой, придуманной, чтобы что-то доказать.

«Гомосексуальность в перспективе» содержала больше умозрительных конструкций, чем научных фактов. Некоторые главы, перегруженные статистикой, сравнивали физиологические реакции геев, лесбиянок и контрольной группы гетеросексуалов. У них приводились измерения эрегированных пенисов,

клиторальных реакций, полового прилива и физических характеристик во время секса. В основном все происходило одинаково, независимо от ориентации. Но в книге различия превращались в обобщения. «Сексуальное притворство не так распространено среди лесбиянок, как среди гетеросексуальных женщин. Прежде всего женщине гораздо труднее обмануть другую женщину, чем ничего не подозревающего мужчину». Гомосексуалы изображались лучшими любовниками, чем гетеросексуалы, по крайней мере, когда стимулировали своих партнеров с помощью куннилингуса или фелляции. «Фантазийные паттерны» – мечты или видения насильственного, группового секса и анонимных сношений – преобладали у гомосексуалов, писали авторы, не предоставляя для этого утверждения значимых доказательств.

Отсутствие доказательной базы было особенно очевидно в заявлении Мастерса и Джонсон о том, что мужчины и женщины не рождаются гомосексуалами, а «гомосексуально ориентируются путем усвоенного предпочтения». Однако они не представили никаких обоснований, если не считать того, что генетическое происхождение сексуальности также не доказано.

Секретность, вообще свойственная Институту Мастерса и Джонсон, в случаях конверсии становилась еще серьезнее. Большинство сотрудников ни разу не встречались с пациентами, проходящими терапию для изменения сексуальных предпочтений. Те, кто был посвящен в этот вопрос, видели, что Мастерс не хотел слушать их опасения насчет конверсии. Со временем сотрудники научились не спорить с ним на эту тему.

Поначалу Колодны не сомневался в способности программы излечить любого пациента. «Если Билл сказал, что они проводят успешную конверсионную терапию, то кто я такой, чтобы считать, что это невозможно?», – говорил он. Колодны слышал те же уклончивые объяснения о доме в Лейдью как о «лаборатории», где проводилась особая терапия. Однако, когда приблизился срок публикации «Гомосексуальности в перспективе», Мастерс попросил Колодны помочь в ее подготовке. Сознавая свои ограниченные писательские способности, Мастерс хотел, чтобы Колодны прошелся по описаниям индивидуальных случаев и сделал их более «читабельными».

Все их предшествующие книги содержали такие описания историй пациентов без упоминания имен. Гомосексуальность, учитывая ее сложную природу, потребовала особенно ярких зарисовок. Например, в разделе «История болезни: пара № 10» две страницы были посвящены пересказу истории Р. – 30-летнего пациента с индексом Кинси «6». Р. был «убежденным

гомосексуалом» – настолько, что «часто обходил местные бары и общественные туалеты». Затем Р. познакомился с 23-летней женщиной, с которой у него обнаружилось много общих интересов, и влюбился в нее. В конечном счете он прожил 10 месяцев с этой гетеросексуальной женщиной (Кинси «0» по показателю ориентации), пока они не поженились. «Несмотря на усилия со стороны жены, Р. не мог получить или поддерживать эрекцию», – констатировал рассказ. В комментарии Мастерс и Джонсон подытоживали свой успех в лечении Р. и его жены:

Он начал успешно действовать в соитии на десятый день терапии. Диспансерный контроль пары проходил без особенностей. В семье родились дети, Р. делает успешную карьеру как клинический психолог, и брак, по отзывам обоих партнеров, эффективен. Однако эта история – исключение, а не правило для сексуальных отношений между мужчиной «Кинси-6» и женщиной «Кинси-0». Ограничения в способности конвертироваться или реверсироваться к гомосексуальности зависят не только от степени мотивации, но и от вознаграждений, потенциально доступных в результате такой конверсии.

Когда Колодны просил разрешения просмотреть документы и прослушать записи таких случаев, он получал отказ, хотя обычно всё, сказанное на сеансах, записывалось на бобинные магнитофоны. Так он начал подозревать, что некоторые, если не все, истории излагались не вполне правдиво. Они были составлены из фрагментов воспоминаний Мастерса или полностью сфабрикованы. «Они вели меньше случаев, чем указано в книге, – говорил он. – Желание представить убедительный материал привело к преувеличению или даже фальсификации». Хотя Колодны всемерно восхищался Мастерсом, он не мог объяснить это иначе. Сам он ни разу не видел ни одного конверсионного пациента.

В конце концов, он обратился к Джонсон, хотя понимал, что рискует. В то время он считался протеже Мастерса, и критика в адрес мэтра за его спиной могла вызвать гневную реакцию со стороны Джини. «Я рассказал ей, какой будет реакция на эту книгу – насмешки профессионалов, обвинения в высокомерии и необъективности, нападки со стороны движения за освобождение геев, психиатрического сообщества, – со всех сторон, за исключением вооруженных Библией консерваторов, которые скажут: «Вот видите, мы всегда вам говорили – если бы эти [гомосексуалы] захотели измениться, они могли бы это сделать!».

Джонсон сразу признала существование проблемы. У нее тоже возникали подозрения в отношении конверсионной теории Мастерса. Перспектива публичного позора и возможного

разоблачения сильно расстраивала Джини. Всю жизнь она страдала от упреков в недостатке образования и сомнений в ее надежности. Она гораздо лучше Мастерса понимала опасности, связанные с продвижением неподтвержденной теории. Ей было трудно примириться с тем, что ее имя будет указано в качестве соавтора.

– Я не хочу, чтобы меня осуждали или припоминали мне этот идиотизм, – жаловалась она. – Он написал чушь! Он все это придумал!

Некоторое время Джини раздумывала, не потребовать ли, чтобы на книжной обложке был указан один Мастерс, с ключевой фразой «Основано на исследованиях, проведенных в сотрудничестве с Вирджинией Джонсон». Но такая оговорка породила бы еще больший скепсис. Она просила Колодны попытаться отсрочить публикацию – может быть, главные промахи удастся исправить или смягчить.

– Я не могу с ним разговаривать, – призналась Джонсон, демонстрируя редкую для нее слабость. – У нас были уже крупные ссоры по поводу этой книги, а мне приходится жить с этим человеком.

Колодны изложил свои опасения письменно, в дружеском, но откровенном тоне. Он повторил свои прежние предостережения о том, что главы, касающиеся изменения сексуальных предпочтений, нуждаются в пересмотре. Но Мастерс отказался уступать. Не для того он так упорно трудился, чтобы его лишили этого приза – финала долгосрочных исследований человеческой сексуальности. Их разговор вылился в пылкую ссору и закончился в кабинете Джонсон. Ни она, ни Колодны не смогли переубедить Мастерса. «Это очень важный материал, – неоднократно повторял Мастерс. – Нам нужно, чтобы мир знал, что мы способны делать».

С одобрения Джонсон Колодны поговорил с издателем об отсрочке, но было слишком поздно: подготовка к изданию шла полным ходом. Оставалось одно – предоставить судьбу этого произведения случаю и надеяться на лучшее.

На выход в свет «Гомосексуальности в перспективе» возлагали большие надежды. Издатель заранее раскрыл ее содержание журналу «Тайм», который опубликовал его с одобрительной рецензией, основанной на превозносимой до небес репутации двух исследователей. «Нет никаких сомнений», объявлял журнал, что Мастерс и Джонсон – «феномен современности».

Однако в обзоре «Лос-Анджелес Таймс» правдивость конверсионной статистики открыто подвергалась сомнению. Самая неприятная реакция последовала со стороны научного и

медицинского сообщества. Если исследование опиралось на гомосексуалов, готовых потратить 2500 долларов за две недели, чтобы «реверсировать» свою гомосексуальность, «то вы получили безнадежно предвзятую, самоизбранную выборку, искаженную в пользу успешности», – говорил Джон Мани из медицинской школы университета Джона Хопкинса, эксперт по сексуальной идентичности. Даже Джадд Мармор, бывший президент Американской психиатрической ассоциации, который просил Мастерса о помощи в исключении гомосексуальности из списка психических заболеваний несколькими годами ранее, сомневался в их результатах.

Споры по поводу конверсионной терапии длились десятилетиями. Многочисленные шарлатаны и религиозные фанатики, апеллируя к успеху Мастерса и Джонсон, создавали группы для «экс-геев». Основатель Христианской коалиции Пэт Робинсон и преподобный Джерри Фолуэлл в числе многих других поддерживали программы, призванные возвращать «грешников» в лоно богобоязненной гетеросексуальности. В 2006 году Католическая медицинская ассоциация объявила, что научные исследования, включая работу Мастерса и Джонсон, «противоречат мифу о том, что влечение к собственному полу генетически предопределено и неизменяемо, и дают надежду на профилактику и лечение». Во время президентской кампании 2008 года церковь Аляски, прихожанкой которой была кандидат от республиканцев на пост вице-президента Сара Пэйлин, пропагандировала конверсию геев путем молитвы.

К 2007 году Американская медицинская ассоциация официально заявила, что «возражает против применения «репаративной», или «конверсионной», терапии».

Мастерс был уверен, что со временем их книгу примут, так же как приняли первые две. Он полагал, что бо̀льшая часть критики исходит от фрейдистского аналитического сообщества, которое жаловалось, что двухнедельный курс лечения – подход слишком упрощенный и недостаточный для понимания сексуальной жизни пациента. Несмотря на все ограничения в объеме исследования, Мастерс считал, что перспективы конверсионной терапии давали пациентам больше надежды и свободы, чем могли предложить психоаналитики.

Ближайшие сотрудники недоумевали, почему Билл так упорно проталкивает свои неправдоподобные теории о конверсии и реверсии. Он был дальновидным ученым, немного резковатым в своих взглядах, но всегда опиравшимся на обширную документацию. Как мог он в этот раз так подвести институт?! СМИ, хоть и позволяли себе критику, но ни разу не усомнились в

фундаментальной честности книги и не подозревали о тревогах, царивших в клинике.

Пристыженная и расстроенная Джонсон поклялась, что больше никогда не позволит Мастерсу поставить ее в такое положение. К началу 1980-х годов она стала больше бывать на своем рабочем месте. «Джини чувствовала, что Билл становится непредсказуемым источником проблем, – рассказывал Колодны, – и пыталась взять в свои руки управление институтом».

В 1982 году, когда Институт Мастерса и Джонсон перебрался в новое красивое здание, именно Джонсон контролировала процесс строительства и одобряла поэтажный план. Больше никто не сомневался, где будут приниматься главные решения – в красиво обставленном угловом кабинете Джини или в другом, гораздо более скромном, который она отвела Биллу.

Глава тридцать третья
Обещание будущего

Неотразимо эффектная в своем черном платье Вирджиния Джонсон вошла в бальную залу элегантного отеля, опираясь на руку Билла Мастерса. Она купалась в восхищенных взглядах четырехсот гостей, которые, стоя, аплодировали им. По всей стране Мастерса и Джонсон прославляли и воздавали им почести, но нигде их не принимали так, как сейчас, в родном городе – Сент-Луисе. Даже Билл, с его каменным выражением лица и сдержанными манерами, не мог сдержать довольную ухмылку.

Празднование 25-й годовщины с начала исследований человеческой сексуальности было прежде всего бенефисом Вирджинии. Она предусмотрела каждую деталь – от огромных хрустальных ваз с розами и белыми гарденией до толпы фотокорреспондентов. Наряду с работой клиники она теперь занималась публичным имиджем их обоих. Ей удалось добиться, чтобы трое самых важных мужчин в ее жизни – доктор Мастерс, судья Ной Вайнштейн и бывший муж Джордж Джонсон – отлично ладили между собой в этот вечер.

Чувство запоздалого признания пронизывало этот ноябрьский вечер 1984 года. Все скверные воспоминания, связанные с Сент-Луисом, исчезли. Забыты были оскорбительные анонимные звонки, пренебрежение профессионалов, подчеркнутое дистанцирование Вашингтонского университета от их клиники, слухи об омерзительной деятельности, происходящей за закрытыми дверями клиники.

Речь Мастерса прозвучала как прощальное слово. По мере приближения к семидесятилетию взгляд его становился все более пустым и отстраненным, плечи ссутулились и сгорбились. Галстук-бабочка теперь свисал с его воротничка, точно поникший цветок. «Тинктура времени берет свое, – тихо говорил Мастерс в микрофон. – Я жил достаточно долго. Мои противники нейтрализованы – а некоторые даже похоронены». По толпе гостей пронесся легкий смешок. «Пора передать дела молодым, – продолжал Билл. – Я сделаю это без особой охоты, но время пришло».

Джонсон же в свои 59 лет наслаждалась самой чудесной порой жизни, пожиная плоды признания и личной удачи. Может быть, ее муж и собрался уйти на покой, но она сама, как всегда, полная жизни и энергии, была не готова сдавать позиции. Для все более одержимых сексом американских СМИ Вирджиния Джонсон

оставалась предметом восхищения – зрелой и знающей жизнь женщиной, которая понимала глубокие тайны жизни.

Писатель Гэй Талис, готовя к печати свою книгу «Жена ближнего твоего» – рассказ очевидца о сексуальной революции в Америке, несколькими годами ранее пытался уговорить Мастерса и Джонсон раскрыть тайны их брака.

– Как часто вы занимаетесь любовью? – спросил Талис на съезде Американского общества редакторов газет.

– Да кто же считает? – ответила Джонсон с притворной застенчивостью. Несколько сотен восхищенных газетчиков разразились аплодисментами.

Мастерс и Джонсон отказывались от приглашений на ночную программу-варьете Джонни Карсона («Мы не хотим оказаться между Джеки Мейсоном и каким-нибудь чечеточником», – объясняла Вирджиния) или каверзных вопросов в прайм-таймовой программе Майка Уоллеса «60 минут». Вместо этого они появлялись в утренней передаче Фила Донахью, транслировавшейся из Чикаго, и радио-ток-шоу Майка Дугласа в Филадельфии. Хотя дневное телевещание было все еще «сдержанным» – особенно в сравнении со стандартами таблоидов – Донахью признавал, что Мастерс и Джонсон поднимали рейтинги. В то время как Мастерс вел себя с телерепортерами отстраненно и настороженно, Джонсон нравилось играть роль дивы. Она упивалась широким общественным признанием и его финансовым выражением.

Однако слава так и не трансформировалась в крупное состояние. К началу 1960-х годов Институт Мастерса и Джонсон стал терять деньги, и партнеры не могли решить эту проблему. В 1984 году им едва удалось собрать достаточную сумму, чтобы оплачивать сотрудников и платить за помещение. Число клиник секс-терапии по всей стране росло, и пациенты уже не нуждались в эксклюзивном дорогостоящем лечении в Сент-Луисе. Лист ожидания, некогда растянутый на несколько месяцев, сократился до пары недель. Почти 85 процентов тех, кто обращался в институт впервые, до этого пытались лечиться в других местах. Люди, страдающие от фригидности и преждевременной эякуляции, теперь говорили о своих проблемах гораздо откровеннее, чем предшествующее поколение. Они научились исцеляться самостоятельно, читая пособия-руководства или обращаясь к местному терапевту.

Хотя банкет в честь 25-й годовщины должен был напомнить миру о революционном научном вкладе Мастерса и Джонсон, главной его целью был сбор 5 миллионов долларов вначале в Сент-Луисе, а затем в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и других

крупных городах. Правительство по-прежнему почти не финансировало связанные с сексом исследования в институте. Как сообщила гостям Джонсон, пожертвования позволили бы им продолжать «работу в том виде, в каком мы ее знаем, – работу, которую не могут сделать другие».

Финансовые проблемы усугублялись отсутствием деловой хватки у Билла и Джини. Оба исследователя «не любили просить деньги» и часто противились предложениям о деловых предприятиях – как тогда, когда Колодны предложил продавать франшизу их клиники.

В 1983 году совет института наконец одобрил организационные усилия по сбору средств. «Если они уйдут на пенсию, мы хотим, чтобы институт продолжил свое существование», – говорил Дэниел Салливэн, первый директор клиники по развитию. Но было трудно найти щедрые источники финансирования помимо горстки благодарных бывших пациентов.

В 1980-х годах, с наступлением эпохи домашнего видео, студия «Тайм-Лайф» предложила Мастерсу и Джонсон 1,5 миллиона долларов за записи, иллюстрирующие их прославленные методы. Но супруги решили, что это недостаточная цена. Хотя клиника не вылезала из дефицита, они опасались продать себя слишком дешево.

Мастерс и Джонсон всегда опасались тех, кто хотел делать деньги на их именах. Хотя уровень жульничества в индустрии секс-терапии действительно требовал осторожности, их недоверчивость порой обижала коллег, которые пытались законным путем строить свою карьеру. Например, в 1970-х годах Маршалл и Пегги Ширер сообщили Мастерсу о выходе в свет их книги «Разговоры о сексе», основанной на публичных дискуссиях со студентами колледжа. На обороте обложки они хотели упомянуть совместную работу с клиникой Мастерса и Джонсон, но Билл не согласился. «Он решил, что мы используем их имена ради собственной выгоды», – вспоминала Пегги.

Колодны ничего не выигрывал от предложения студии «Тайм-Лайф» о съемке видеофильмов, кроме того, что оно гарантировало безбедное будущее институту, в котором он проработал больше десяти лет. Он стал помощником директора, и в его ведении была подготовка кадров для клиники. Он также был супервизором отдела эндокринных исследований, изучавшего воздействие законных и нелегальных сильнодействующих средств на сексуальную функцию и влияние хронических заболеваний на сексуальное благополучие. Помимо врачебного таланта Колодны обладал способностями к бизнесу и

литературе. Он был составителем книги по материалам проведенного в 1977 году Мастерсом и Джонсон семинара по этическим проблемам в секс-терапии и сотрудничал с ними в работе над другими книгами, включая выпущенный в 1982 году учебник «Человеческая сексуальность».

Долгие годы Мастерс указывал, что Колодны будет его преемником, «бесспорным наследником», как назвал его журнал «Тайм». Но Джонсон испытывала дискомфорт при мысли о надвигающейся перемене. Не имея университетского диплома, она нуждалась в опоре на лицензированного врача, чтобы руководить клиникой, если ее муж выйдет на пенсию. Колодны пользовался среди профессионалов репутацией, которая едва ли не соперничала с репутацией Джонсон, особенно после того как удостоился престижной национальной награды за профессиональные медицинские услуги. Джини эта ситуация настораживала.

Колодны гордился тем, что проходил подготовку у лучших из лучших – как в Гарварде, так и под руководством Мастерса. Ему трудно было скрывать презрение к посредственности в среде сотрудников или к непрофессиональным качествам Джонсон. По поводу нескольких книг, на обложках которых их имена стояли рядом, он впоследствии говорил: «Сомневаюсь, чтобы Джини их хотя бы читала».

Но вскоре у Колодны появился соперник. В середине 1970-х годов в штат пришел новый сотрудник – Марк Шварц – уверенный в себе длинноволосый блондин. Превосходные навыки терапевта и докторский диплом по психологии, полученный в университете Джонса Хопкинса, сделали его яркой альтернативой серьезному, но флегматичному Колодны. У Шварца были основания считать, что именно он станет наследником Мастерса.

Колодны как доверенное лицо Мастерса в свое время получил от него распоряжение делать мэтру замечания, если время повредит его умственным или физическим способностям. В 1972 году Мастерс метафорически заговорил о стареющих футболистах, которые не понимают, когда пора повесить на гвоздик бутсы. В долгом философском пассаже Билл упомянул и хирургов, которые держали скальпель в руках дольше, чем следовало. Потом схватил Колодны за руку и взглянул ему прямо в глаза. «Я собираюсь попросить вас, чтобы вы кое-что для меня сделали, – сказал он торжественно. – Нам предстоит работать вместе долгое время. Если вы увидите, что я начинаю выживать из ума, я хочу, чтобы вы усадили меня за стол и сказали, что пришла пора выпустить меня пастись на лужок. Вы должны сделать это, чтобы я не опозорился».

Хотя этот монолог показался ему мелодраматическим, Колодны сознавал, что аура превосходства, которую Билл пронес через всю карьеру, не позволяет ему понизить планку. Но когда Мастерс постарел и перестал быть таким уж проницательным, особенно на публике, где некогда ослепительно блистал, у Колодны все же не хватило духу одергивать своего наставника. Он оказался в сложном положении – будучи преемником, он не мог настаивать, чтобы Мастерс отошел от дел, так, чтобы это не выглядело заботой о собственных интересах.

В то же время Колодны видел, что самые важные его советы, которые могли бы повлиять на будущее института, игнорировались. Так случилось, когда он уговаривал Мастерса и Джонсон перевести свой институт в Нью-Йорк. В столице американских СМИ, говорил он, их репутация упрочится, их новаторские способы терапии будут приняты медицинским сообществом, а число пациентов вырастет. Но Джонсон и слышать не хотела о Нью-Йорке, где они, скорее всего, столкнутся с острой критикой, особенно со стороны упертых фрейдистов. Ни она, ни Мастерс не хотели начинать все сначала, особенно в эту пору жизни.

Оставалось еще одно невысказанное соображение. Хотя они сильно зависели от Колодны, Джонсон все еще ему не доверяла. «Он был очень умен и стремился доминировать», – вспоминала она годы спустя.

В конце концов Колодны распрощался с клиникой. В подробной докладной записке он перечислил все задачи, которые выполнял и контролировал, и все требования к своему преемнику. Он переехал в Коннектикут со своей тогдашней женой Нэнси и детьми, открыв собственную клинику бихевиоральной медицины. Колодны согласился остаться в совете института и периодически прилетать в Сент-Луис на встречи. Он также собирался продолжить работу над готовившейся к изданию книгой под названием «Мастерс и Джонсон о сексе и человеческой любви», которая оказалась весьма успешной.

Но к тому времени как Билл и Джини праздновали свою годовщину в 1984 году, доктор Роберт Колодны уже ушел из их жизни.

Глава тридцать четвертая
Красавица и чудовище

«Каждое ее движение, каждый шарк и колыхание помогали мне скрывать и совершенствовать тайное осязательное взаимоотношение – между чудом и чудовищем, между моим рвущимся зверем и красотой этого зыбкого тела в этом девственном ситцевом платьице».

Владимир Набоков,
«Лолита» (пер. Д. Набокова)

Морин Салливэн шепнула клиенту, чтобы он придвинулся ближе. Ее наставления были так же нежны, как и ее ласки. Свет в уютном номере «Чейз-Парк Плаза» оставался включенным, одеяла были сброшены.

Салливэн села по-турецки, обнаженная и прекрасная, как богиня плотской любви, лицом к молодому человеку. Она положила свои гладкие загорелые ноги поверх его коленей, так что их гениталии почти соприкоснулись.

Двадцатитрехлетняя Салливэн, женщина с кудрявыми светлыми волосами и крепкой грудью, напоминала инструктора аэробики и излучала заразительный энтузиазм. Она была опытным профессионалом, получавшим плату от клиента, а инструкции – от терапевтов из всемирно известного Института Мастерса и Джонсон.

В нужный момент Салливэн властно и решительно взяла безвольный пенис клиента и принялась тереть его о свою вульву и половые губы. Вокруг сгущалась аура предвкушения, но она ничего не требовала от партнера. Только когда она почувствовала, что он готов – ощутила то, что Мастерс и Джонсон описывали в своем учебнике как вазоконгестивный приток крови по артериям пениса, расширяющий и приподнимающий вялые ткани, – Салливэн перешла к следующей позиции в этой «экскурсии с гидом».

– Теперь я сяду сверху и вложу твой пенис в свое влагалище – просто чтобы ты это почувствовал, – шепнула она ему. – Не пытайся двигаться. Не делай ничего. *Просто ощущай.*

В роли секс-суррогата Салливэн занималась «генитальным услаждением» клиента с впечатляющей эффективностью. Они уже провели несколько дней терапии «чувственного фокуса», как и предписывали методы Мастерса и Джонсон.

Проникновение не было главной целью. Во время утренних и дневных эротических сеансов партнеры гладили, обнюхивали, теребили губами, ласкали и порой целовали буквально каждый сантиметр тел друг друга, без расчета на соитие. Иногда они вставали перед большим, во весь рост, зеркалом и изучали отражения друг друга. Упражнения на прикосновение прогоняли у страдавших тревожностью мужчин страх и ликвидировали их невежество в отношении женского тела. «Ты показываешь, как яички похожи на яичники, мошонка похожа на большие губы, а пенис похож на клитор, – говорила Морин. – Так что они понимают, что это не такая уж незнакомая территория».

Мужчины, которые полагались на опытность Салливэн, как правило, страдали от «эректильной дисфункции» (таково было новое название импотенции), или от преждевременной эякуляции, или же были девственниками, которым мешал страх неудачи. Для них она становилась настоящей волшебницей. Она не требовала удовлетворения для себя и была занята исключительно доставлением удовольствия клиентам. «О, я была для них Чудо-Женщиной», – говорила она. Когда они подходили к стадии «генитального услаждения», Салливэн сосредоточивалась на эрегированном члене клиента, водя им по своим гениталиям, как художник кистью. «Это называется «живописью»: берешь пенис клиента и рисуешь им на себе, – объясняла она. – А если он [пенис] начинает опускаться, возвращаешься к ласкам руками. Ты не рассказываешь, что именно собираешься делать – вроде как застаешь их врасплох!».

Joie de vivre[14], свойственная Салливэн, делала ее любимой помощницей Билла Мастерса в самых сложных случаях. Помимо обычного институтского счета в 5000 долларов пациенты платили почти вдвое больше, чтобы им оказывала услуги эта калифорнийка или кто-то еще из суррогатных партнерш, которых втайне предоставлял им Мастерс в середине 1980-х годов. Такие договоренности составлялись в еще более секретной обстановке, чем раньше, в основном потому, что Мастерс и Джонсон публично отреклись от этой практики. На горьком опыте они усвоили, что суррогатная секс-терапия, которую они защищали в 1960-х годах, вызывала осуждение и даже насмешки. «Мой метод в основе своей – тот же, что у Мастерса и Джонсон, – уверяла бывшая нью-йоркская «мадам» Ксавьера Холландер в книге «Счастливая шлюха». – Только они берут тысячи баксов, и это называется

терапией. Я же назначаю плату в 50 долларов, и это называется проституцией».

Со времен семинара по этике в 1976 году Мастерс и Джонсон неоднократно указывали, что они больше не полагаются на «суррогатов» при лечении пациентов. Следуя их примеру, Американская психологическая ассоциация и Американская ассоциация терапевтов по вопросам брака и семьи заявили, что терапевты, позволяющие своим клиентам использовать суррогатных партнеров, нарушают этические законы. Большинство профессионалов с хорошей репутацией соглашались с позицией Мастерса и Джонсон. К 1980-м годам легально работающие терапевты полагали, что использование «суррогатов» подвергает их лицензии неоправданному риску и возможному уголовному преследованию.

Очень немногие знали, что Мастерс продолжал работать с «суррогатами» и что его вера в их эффективность ни разу не поколебалась

Пациенты Мастерса и Джонсон прибегали к помощи женщин, прилетавших в Сент-Луис со всех концов страны и получавших плату за сексуальное «воскрешение» незнакомых мужчин. Многие из них, например Вина Блэнчард, тогда – разведенная молодая женщина из пригорода Лос-Анджелеса, знали, что подпольные действия Мастерса противоречили его публичной позиции. «Они рекомендовали клиентам [суррогатных] партнерш, и уже сами клиенты заключали с ними контракты», – объясняла Блэнчард, которая впоследствии стала президентом группы поддержки «суррогатов». Мастерс дистанцировался от передачи денег и других логистических вопросов между «суррогатами» и его пациентами.

Но вместо того чтобы косо смотреть на врача, игравшего в двойные игры с законом и кодексом поведения, принятым в его профессии, Блэнчард восхищалась Мастерсом. «Он говорил, что в какой-то момент они буквально разрывались, не зная, как поступить, – говорила Блэнчард, – но он не мог лишить клиентов *единственного* лечения, которое им помогало».

Морин Салливэн в своем резюме для клиники Мастерса и Джонсон утверждала, что была самым высокооплачиваемым «суррогатом» в Южной Калифорнии. Она проходила подготовку у секс-терапевта Уильяма Хартмана, лицензированного консультанта по вопросам брака. В государственном университете Лонг-Бич Салливэн выбрала курс человеческой сексуальности, который вел Хартман, и вскоре завербовалась к нему на работу. У нее быстро сложился список из 16 клиентов в неделю, и она стала зарабатывать кругленькую по тем временам

сумму в 300 долларов в день в качестве суррогатной секс-партнерши.

В Калифорнии Салливэн много слышала о Мастерсе и Джонсон и пришла к выводу, что их богатые клиенты будут платить за ее услуги по высшей ставке. Вскоре она получила письмо с одобрением, но Мастерс попросил ее прислать еще и фотографию. Салливэн воспротивилась. «Ну вас к черту, не буду я посылать никаких фотографий, – думала про себя Салливэн. – Какая разница, как я выгляжу: я – «суррогат», и точка. Вот данные о моей подготовке».

Мастерс прислал ответ с объяснениями: фото требовал клиент. Вскоре ее пригласили в Сент-Луис.

– Не пойму, почему вы с самого начала не прислали нам свое фото, – сказал ей Мастерс самым любезным тоном. – Вы очень красивая.

Остальная часть их разговора вращалась вокруг денег. Договор был заключен на три тысячи долларов с клиента за 10-дневный период.

За свою карьеру, включавшую около 300 случаев, по словам Салливэн, она исполняла обязанности «суррогата» в Сент-Луисе «как минимум полдюжины раз». Она настолько освоилась в клинике, что держала свой велосипед рядом с копировальной машиной, чтобы кататься вокруг озера Форест-Парк.

Салливэн сознавала, что дарила другим людям удовольствие и счастье, которых ей не хватало в собственной жизни. «Мне было чуть за двадцать, и я все еще не нашла себя, – размышляла она вслух. – Я не стала заблудшей душой, сделавшись «суррогатом», – я была ею *до того*. Мой отец избивал мать. Я никогда не испытывала особой любви к родителям». Работа под управлением старших по возрасту врачей, которые руководили ею, в какой-то степени удовлетворяла потребность самой Салливэн в отце.

От суррогатов требовалось быть бесстрастными инструментами команды терапевтов. Им не полагалось принимать решения относительно лечения или давать психологические оценки. Они должны были остерегаться трансференции – вероятности того, что пациент может эмоционально привязаться к ним. Но однажды Салливэн совершила роковую ошибку – она влюбилась в своего клиента.

Богатый юрист из другого города, мужчина лет тридцати, нанял Салливэн помогать ему с «ЭД» – это был стандартный эвфемизм для импотенции. Он щедро оплатил отдельные номера в «Чейз-Парк Плаза», что позволяло ей спать одной и распоряжаться своим свободным временем. За эти две недели Салливэн больше, чем обычно, разговаривала со своим клиентом,

ужинала с ним в ресторанах и просто гуляла по парку. В Сент-Луисе они оба были чужаками, и Салливэн обнаружила, что в ней просыпается любовь к этому почти неизвестному мужчине, благодарному ей за то, что она восстанавливала его мужественность. Она всегда разделяла работу и чувства, но в этот раз все обернулось по-другому.

Когда ее сеансы с клиентом закончились, она рассказала обо всем Марку Шварцу, терапевту, который вел этот случай. Шварц понял ее проблему и дал ей простой совет:

– Считайте это летним романтическим приключением и идите дальше, каждый своей дорогой, – предложил он.

У Салливэн не было выбора. Иметь чувства – естественно. Однако идти у них на поводу – непрофессионально. Она улетела в Южную Калифорнию, а юрист вернулся к себе домой, куда – она так и не узнала.

– А теперь – перед вами Джонни!

9 сентября 1982 года в «Вечернем шоу с Джонни Карсоном» принимали участие сам юморист и его закадычный друг, ведущий Эд Макмагон. Дирижер Док Северинсен руководил оркестром *NBC*, а гость, актер Джордж Сигал, играл на банджо. В своем вступительном монологе Карсон отпустил несколько шуточек о Калифорнии, брюках Дока, президенте Рональде Рейгане, горе Рашмор и забастовке профессиональных футболистов. Самый последний комментарий касался еще одной гостьи его программы – Морин Салливэн.

Салливэн с трогательной откровенностью рассказала о своей жизни в качестве суррогатной сексуальной партнерши. Они побеседовали о том, как она нашла эту работу, с какими проблемами сталкивалась, о возрастном спектре мужчин, с которыми работала, и о том, каково это – вступать в физическую связь с клиентом. В какой-то момент она даже продемонстрировала пример ласки руками, пока Карсон корчил рожи на камеру.

Программа Карсона была для Сэлливэн первой из телевизионных съемок. Она стала самой известной женщиной в этой скандально известной области секс-терапии. И хотя она ни разу не упомянула о своих поездках на Средний Запад, в прославленную клинику Мастерса и Джонсон, в Сент-Луисе ее популярность вызвала серьезную обеспокоенность. Друзья Мастерса опасались, что тайные сделки с Салливэн и другими женщинами угрожают с таким трудом заработанной репутации института и всех, кто был с ним связан.

Мастерс всю свою карьеру раздвигал границы дозволенного, умудряясь перехитрить своих критиков и стражей нравственных

кодексов. Но теперь он как будто позабыл о реальности, о том, что их могут обвинить в циничном лицемерии и сомнительных этических суждениях. Он полагал, что никто ничего не узнает. Его тайные договоренности с Салливэн и другими «суррогатами» были «примером его безумия», говорил Марк Шварц. Шварц вспоминал некоторых пациентов – например, «девственника тридцати одного года без всяких социальных навыков» – чью жизнь преобразили суррогаты, несмотря на то что в те времена это было «чистой проституцией с точки зрения закона». «Это была «уловка-22»[15]: такие мужчины никогда бы не нашли партнершу, если бы оставались импотентами, и не смогли бы избавиться от своей импотенции без партнерши, – объяснял Шварц. – Это был ключ к успеху, но Мастерс все время ходил по краю и напрашивался на неприятности».

Больше всего «заговором суррогатов» была расстроена Джини Джонсон. Хотя она в свое время успешно набирала женщин-волонтеров для их с Мастерсом программы, впоследствии Джини пришла к убеждению, что «суррогаты» не стоят такого риска. Неприглядное судебное дело с участием Барбары Калверт и ее мужа едва не уничтожило их. Она предупреждала Мастерса, что институт не должен становиться посредником в этих, возможно противозаконных, связях.

Донна Мартини, бухгалтер клиники, часто вела дела с суррогатами. Она быстро догадалась, что в институте происходит некий обман общества. С каждого пациента Мартини брала стандартную оплату услуг клиники, а затем принимала второй чек и отдавала его суррогатной партнерше. Она вспомнила, по меньшей мере, четырех женщин, которые получали таким образом плату. Ванда Боуэн, главная помощница Джонсон в административных делах, позаботилась о том, чтобы Мартини держала рот на замке по поводу суррогатной программы и всего, чему она могла стать свидетелем.

Другим поводом для тревоги стали заболевания, передающиеся половым путем, носителями которых могли быть суррогаты. В августе 1982 года «Тайм» возвестил о распространении генитального герпеса. Не прошло и года, как появился смертоносный вируса СПИД, особенно опасный для мужчин с эректильной дисфункцией, поскольку они редко пользовались презервативами. Салливэн, отрезвленная угрозой инфекции, теперь не предлагала пациентам проникнуть в нее без защиты. Страх заражения фатальной болезнью омрачал опыт общения с «суррогатами» для пациентов, рассчитывавших на секс. «Главным моментом было не проникновение, а все, что к нему вело, – объясняла Салливэн. – Хороший клиент прекращает

сеансы до проникновения. Он хочет найти свою женщину».

В конечном счете карьеру Салливэн оборвали не болезни и не деньги. В 1984 году она ездила в Сент-Луис к двум разным клиентам, между которыми выдался краткий перерыв на выходные. Салливэн решила устроить себе небольшой отпуск в оздоровительном спа-курорте возле Канзас-Сити. Возвращаясь в Сент-Луис, она попала в снежный буран, но не остановилась, торопясь на назначенную встречу. На обледенелом шоссе ее машина столкнулась с другой, потерявшей управление. В лобовом столкновении Салливэн ударилась лицом о рулевое колесо. У нее была разбита вся левая сторона черепа, не считая других тяжелых ранений. Она пролежала без сознания семь недель.

Новости об аварии стали причиной взаимных упреков в Сент-Луисе. Американские СМИ могли узнать о ее деловых планах в Миссури, что подвергло бы Мастерса и Джонсон опасности. Джини снова высказала свои возражения Биллу. В конечном счете велосипед Салливэн был отправлен почтой к ней домой в Калифорнию, пока она переносила многочисленные операции и реабилитационную терапию переломанных костей.

Салливэн пыталась продолжать свою карьеру суррогата, но без особого успеха. Теперь, когда ее роскошное лицо было обезображено, анонимные мужчины смотрели на нее совсем иначе. Это был жестокий урок о том, какую роль играет красота в уравнении между любовью и сексом. «Я не сознавала, что именно поэтому у меня было столько клиентов, – замечала она. – Я думала, это потому, что я езжу на конференции и рассылаю свое резюме. Вот уж нет – просто я была молода и красива. Говорят же, что мужчины больше возбуждаются визуально».

Через несколько месяцев Мастерс приехал в Калифорнию, чтобы прочесть лекцию в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. После лекции Салливэн подошла к нему, неуверенная, что он ее узнает. Он вежливо расспросил ее, как проходит выздоровление, а потом поинтересовался, готова ли она по-прежнему работать суррогатом.

Все случаи у Мастерса и Джонсон были непростыми, а этот новый представлял особую проблему. Клиент был богатым молодым педофилом. Как какой-нибудь Гумберт из реальной жизни, он сходил с ума по несовершеннолетним девочкам, детям проституток, с которыми встречался в своем родном городе. «Он подбирает шлюх, трахает их дочерей и считает себя их благодетелем, – рассказывала Салливэн. – В мыслях он представляет, будто он их папочка – покупает им велосипеды, красивые подарки и всякое такое. Ну, и трахает их между делом. Ему казалось, что он «спасает» их от матерей, которые продавали

их ради секса». По воспоминаниям Салливэн, этот клиент долгое время провел в клинике Мастерса и Джонсон, выполняя часть программы реабилитации, которую назначил ему суд.

Мастерс попросил, чтобы Салливэн вместо проведения обычной 10-дневной программы сеансов прожила с этим клиентом три месяца. Его знакомые заплатили ей 10 000 долларов. Мастерс хотел преобразовать педофилию этого молодого человека во влечение к физически зрелым, гетеросексуальным женщинам.

В конце концов у Салливэн закончился весь ее репертуар уговоров и ласк – и все это лишь вызывало у клиента крайний дискомфорт. Она так и не смогла добиться от него эрекции. Они проводили вместе по 24 часа в сутки, пока не устали от общества друг друга. «Ничего не получалось. Он не проявлял ко мне интереса. Нельзя запереть в комнате любого мужчину с любой женщиной и рассчитывать, что они непременно станут любовниками. Я была для него чем-то вроде мебели».

Эта неудачная попытка стала последним «сольным выступлением» Морин Салливэн в Сент-Луисе. Она уехала домой с полученными деньгами, прошла серию пластических операций, восстановивших ее внешность, и вскоре вышла замуж. За время своих визитов в Сент-Луис она так и не познакомилась с Вирджинией Джонсон.

Несмотря на все юридические и этические сомнения использования «суррогатов», включая эмоциональную жертву со стороны женщины, вовлеченной в решение такой задачи, Салливэн «никогда не чувствовала никакой эксплуатации» со стороны Мастерса или любого из его сотрудников. Оглядываясь назад, она говорила, что «суррогаты» предоставляли очень нужную форму услуг, особенно для одиноких, разочарованных и сексуально дисфункциональных мужчин. Те, кто осуждал такую практику, часто делали это по причине своего невежества и страха перед сексом. «Мы берем плату не за секс, – утверждала Салливэн двадцать лет спустя. – Мы берем плату за то, что учим сексуальности – и секс здесь самое последнее дело. Но некоторых людей невозможно переубедить».

Глава тридцать пятая
Кризис

«Эпидемия СПИДа откатила большое гнющее бревно и явила миру всю кишащую под ним жизнь, поскольку она затрагивает одновременно все главные темы нашего существования: секс, смерть, власть, деньги, любовь, ненависть, болезни и панику».

Эдмунд Уайт

Генеральный прокурор США Эдвин Мис III встал перед «Духом Справедливости» – большой статуей в стиле арт-деко, изображающей полуодетую Справедливость с одной обнаженной грудью, чтобы зачитать отчет своей комиссии 1986 года, осуждающий порнографические изображения в Америке. Объявив войну непристойности, главный законник администрации Рональда Рейгана утверждал, что разгульные дни «сексуальной» революции сочтены.

«Хотя в нашем обществе немало людей, которые выступают за сексуальность без обязательств, никто из нас не считает, что это хорошо», – заявлял отчет Миса, прозвучавший на пресс-конференции в Большом зале министерства юстиции. Главный врач США Эверетт Куп, присоединившийся к кампании Миса, настаивал: «Мы знаем достаточно, чтобы прийти к выводу, что порнография представляет опасность для американского общественного здоровья».

По мнению многих консерваторов, откровенное распространение сексуальной информации, олицетворением которого были Мастерс и Джонсон, открыло врата болезням и нравственной испорченности, превратив Америку в современные Содом и Гоморру. Они верили, что постоянные разговоры в СМИ об оргазмах и вседозволенности привели к лавине добрачного секса, адюльтеров, абортов, гомосексуальности и разрушенных браков. Их религиозные чувства оскорбляли кино и кабельное телевидение, демонстрировавшие обнаженное тело, и радиопередачи, в которых обсуждались противозачаточные таблетки, презервативы и вибраторы. Некоторые проповедники рассматривали смертоносную эпидемию СПИДа 1980-х годов как

разящую молнию с небес, как воздаяние от Бога за сексуальный мятеж, начавшийся в 1960-х. «Я вижу определенное духовное возрождение общества, которое ушло слишком далеко в сторону сексуальной свободы», – объявлял Пэт Робертсон, телепроповедник «Христианской вещательной сети».

Такие люди, как Кристи Хефнер, глава «Плейбой Энтерпрайзис» и член совета попечителей Института Мастерса и Джонсон, публично бросили вызов отчету Миса, но вскоре обнаружили, что министерство юстиции лишило сеть *7-Eleven* и другие универсальные магазины права продавать журнал. Потребовался федеральный иск, чтобы вернуть «Плейбой» обратно на полки с замороженными коктейлями и чипсами.

Мастерс и Джонсон не стали комментировать отчет комиссии Миса. Однако к середине 1980-х они лишились иммунитета против общественных нападок. В прежние годы комментаторы рассыпались в комплиментах не только благодаря их впечатляющим открытиям, но и потому, что супруги умело поддерживали свой имидж. «Мастерс был богоподобной фигурой, которой боялись бросить вызов», – говорил репортеру журнала «Тайм» психиатр Рауль Скьяви в 1983 году.

В книгах Мастерс и Джонсон признавали некоторые свои огрехи, в особенности при выборке объектов для исследований. Почти все волонтеры оказывались представителями среднего класса, с высшим образованием и с «фундаментальной заинтересованностью… в сексуальной результативности». Лишь немногие были из бедных семей, цветными или представителями других меньшинств. «Мастерс и Джонсон изучали энтузиастов оргазма из среднего класса (которые без проблем могли достичь кульминации, даже когда за ними наблюдали в лаборатории), – замечала критик Дебби Натан. – Едва ли это типичная группа; но с полученными данными Мастерс и Джонсон разработали цикл сексуальной реакции, который, как они утверждали, был гендерно нейтральным и применимым ко всем человеческим существам». Джун Доббс Баттс, единственная афроамериканка среди сотрудников института, пыталась расширить палитру участников, но меньшинства не желали участвовать в программе Мастерса и Джонсон. «Чернокожим было почти стыдно признавать, что у них есть какая-то проблема», – рассказывала Баттс.

К концу этого десятилетия Мастерс и Джонсон столкнулись с возраставшим скептицизмом, который начался с нападок издания «Сайколоджи Тудей» (*Psychology Today*) на предполагаемую 80-процентную успешность их терапии. В главной статье выпуска 1980 года, написанной Берни Зильбергельдом и Майклом

Эвансом, утверждалось, что «Человеческая сексуальная неадекватность» основана на неточных критериях, и ее результаты никогда не были воспроизведены другими. «Исследования Мастерса и Джонсон полны изъянов, методологических ошибок и небрежных отчетов и не могут отвечать обычным стандартам – даже их собственным – при оценке исследования», – обвиняли авторы. Зильбергельд, клинический психолог из Беркли, штат Калифорния, и Эванс, также психолог, не подвергали сомнению физиологические открытия «Человеческой сексуальной реакции». Напротив, они говорили, что репутация, полученная в результате добросовестных научных исследований для первой книги Мастерса и Джонсон, «создала эффект нимба», который повлиял на восприятие их дальнейших работ. Эти два критика также подвергли сомнению утверждения о конвертировании гомосексуалов в гетеросексуалов. «Многие из их пациентов не были настоящими гомосексуалами», – писали они о выборке волонтеров, предполагая, что те были бисексуалами или «запутавшимися» гетеросексуалами. (Другие критики «Гомосексуальности в перспективе» указывали, что в книге мало упоминаний о ректальном соитии – еще один признак неверной выборки пациентов.)

Когда редакторы «Сайколоджи Тудей» попросили Мастерса и Джонсон ответить на эти обвинения, те отказались. «Нашей политикой всегда было не отвечать на критику ни на каком популярном форуме», – настаивала Джонсон – странная позиция, поскольку значительное количество их работ публиковалось в популярных книгах и журналах, не рецензируемых коллегами. Еще одна дискуссия возникла в 1983 году, когда Филипп Нобиль, редактор журнала «Форум», выпускаемого «Пентхаусом» Боба Гуччоне, опубликовал сходные обвинения. Мастерс и Джонсон поняли, что больше не могут отмахиваться от своих критиков с прежней легкостью.

Роберт Колодны подготовил статью для Журнала секс-исследований (*The Journal of Sex Research*) – «чтобы прояснить некоторые недоразумения». Он подчеркнул, что конкретные медицинские случаи определялись в терминах неудачи, а не успеха, а статистика составлялась в *«самой консервативной манере из всех возможных»*. Например, дисфункциональный мужчина, достигший «хороших, твердых эрекций» в трех случаях соития за время терапии, мог бы показаться примером удачного лечения. Но если тот же самый мужчина перенес «три другие эпизода эректильного фиаско», в учетных книгах клиники его помечали как «неудачу». Аналогичным образом, считалось, что женщина

терпела неудачу, если «не достигала оргазма в последовательной манере во время сексуальных возможностей». Даже если сексуальная функция восстанавливалась после возвращения домой или пациент вновь обращался в клинику и добивался успеха со второй попытки, он по-прежнему считался «неудачей» с точки зрения статистики.

Воспроизвести результаты Мастерса и Джонсон было трудно, писал Колодны, потому что другие терапевты часто не раскрывали итоговую статистику, не работали с пациентами достаточно тщательно или полагались на амбулаторную терапию с одним сеансом в неделю вместо интенсивного двухнедельного курса. Тем не менее среди 1872 первичных гетеросексуальных случаев, которые вела команда Мастерса и Джонсон с 1959 по 1977 год, уровень «успеха» составил 81,8 процента. Для сравнения: 86 процентов обратившихся за лечением искали психотерапевтической помощи в других местах, и «менее чем у пяти процентов» наступили улучшения, пока они ждали возможности начать терапию.

Выступая перед Мировым конгрессом по сексологии в Вашингтоне в 1983 году, Колодны, Мастерс и Джонсон подчеркнули, что их коллеги «прослушивали бесчисленные аудиозаписи терапевтических сеансов», оценивая долгосрочные результаты их терапии. «Нет никаких так называемых секретов», – настаивали они. Критики просто не понимали, что Мастерс и Джонсон провели свое долгосрочное исследование без всяких правительственных грантов, оплачивая его из собственных частных гонораров. На этом форуме они признали, что их работа «была не вполне идеальной», но просили, чтобы ее «судили в свете сегодняшних знаний, здесь и сейчас». Большинство представителей этой сферы по-прежнему смотрели на них как на героев, но и эти ученые надеялись на более основательное научное подтверждение. «Пока мы не сможем воспроизвести их работу, – говорил психолог Пол Перселл из Института исследований секса, – мы будем либо благоговеть, либо завидовать, либо сомневаться в ее надежности».

После утомительного перелета через Атлантический океан в марте 1988 года Главный врач США Эверетт Куп получил срочное сообщение от своей жены Бетти. Она предупредила его о споре вокруг последней книги Мастерса и Джонсон – разоблачения кризиса СПИД и его угрозы гетеросексуальному населению. «Моя жена услышала по телевизору, будто бы эта книга доказывает, что СПИД переносится побочными методами, – вспоминал Куп. – Она хорошо знала, что̀ я говорил публике и в чем состояли мои опасения».

Главный врач летал в Лондон на медицинскую конференцию в связи с зарождающейся эпидемией СПИДа. За время его пребывания на посту смертоносный вирус, передаваемый преимущественно во время секса или совместного пользования иглами для внутривенных инъекций, унес тысячи жизней. Первые фатальные исходы настигали в основном гомосексуальных мужчин, в том числе актера Рока Хадсона, голливудского приятеля президента Рейгана, и наркоманов, распространявших вирус через грязные иглы. Почти пять лет администрация Рейгана медлила с реакцией на «чуму XX века», в которой многие винили сексуальную революцию и падение нравов. Наконец в 1986 году Куп организовал специальную комиссию по изучению СПИДа и начал предостерегать американцев о риске, с которым они сталкивались.

Этот бывший педиатр, который в свое время сравнивал аборты с Холокостом, оказался в уязвимой позиции, обучая народ пользоваться презервативами ради предотвращения СПИДа и одновременно превознося целомудрие вне брака. «В начальные дни СПИД-кризиса я рассказывал людям не только о том, как можно подцепить СПИД, но и как его *не* подцепить, – рассказывал Куп. – Ходили всевозможные слухи. Например, что его переносят москиты. Что можно заразиться, когда пьешь воду из одного стакана, пользуешься одним полотенцем и клавиатурой печатной машинки, берешься за ручки портфеля, за дверные ручки. И все это ужасно всех нервировало».

Новая книга «КРИЗИС. Гетеросексуальное поведение в эпоху СПИДа» была написана в основном Колодны, но его соавторы Мастерс и Джонсон были примелькавшимися лицами на телевидении и на пресс-конференциях. Поместив на обложке фотографию пустой незастеленной кровати, «Ньюсуик» приводил выдержки из их «противоречивой новой книги». Самая известная пара знатоков человеческой близости утверждала, что правительство замалчивает угрожающую сексуальную проблему, которая может убить кого угодно. Они писали: по меньшей мере три миллиона американцев заражены вирусом – вдвое больше официальных оценок, – и риск гораздо выше, чем признавали приближенные к правительству ученые, кормившие население «ложью во спасение». По их словам, люди рисковали заразиться вирусом СПИДа, по крайней мере, теоретически, через укусы москитов, туалетное сиденье, «французские поцелуи» или при любой ситуации, в которой мог произойти незначительный перенос крови. Они предупреждали: невыявленные случаи СПИДа «ныне свирепствуют в гетеросексуальном сообществе». Как новоявленный Пол Ревир[16], пробуждающий спящих сограждан,

Мастерс заявлял: «Мы озвучиваем важное предостережение. Многие не считают ситуацию серьезной».

Куп сразу же приступил к дискредитации книги Мастерса и Джонсон. В программе «Доброе утро, Америка» он заявил, что все написанное там – неправда и противоречит здравому смыслу.

Холодный прием, оказанный книге, поставил под угрозу репутацию Мастерса и Джонсон. Джини и на этот раз не принимала серьезного участия в исследованиях. Она согласилась впрячься в общую телегу, одолжив проекту свое брендовое имя. Она больше не могла, как прежде, положиться на Мастерса в том, что он проверит все утверждения и позаботится, чтобы они опирались на прочный фундамент – медицинский и научный. Эту задачу Джонсон препоручила Колодны и без колебаний обвинила бы его, если бы что-то пошло не так. К тому времени бывший наследник их клиники уже строил собственную карьеру, однако их партнерство в написании книг осталось неизменным. Объясняя свою роль в создании «Кризиса», Джонсон изображала себя заложницей коллег, сознававшей опасность, но не способной ничего изменить. «Это не было наше произведение – его создал Боб, – писала Вирджиния, дистанцируясь от книги годы спустя. – Я умыла руки и вообще не читала последние варианты. А что я могла сделать?».

Джонсон возлагала вину за провальную пресс-конференцию, посвященную «Кризису», на Колодны. Они с Мастерсом надеялись повторить свой прежний медиа-успех, когда журналисты научно-популярных изданий почтительно расспрашивали об их открытиях во время круглых столов, похожих на семинары. Но Колодны согласился на полномасштабную пресс-конференцию в бальной зале нью-йоркского отеля, где они столкнулись со стаей медиа-акул, жаждущих крови. «Там были телерепортеры со своими камерами, мешавшие представителям печатных СМИ, и они дрались между собой за место», – вспоминала Джини. Колодны тоже пришел в ужас. «Три сотни репортеров, набившихся в помещение, перекрикивали друг друга и вопили, – писал он. – Один парень орал: «Билл, сколько вам заплатили, чтобы вы продались под это?!». Это было что-то невероятное».

Под слепящими софитами, светившими прямо в лицо, Джонсон резко отмела предположения о том, что их книга написана по коммерческим соображениям. Она раскритиковала неповоротливую реакцию правительства на СПИД, эту болезнь-убийцу. Однако недостатки в логических выводах Мастерса и Джонсон были очевидны. Некоторые данные для книги, основанные на исследовании 800 мужчин и женщин в Атланте, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Сент-Луисе, были получены всего за

считанные месяцы до публикации. «Нас подгоняла срочность, необходимость донести эту информацию до публики», – объяснял Мастерс, не извиняясь за нарушение собственных принципов. Учитывая опасность СПИДа для здоровья граждан, говорил Мастерс, он не хотел тянуть «ни одного года», дожидаясь, пока их работа будет оценена каким-нибудь профессионально рецензируемым журналом. Особенно незащищенными они оказались в своем самом громком утверждении о том, что вирус СПИДа «свирепствует» среди гетеросексуалов.

– Я просто в это верю, – объявил Мастерс, словно его слова было достаточно.

Джонсон дала еще более неубедительный ответ.

– Я не уверена, что мы сами выбрали термин «свирепствует», – лицемерно проговорила она.

Сразу после этого «разноса» состоялась еще одна бурная пресс-конференция в Манхэттене, организованная Матильдой Крим, главой Американского фонда исследований СПИДа, и другими специалистами здравоохранения. Еретическая книга снова была предана анафеме. Крим, ученый-исследователь и супруга богатого нью-йоркского чиновника от кинематографа, отругала Мастерса и Джонсон, как школьная учительница нерадивых учеников. «Со стороны Мастерса и Джонсон – общеизвестных имен для нашей страны – повторение теоретических домыслов, касающихся передачи СПИДа, не служит никакой иной цели, кроме разжигания бессмысленной истерии», – сказала Крим. Присоединился к общему хору и Стивен Джозеф, комиссар здравоохранения Нью-Йорка: «Я не вижу в их данных ничего такого, что ведет к скоропалительным утверждениям о бытовой передаче и обязательной всеобщей проверке».

Мастерс, Джонсон и Колодны призывали проверять на СПИД беременных женщин, поступающих в больницы пациентов от 15 до 60 лет, осужденных проституток и всех, кто запрашивал лицензию на брак. Они полагали, что анализы будут разумной защитной мерой против распространения СПИДа. Однако правительственные чиновники воспротивились обязательному проведению анализов. Хотя Мастерс и Джонсон повторяли идеи документальной книги Рэнди Шилтса «А оркестр все играл» и других работ, направленных против политики администрации Рейгана, эксперты по СПИДу резко возражали против предложенных ими средств разрешения кризиса.

Архитектор-составитель книги Колодны наблюдал эту реакцию в полном смятении. Два года он слушал, как эксперты здравоохранения говорили о гетеросексуальных случаях СПИДа и

требовали более всеобъемлющего рассмотрения проблемы. Центры контроля и профилактики заболеваний в США еще не проводили широкомасштабного опроса по подверженности вирусу в среде гетеросексуалов. В отличие от предыдущих поколений американцев, бэби-бумеры никогда не сталкивались с эпидемиями венерических заболеваний и уж точно не имели дела со столь смертоносными последствиями. «У поколения, выросшего на пенициллине и антибиотиках, историческая связь сексуальной распущенности с болезнями утратила свою силу как поведенческий ингибитор», – замечали историки Джон д'Эмилио и Эстелла Фридман.

На заре СПИД-кризиса эксперты здравоохранения возражали против навешивания на эту болезнь исключительно гомосексуального ярлыка. По просьбам других исследователей Колодны убедил Мастерса и Джонсон подать голос, чтобы помочь избежать сексуальной катастрофы.

Однако после дебюта «Кризиса» несколько гей-лидеров, которые, как считал Колодны, должны были поддержать главную идею книги, пришли в ярость. Они не только возражали против обязательного проведения анализов; им не понравился статистический портрет молодого гомосексуального мужчины, который игнорировал угрозу СПИДа.

Со временем выяснилось, что главные открытия книги были точны. Число гетеросексуалов, зараженных СПИДом, резко выросло в 1990-х, когда это заболевание распространилось из западных стран в «третий мир». В 1996 году объединенная комиссия ООН сообщила, что «случаи СПИДа, связанные с гетеросексуальным контактом, составляют возрастающую часть вновь поставленных диагнозов в Северной Америке», причем гетеросексуальная передача была ведущей причиной распространения в Азии и Африке. Даже выводы, над которыми раньше смеялись, такие как связь между длительными «французскими поцелуями» и распространением СПИДа, теперь воспринимались всерьез. Веб-сайт Центра контроля заболеваний повторил старые предостережения из книги Мастерса и Джонсон. «Продолжительные поцелуи с открытым ртом могут нарушить целостность слизистой и позволить ВИЧ перейти от инфицированного человека к партнеру», – предостерегало федеральное агентство. В 2008 году Центр признал, что занижал ежегодные показатели вновь зараженных ВИЧ в стране до 40 процентов.

Оглядываясь назад, Колодны был недоволен поверхностностью книги, особенно термином «свирепствует» в описании распространения болезни среди гетеросексуалов. Но в

то время критики обвиняли Мастерса, Джонсон и их соавтора в эксплуатации кризиса общественного здравоохранения. Майкл Фументо в журнале «Нью Репаблик» назвал их произведение «классикой жанра ужасов»: «После многих лет, когда они говорили нам: «Получайте удовольствие! Занимайтесь сексом до упаду без чувства вины!», – теперь их оскорбляет, что люди именно этим и занимаются». Даже их покровители в «Плейбое» были разочарованы.

Старые друзья не понимали, как Мастерс позволил вовлечь себя в эту авантюру. «Билл Мастерс, которого я знала, никогда не написал бы такую книгу, – говорила нью-йоркский терапевт Дагмар О'Коннор, которая стажировалась в клинике Сен-Луиса в начале 1970-х годов – Он был честным исследователем. Должно быть, с ним что-то случилось». Роджер Креншо, психиатр, работавший в штате клиники в 1973–1974 годах, говорил, что слава Мастерса и Джонсон привела к чрезмерному делегированию ответственности. «Роберт Колодны оказал больше неуместного влияния на Билла, и уж точно – на Вирджинию, чем следовало бы», – замечал он. Вирджиния Джонсон тоже старалась перевести стрелки на Колодны, не признавая за собой никакой вины. «Его [Колодны] немного занесло, – объясняла она. – Боб был молод… и подчеркивал, скажем так, *провокационные* аспекты. Он ценил эту манеру Мастерса и очень старался ей подражать».

«Кризис» заставил Вирджинию посмотреть в лицо правде: их партнерство распадалось. Много лет она утешалась деньгами и признанием. Но теперь Джонсон пришла к убеждению, что они с Мастерсом больше не могут продолжать жить, как раньше. Что-то должно было измениться.

Глава тридцать шестая
Разрыв

Из-за занавески смотровой Билл Мастерс поманил пальцем помощника директора Роберта Мейнерса. Он проводил физическое обследование женщины средних лет и хотел, чтобы Мейнерс собственными глазами увидел вагинизм.

Мейнерс, заменивший в клинике Роберта Колодны, никогда прежде не входил в смотровую в такие моменты. В отличие от своего предшественника, он не был врачом, а имел докторскую степень по теологии. Мастерс нанял его заниматься психосексуальными проблемами, вызванными долгим засильем пуританства в Америке. «Билл считал, что мужская дисфункция в значительной мере была результатом косных религиозных взглядов, – объяснял Мейнерс. – Когда в ранней юности людям навязывают негативные суждения о сексуальности, это влияет на мужскую эрекцию». Мейнерс говорил мужчинам-пациентам, испытывавшим чувство вины из-за мастурбации, что прикосновение к себе не вредит их сексу с женами. В лечении пациентов Мейнерс не особенно опирался на Библию или на обожествляемого Зигмунда Фрейда. Он просто следовал программе упражнений «чувственного фокуса», пока терапия не давала свой волшебный эффект. Однако не имеющему медицинского диплома сотруднику не полагалось смотреть на обнаженную женщину. Записывающие устройства, которыми была напичкана вся клиника, позволяли командам терапевтов слышать все происходящие разговоры. И когда Джонсон поняла, что Мастерс пригласил Мейнерса, случился взрыв.

Джонсон ворвалась в смотровую, задернула занавеску и в крайнем гневе выгнала Мейнерса вон.

– Держитесь подальше от смотровой! – сделала она ему выговор. – Вы – *не* врач.

Подобные стычки стали постоянными для Мастерса, который растерял значительную часть своих врачебных навыков и утрачивал остроту ума. Он больше не мог с ходу дать правильный ответ на любой вопрос, как было когда-то. Дерзкая амбициозность и работоспособность переродились в сентиментальность. Приступы болезни Паркинсона и возраст начинали играть с ним дурные шутки. Ближе к своим 60 годам он отказался от акушерства, говоря, что вставать в три часа ночи, чтобы принимать младенцев, – это игры для молодых. Он перестал было проводить гинекологические операции, затем вернулся к

хирургии, чтобы плата за его услуги поддерживала институт, но снова отказался от них, когда не смог держать скальпель. Билл ощущал эти перемены, но, будучи человеком гордым, держал это при себе.

Одна из историй его угасания была связана с Пегги Шепли, женой председателя совета попечителей института Этана Шепли-младшего. До того как выйти замуж во второй раз (за Этана), Пегги стала гинекологической пациенткой Мастерса, в основном из дружеской любезности. Около 1985 года, приближаясь к своей пятидесятой годовщине, она пришла к Мастерсу на ежегодный осмотр и заговорила о том, что хочет сделать маммографию.

Он отреагировал недовольным тоном:

– Не думаю, что в этом есть необходимость.

Мастерс провел обследование ее груди и тазовых органов и объявил, что она здорова.

Пегги не удовлетворилась результатом осмотра. Она пришла на прием к главе хирургического отделения больницы св. Луки в пригороде Сент-Луиса, который провел еще одно исследование, назначил маммографию и обнаружил у нее рак груди. Реакция Мастерса, когда она рассказала ему об этом уже после лечения, была шокирующей.

– Он потрепал меня по плечу и сказал: «Я рад, что ты оправилась от того, что, по твоему мнению, у тебя было», – вспоминала Пегги. – Я говорю: «Билл, я думаю, очень важно, чтобы женщины, особенно женщины старше пятидесяти или даже сорока лет, проходили базовую маммографию». А он просто отмахнулся от этого. Он даже не подумал, что это правда – что это была не моя фантазия, а настоящий рак.

Для Вирджинии Джонсон перемены, происходившие с ее 75-летним мужем, человеком, который дал ей так много, были болезненно очевидными. Его когда-то властный голос был теперь напряженным и слабым. Во время выступлений на медицинских семинарах Билл страдал от «мелких срывов» – провалов в мыслях, хаотичных комментариев, которые подмечали посторонние. Во время одной встречи друзья выразили беспокойство по поводу Мастерса, и Джонсон честно рассказала им, что он болен болезнью Паркинсона. Когда Мастерс догадался, что они узнали о его проблемах со здоровьем, он напустился на жену, точно она выдала величайшую тайну.

– Билл, у тебя дрожат руки. Ты запинаешься на презентациях, – ответила она. – Лучше пусть они знают и проявляют сочувствие, чем теряются в догадках.

К 1990 году количество пациентов в Институте Мастерса и Джонсон сократилось наполовину – до 125 в год. В клинике

Мастерс стал второстепенной, почти теневой фигурой, подчиняясь суждениям жены. Он продолжал готовить терапевтов, хотя уже не так часто принимал пациентов.

Сотрудники ценили приветливость Мастерса в сравнении с властностью Джонсон и защищали угасающего старика, которым искренне восхищались. Между тем готовность Вирджинии мириться с закатом мужа была на исходе. Она часто с раздражением говорила о Билле и не проявляла никакой привязанности к нему.

Снижение доходов от бизнеса заставило Джонсон единолично принимать множество трудных решений. Мастерс не желал или уже не мог смотреть в лицо мрачной реальности. Без правительственных грантов на исследования и с пересыхающим ручейком частного финансирования институт был вынужден переходить на режим экономии. Еще раньше пришлось закрыть эндокринологическую лабораторию клиники – источник большинства исследований, финансируемых фармацевтическими фирмами, – и распрощаться с талантливыми исследователями. Марк Шварц ушел и открыл собственную практику в Новом Орлеане. Ванда Боуэн, которая некогда была блюстителем внутреннего кодекса клиники, личный адъютант Джонсон, ушла со скандалом. Мэй Биггс, пожалуй, самого талантливого терапевта института, попросили уволиться в 1988 году.

Джонсон нужен был в клинике кто-то, кому она могла бы довериться. Она хотела уйти на покой и передать свои обязанности заместителю. Естественным кандидатом на эту должность стал Уильям Янг, муж ее дочери.

Дети Вирджинии, Скотт и Лиза, были теперь взрослыми людьми. Джонсон часто мучилась чувством вины из-за того, что пропустила много важных моментов их детства. Ее отношения с Лизой складывались непросто. «Сын – моя гордость и радость, – объясняла она. – А дочь всегда была диковатым ребенком».

В свое время Лиза познакомилась с Уильямом Янгом, священником баптистской церкви, и вышла за него замуж. Янг не так уж много знал о секс-терапии, когда заступил на свой пост в клинике тещи. «Многим людям кажется странным, что баптист рассматривает сексуальность как дело своей жизни, – говорил Янг репортеру. – Но я всегда проповедовал, что сексуальность – вещь не только здоровая и естественная, но еще и богоугодная. С ней, как с огнем: главное – как мы ее используем». Многие в клинике были невысокого мнения о его способностях в качестве терапевта, но выбор Янга оказался верным решением. Со временем он стал директором института, заменив на этом посту Мейнерса, которому предложили менее значимую должность за меньшую

плату.

Живший в то время в Нью-Йорке Хауи Мастерс был опечален переменами в институте. Несмотря на эмоциональную отстраненность, он уважал отца как человека, который говорил ему неприукрашенную правду. Хауи женился на Виктории Бейкер, своей коллеге, продюсере и директоре *ABC News*. В числе его творческих достижений был ряд документальных фильмов и недолгий период работы в вечерних новостях с Питером Дженнингсом. Хауи не понимал, почему отец позволил Джонсон сделать новым лидером клиники своего зятя. «У Билла Янга вообще не было никакой реальной подготовки для такого поста, – говорил Хауи. – Уже по одному этому можно было судить, что институт умирает».

Перестав заниматься делами института, Джонсон оставила позади самые крепкие узы, связывавшие ее с Мастерсом, – их работу. «Думаю, Джини устала от всего этого, – объяснял Хауи. – Она человек беспокойный, в отличие от него. Честное слово, он мог бы вставать каждое утро, надевать один и тот же галстук-бабочку, идти одной и той же дорогой на работу и садиться за стол, чтобы бороться с одними и теми же проблемами, всю следующую сотню лет, если бы сумел столько прожить, – и был бы счастлив».

С болезнью Мастерса отчуждение Джонсон только усилилось. Билл предпочитал дома смотреть футбольные матчи или читать какой-нибудь детективный роман, в то время как Джини предпочитала общение. Она ездила бы на торжественные банкеты каждый вечер, если бы было возможно. Ей доставлял удовольствие тот факт, что, когда они были знаменитостями, все хотели быть рядом с ней. Билл находил все это скучным.

В годы заката Билла Джини заботилась о нем, как верная жена. Близкие друзья и коллеги восхищались ее преданностью. Она знала его лучше, чем любой другой человек, и понимала, как много значит для него клиника. «Я провела с ним десять ужасных лет, – рассказывала она. – Мастерс к тому времени уже жил в стране своих фантазий. У меня была возможность избавиться от него, но я не могла себе этого представить».

Друзья в Сент-Луисе говорили, что Джини чувствовала себя пойманной птицей, связанной узами, в которых больше не было любви – если это чувство вообще существовало между ними. Они наблюдали бесстрастное взаимодействие двух партнеров и недоумевали, почему Джини, живая, привлекательная женщина, остается рядом с этим эгоистичным, черствым мужчиной. Временами они видели, что Джонсон по горло сыта требованиями Мастерса. Дона Уилкинсон, жена футбольного тренера и член

совета попечителей института, вспоминала маленький званый ужин человек на двенадцать, в числе которых за столом сидели Билл и Джини. За весь вечер Мастерс не проронил ни слова, точно ребенок, которого уволокли из дома против его воли. Билл и Джини рано ушли с вечеринки, и Уилкинсон так описывала реакцию на них своих гостей: «Все говорили друг другу: «Ой, какая чудесная Джини, просто замечательная. Но, Боже мой, *он*-то какой странный!».

Джини порой вслух строила планы, как однажды уйдет от Билла. Она горько сокрушалась, что ей придется провести остаток своей жизни с мужчиной, который предпочитает в одиночестве сидеть в гостиной в пижаме, смотря по телевизору спортивные передачи. Она поговаривала о своем уходе из клиники. Теперь уже скоро, говорила она, скоро она расстанется с миром Билла, с той эмоциональной орбитой, в которую она была включена почти всю свою взрослую жизнь. Уилкинсон сомневалась, что подруга когда-нибудь сдержит свое обещание. «Можно любить человека, не будучи в него влюбленной, – объясняла она, описывая дилемму Джонсон. – Любить то, что он олицетворяет. Любить сотрудничество и партнерство в работе. Любить признание. Но любишь ли ты этого *человека*? Это совсем другой вопрос».

В канун Рождества Джонсон пригласила Лизу, Уильяма и двух их детей, Анну и Ларк, на традиционный праздничный ужин. Стол ломился от яств. Мастерс открыл бутылку шампанского, и они начали произносить тосты друг за друга. Дом сиял от пламени свечей, украшенный гирляндами и большой наряженной елкой, под которой они обменялись подарками.

Когда семейство окончило трапезу, Билл поднялся и откланялся.

– Я очень устал, – сказал он утомленным голосом и без дальнейших объяснений ушел наверх, в спальню.

Оставшись за столом, Джини продолжала развлекать близких, пока они не решили, что пора ехать домой. Она расцеловала на прощанье внуков, болтая с ними о том, какие подарки Санта может принести им к следующему утру. Затем убрала со стола, перемыла посуду и следом за мужем отправилась в постель.

Билл не спал – ждал ее. По своему обыкновению, он не стал мямлить и выбирать слова.

– Я хочу развода, – объявил он.

В не терпящих возражения словах он объявил, что их семейная жизнь, длившаяся 21 год, окончена. Ибо он нашел – снова – единственную истинную любовь своей жизни.

Глава тридцать седьмая
К розам

Джеральдина Бейкер-Бекер-Оливер возобновила знакомство с давно потерянным другом Уильямом Мастерсом и познакомилась с его женой, когда знаменитые исследователи секса в 1980-х годов посетили Аризону. Из своего дома в Таксоне Джеральдина и ее муж Билл Хьюм Оливер, инженер на пенсии, проделали на машине немалый путь, чтобы побывать на их выступлении. После лекции обе пары пошли вместе перекусить.

Незадолго до этих дружеских посиделок Билл упомянул в разговоре с Джини, что случайно столкнулся с «Доди» – так называли дома Джеральдину, сестру его приятеля по колледжу Фрэнсиса Бейкера – в лифте одного отеля. Они не виделись несколько десятилетий, признался он. Пока мы в Аризоне, предложил он, давай как-нибудь встретимся с Доди и ее мужем.

На самом деле Билл и Доди поддерживали контакт много лет, только Джини об этом не знала. «Мы никогда не теряли друг друга из виду, как бы ни поворачивалась наша жизнь, – рассказывала Доди об их телефонном общении. – Мы созванивались два-три раза в год, отчитывались друг другу о своих делах. *Нам было не все равно*».

Джини так и не догадалась, что ее муж по-прежнему обожал эту постаревшую блондинку, которую когда-то сажал себе на плечи, катаясь на водных лыжах на Рэйнбоу-Лейк. Билл никогда не рассказывал ей, как влюбился в Доди тем летом на севере штата Нью-Йорк – вероятно, то было самое счастливое время его жизни – и как надеялся жениться на ней, возлюбленной его юности. Билл не признался в своих оскорбленных чувствах, когда Доди проигнорировала его предложение о браке, оставив подаренные им две дюжины роз в больнице. Но он никогда не переставал гадать, «что было бы, если» бы они с Доди оказались вместе.

Для скептически настроенных друзей и родственников легенда о пронесенной через годы любви звучала как фантазия человека, медленно терявшего разум под воздействием болезни Паркинсона и старческого слабоумия. Но для Билла Мастерса новая встреча с Доди – теперь уже женщиной за семьдесят – стала редким даром, вторым и последним шансом.

В какой-то момент Билл собрался с мужеством, чтобы задать вопрос, который все эти годы не давал ему покоя.

– Что я такого сделал или не сделал, из-за чего ты не выбрала

меня в мужья? – спросил он.

Доди удивленно взглянула на него.

– Я думала, это *ты* утратил ко мне интерес.

В том далеком прошлом она так и не узнала, что Билл пролетел на самолете сотни миль с двумя дюжинами роз, решив таким жестом выразить свои нежные чувства. Доди решила, что Билл к ней охладел, когда он не приехал навестить ее в больнице. Поэтому она обратила внимание на другого ухажера, молодого врача по имени Чарлз Бекер. Впоследствии он стал первым мужем Доди и отцом ее четверых детей.

Мастерс не мог поверить своим ушам. Он всю жизнь был убежден, что Доди его отвергла. Билл рассказал ей, как летал за цветами, чтобы приложить букет к любовной записке, которую оставил для нее на стойке медсестры, пока она спала. Неужели она так и не увидела эти две дюжины роз на длинных стеблях?!

– Каких роз? – недоверчиво переспросила Доди. Она не представляла, о чем он говорит.

Когда они по кусочкам восстановили картину прошлого, Билл понял, что Доди выписалась из больницы на следующее утро, так и не получив эти розы. Молчание молодых людей на следующее утро – когда Билл вез Доди на самолете домой, в Буффало, и они едва ли обменялись парой слов, – было вызвано взаимным недопониманием.

«Я был просто убит. Почему так случилось? Я этого так и не узнал, – объяснял впоследствии Мастерс. – Я пронес чувство к ней через 55 лет жизни». Когда он узнал, что второй муж Доди умер от рака, Билл решил больше не упускать шанс жениться на ней, каковы бы ни были последствия.

Наутро после того как Мастерс потребовал у Джонсон развода, она позвонила Лизе и Уильяму и попросила их снова приехать к ней. Все еще в шоке, она не смогла объяснить причины их разрыва. Ее внучки, Анна и Ларк, разразились слезами. Пока Джини обсуждала со своей семьей предстоящий развод, Билл оставался на втором этаже, а затем потихоньку улизнул на работу, открыв клинику в Рождество.

После 21 года их брака задача объявить о расставании Мастерса и Джонсон легла на плечи Уильяма Янга, директора института, носившего их имена. Репортеры со всего мира устремились в Сент-Луис, чтобы выяснить, почему эти два эксперта по сексу и любви решили завершить свой долгосрочный союз. Многие годы Мастерс и Джонсон помогали супружеским парам понимать человеческую близость, консультируя их, давая практические советы, которые были рождены их совместным опытом. И вот теперь этому пришел конец. Перед репортерами

«Нью-Йорк Таймс» и других газет Янг вслух повторил вопрос, который был у всех на уме: «Я уверен, что люди скажут: «Если уж эти двое не могут между собой поладить, то кто может?»». Янг намекнул – вероятно, заботясь о чувствах тещи, – что расставание происходило по взаимному согласию, и их брак фактически прекратился уже давно. «Они увлеклись поддержанием внешнего имиджа и помощью другим парам и забыли, что у брака есть и другая сторона помимо работы».

Билл хотел жениться на Доди как можно скорее. Он перебрался из своего дома в университетском городке Сент-Луиса в спартанскую квартирку, от которой можно было пешком добираться до работы. В клинике он продолжал вести себя, как ни в чем не бывало. Давних друзей, таких как Пегги Шепли, радовало, что перспектива нового брака оживила его после многих лег угасания. Она приступила с расспросами к Джини, которая излила на подругу свое недовольство Биллом, накопившееся за многие годы.

Джини вспоминала свои возможности выйти замуж за таких мужчин, как Ной Вайнштейн и Хэнк Уолтер, о том, как она отвергла их из лояльности Биллу, ради их партнерства и семьи. «Тот факт, что он ее бросил, вызвал болезненную реакцию, – вспоминала Пегги. – Она оставалась с ним, потому что думала, что это полезно для бизнеса, и вот он уходит к женщине, которая считает его чем-то особенным! Она говорила мне: «Если бы я только знала, я бы ушла давным-давно»».

Когда Билл объявил о своих матримониальных планах – через восемь месяцев после развода с Вирджинией Джонсон – его взрослых детей это встревожило. Хауи, который знал, что отец теряет связь с реальностью, история о давно потерянной любви казалась надуманной. «Им овладела фантазия, что она все та же молоденькая девушка, за которой он когда-то ухаживал, – говорил Хауи. – Я удивлен, что она вышла за него замуж, учитывая его стадию болезни Паркинсона. Я опасался, что он не сможет дойти до алтаря». Джини подозревала со стороны Доди менее филантропический мотив: «Ей нужны были деньги».

Однако Доди считала, что Билла просто никто не понимает. «Он был очень спокойным, замечательным мужчиной с тонким чувством юмора, – говорила она. – Очень мягким и теплым, очень нежным – совершенно чудесным человеком».

Билл никогда не рассказывал ей, что не устраивало его в браке с Вирджинией, а она и не спрашивала. Доди нравилась Биллу своими безупречно подобранными нарядами, классической прической с убранными назад волосами, приветливыми манерами и благотворительной деятельностью. Она считала дурным тоном

интересоваться его личными делами. С ее точки зрения, в договорном браке с Вирджинией Билл оказался в тупике. «Не думаю, что они любили друг друга, но они хотели сохранить свою команду, – объясняла Доди. – Они делали много хорошего и внесли большой вклад в благополучие общества. Для этого требовалось немалое мужество».

В то лето 1993 года Билл вновь открыл для себя тихие радости Рэйнбоу-Лейк. После смерти матери летний дом на берегу озера перешел в собственность Доди и ее брата Фрэнсиса Бейкера, хирурга-ортопеда. Свежий горный воздух, лучи солнца, сияющие сквозь кроны деревьев, были напоминанием о безмятежных днях их юности.

Билл охотно говорил о прежних временах, но его внезапное появление в их семейной жизни застало Фрэна врасплох. После окончания медицинской школы Рочестерского университета они потеряли контакт друг с другом. Когда Билл стал знаменитостью, Фрэн следил за его успехами, но ни разу не позвонил. В то лето Фрэн припомнил все, что ему нравилось и не нравилось в Билле Мастерсе. Однажды поздно вечером, когда Доди ушла спать, Фрэн стал расспрашивать его о Вирджинии и о том, почему они поженились. Билл признался, что никогда не любил свою бывшую жену. Фрэн услышал знакомую эмоциональную отстраненность в его голосе – ту, что помнил по дням юности. «Это было очень в духе Билла, он всегда был холодной личностью», – рассказывал он.

Билл с такой же отстраненностью рассказывал о своей первой жене Либби, о детях, Хауи и Сали, и о том, что он нечасто с ними видится из-за своего загруженного работой расписания. «Не думаю, что это как-то его беспокоило, – замечал Фрэн. – Вероятно, Доди действительно была единственной любовью его жизни».

В церкви неподалеку от Лейк-Плэсида 79-летний Уильям Мастерс взял в жены свою 76-летнюю невесту Доди. Несколько друзей и коллег из Сент-Луиса прилетели на церемонию, состоявшуюся 14 августа 1993 года. После произнесения обетов Билл легонько поцеловал невесту в губы. «Ну-ну, Билл, ты способен на большее!» – рассмеялся священник. Журнал «Пипл» внес пару семидесятилетних голубков в список знаменитостей, вступивших в брак в том году. В ответ на расспросы любопытных репортеров Билл подтвердил свои прежние заявления о сексе пожилых людей. «Это продолжается, пока мы не умрем, – сказал он. – Но для меня самое романтичное – сидеть напротив нее за завтраком и смотреть на нее: она прекрасная женщина».

Хауи и Сали недоверчиво отнеслись к романтической

истории Билла о розах, которую он пересказывал всем американским СМИ. Однако, глядя на мечтательное выражение, смягчившее его обычно суровое лицо, невозможно было отрицать, что Билл счастлив. Те, кто знал Билла только как знаменитого соавтора Вирджинии и целеустремленного ученого, прикованного к своей лаборатории, не могли поверить в то, что произошло. «Люди считали, что работа была страстью всей его жизни, но оказалось, что это не так, – объясняла Джудит Сейфер, терапевт, которая работала с Биллом на последнем этапе его карьеры. – Страстью всей его жизни была Доди, его последняя жена».

Глава тридцать восьмая
Пары

– Далее в нашей программе – последнее слово в сексе от короля и королевы секс-исследований! Новая работа Мастерса и Джонсон – когда продолжится «Прямой эфир с Ларри Кингом», – протрубил ведущий *CNN,* перед тем как программа 29 марта 1994 года прервалась на коммерческую рекламу.

Вирджиния Джонсон с уложенными и высветленными почти до белизны волосами подплыла к столу и улыбнулась ведущему ток-шоу. Теперь она превратилась в довольно пышную женщину, что подчеркивал телеэкран. Джини, в которой всегда была сильна актерская жилка, старалась поддерживать образ, полный достоинства и грации, хотя то были нелучшие для нее времена. После трех десятков лет, обласканных светом софитов, наступило время последнего промо-тура для их команды – Мастерс и Джонсон.

В течение двух дней в Вашингтоне Джонсон добросовестно выступала вместе с бывшим мужем в рекламных мероприятиях проекта «Гетеросексуальность» – популяризированной версии итогов двадцатилетних исследований, проведенных ими и другими учеными. Ранее они рассказывали о своей новой книге в программе Дианы Рем на Национальном общественном радио. Но в тот вечер Мастерс не смог приехать на телевидение. Болезнь Паркинсона и начальные стадии деменции мешали его публичным выступлениям, и он быстро уставал. Поэтому было решено, что рядом с Джонсон будет сидеть Роберт Колодны – в конце концов, он написал почти всю эту книгу при очень небольшом вкладе своих соавторов.

– На дворе весна, и «птички и пчелки» вновь стали темой заголовков в человеческом мире, – начал Кинг, когда его программа возобновилась после рекламы. – Секс – это биология, психология, любовь, похоть и многое другое. А мы сосредоточимся на еще одной важной книге, написанной людьми, чьи имена стали чуть ли не синонимами секса – это Мастерс и Джонсон. Вместе со своим соавтором Робертом Колодны они создали всеобъемлющий ученый труд о любви между мужчиной и женщиной – «Гетеросексуальность».

Внимание Кинга тут же переключилось на Джонсон.

– Несмотря на то что вы и доктор Мастерс – больше не мистер и миссис Мастерс…

– Это верно, – кивнула она.

– …вы продолжаете работать вместе? – довершил свой вопрос Кинг.

У Джонсон был готов отрепетированный ответ:

– Ну, как же, конечно! – проговорила она своим певучим голосом. – Тридцать четыре года – их не вычеркнешь вместе с разводом.

Хотя Колодны изредка отвечал на вопросы, Кинг сосредоточился на Джонсон, словно она могла поделиться со зрителем поучительными сведениями о человеческом желании, опираясь на опыт собственной жизни.

– Вот вы встретились и все такое прочее… Вы когда-нибудь задавались вопросом, *что* это «такое прочее»?

Джонсон со своей вечной загадочной усмешкой мягко покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Люди говорят о химии. Говорят, что находят в другом человеке то, что им нравится, что заставляет их хорошо думать о себе. Но… нет, я не думаю, что существует одно точное научное определение любви. Их столько же, сколько мыслящих личностей.

Джонсон надеялась, что их с Мастерсом партнерство не прекратится из-за крушения брака. После 40 лет совместной работы они не могли разорвать деловые узы с такой же легкостью, с какой разорвали эмоциональные, особенно учитывая, что ее зять Уильям Янг был директором института. Джини вложила в эту клинику слишком много, чтобы допустить ее развал. Это был ее главный источник дохода – наряду с литературным сотрудничеством с Колодны. Обсуждая свой развод, Билл и Джини договорились не закрывать двери института. «Я буду вести пациентов, когда меня попросят об этом зять или Билл Мастерс, если клиент захочет, чтобы им занималась конкретная команда или лично я», – говорила Джонсон через два месяца после их рождественского расставания.

Развод для Мастерс и Джонсон должен был стать таким же, как их брак – подстройкой под потребности друг друга, лишенной каких бы то ни было страстей. Их заботы сосредоточивались преимущественно на институте, наиболее заметном продукте их союза.

На публике оба вели себя так, словно в один прекрасный день проснулись, объявили о разводе и радостно отправились на работу. Научив Америку любить, теперь они учили ее расставаться без горя и слез. Ответом были тысячи открыток, писем и телефонных звонков. «Для меня это так, будто разводятся мои мать с отцом», – говорилось в одном письме. Другой, менее сострадательный автор, интересовался: «Как вы можете помогать

другим, если не в состоянии помочь самим себе?». Некоторые авторы писем приходили к умозаключению, что у Мастерса и Джонсон возникли сексуальные проблемы, и предлагали собственные советы. «Мы отвечали им, что на самом деле помогали самим себе, – рассказывала Джонсон в интервью «Нью-Йорк Таймс». – Мы делали именно то, что хотели делать, в согласии со своими четкими и обдуманными требованиями».

Ее добродушие по отношению к разводу казалось чрезмерным. Джини даже поведала одному журналисту, что сохранила приятельские отношения с первой женой Мастерса, Либби. Она давала понять, что выросла из своей прежней роли помощницы Мастерса: «Самая приятная перемена с тех пор, как мы развелись, – это что меня стали больше воспринимать как личность. Когда мы были вместе, о нас всегда думали как о «Мастерсе и Джонсон».

И все же пресса и общество продолжали недоумевать.

– Я должен попросить вас о личном одолжении, – говорил интервьюер Национального общественного радио. – Многие наши слушатели помнят, что около года назад вы, Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон, получили развод.

– Да, так и есть, – почти жизнерадостно отвечала Джонсон.

– Люди были поражены, – продолжал радиоведущий. – Вы говорили, что продолжите работать вместе. Многие, включая меня самого, в это не поверили. Но вот, тем не менее, вы оба – здесь.

– Мы здесь и всякий раз – вместе, – подхватила она. – В наших отношениях очень высок процент профессиональной вовлеченности. Если работаешь по семь дней в неделю, год за годом, то работа становится твоим миром, ты сам становишься ею. И когда мы, наконец, добрались до точки, в которой смогли взглянуть на самих себя как индивидуальные личности, оценить, какого рода жизнь мы хотели бы вести, тогда, к счастью, у нас еще осталось довольно энергии и интереса – и того, что мне хотелось бы назвать мужеством, бодростью, если хотите – двинуться дальше, каждый своим путем.

– Вы хотите сказать супругам, которые сейчас разводятся или подумывают о разводе, что можно наслаждаться обществом друг друга и после развода? – уточнил репортер, и в голосе его явно сквозила недоверчивость.

– Безусловно, – ответил Мастерс.

Блюдя внешние приличия, Мастерс и Джонсон полетели в Денвер на празднование 25-й годовщины Американской ассоциации секс-просветителей, консультантов и психотерапевтов – организации, чье создание было вдохновлено

их новаторскими исследованиями. Они вели себя как пожилые, довольные жизнью супруги, и Джонсон всячески заботилась о заметно сдавшем Мастерсе. Она помогала ему переодеться в вечерний костюм, поддерживала, чтобы он не споткнулся, и развлекала его, чтобы ему не было скучно на официальном ужине.

Но настроение Джонсон заметно упало, когда стало ясно, что большая часть трофеев их совместной работы уйдет к Мастерсу. Не только ее друзья, но и Роберт Колодны, который обычно принимал сторону Билла, согласились, что ей досталось слишком мало.

После ухода Мастерса Джини начала искать нового мужчину. Она принимала приглашения на торжественные мероприятия и званые ужины в маленьком сплоченном кружке общественной элиты города. Ей больше не нужно было сидеть дома с мужем, который сторонился светской жизни. В ее круг входили недавно овдовевшие подруги – Пегги Шепли, чей муж Этан Шепли-младший умер в 1991 году, и Донна Уилкинсон, жена тренера Бада Уилкинсона, скончавшегося в феврале 1994 года. В трудные моменты Джонсон обращалась к ним за утешением и советом и кляла свои несчастья.

В свои почти 70 лет Джини не собиралась отказываться от образа женщины, желанной для противоположного пола. Как она упомянула в разговоре с одним репортером, ее светская жизнь состояла из «свиданий с разными мужчинами, некоторые из них старше, другие моложе меня». Возможно, в будущем, заявила Джини газете «Таймс», она снова выйдет замуж.

Через свой кружок она свела знакомство с Ли Зингейлом, которого заметила однажды вечером на банкете. Зингейл обладал красивой внешностью стареющего любимца женщин. Взгляд его голубых глаз так и плясал по лицам окружающих, а чисто выбритые щеки и подбородок подчеркивали ослепительную улыбку, открывавшую сверкающие белые зубы. Копна поседевших волнистых волос оставалась густой. Зингейл согласился быть ее спутником на одном из благотворительных мероприятий Сент-Луиса, и после этого их часто встречали вдвоем. Он был лет на восемь моложе ее.

Вскоре он подключился к бизнес-предприятиям, нацеленным на получение выгоды от известности Джонсон. Благодаря его связям и поддержке еще одного инвестора Джонсон записала аудиоролики под названием «Минутка отношений», в которых давала советы по вопросам секса и любви. Однако они так и не смогли договориться об их продаже. Разговоры о возможном телевизионном проекте также ни к чему не привели. Хотя

Зингейл был по образованию рекламщиком, Джонсон наняла его, чтобы он помог ей в написании автобиографии. Он просматривал множество фотографий и альбомов с вырезками, набитых газетными статьями о карьере Джонсон. В беседах с Джини Зингейл получил представление об ее отношениях с мужчинами. Она говорила о своих первых браках и о романе с Хэнком Уолтером. Было нетрудно понять, почему она так привлекала внимание противоположного пола. «Я уверен, что мужчин к ней тянуло, – говорил Зингейл. – У нее была индивидуальность и прекрасный голос». Однако он так и не понял, почему Джонсон вышла замуж за Мастерса: в этом партнерстве было куда больше «культурных слоев», чем он сумел раскопать.

Хотя их проекты оканчивались неудачно, Джонсон продолжала платить Зингейлу. Казалось, ее больше интересовало человеческое партнерство, чем предпринимательство. Колонки светской хроники вскоре определили Зингейла как нового мужчину, который занял в жизни Джонсон место Билла Мастерса. «Кажется, в какой-то крупной газете появилась заметка о том, что она обзавелась новым другом, и в ней упоминалось мое имя. Старые друзья звонили мне с вопросом «Как?..» – и я отвечал: «Ничего подобного!», – вспоминал Ли со смехом.

Хотя Ли и Джини смотрелись как красивая пара, оба прекрасно понимали невозможность интимной связи между ними. «Ли – гей. Я брала его с собой, когда путешествовала, – объясняла Джонсон. – Он любил ездить, поэтому я оплачивала его расходы. Он умел вписываться в любое окружение».

Зингейл намеренно не опровергал эту двусмысленность. Ранее он был женат, стал отцом и дедом, но в последние годы жил в долгосрочном партнерстве с другим мужчиной из сент-луисского общества. Джини прекрасно знала о его другой жизни. Между ними не было никаких ложных притязаний – только приятные вечера, наполненные смехом и любезными разговорами. Зингейл догадывался, что его общество нужно Джонсон «как положительный пиар», чтобы люди думали, что она нашла себе нового мужчину после Мастерса.

Их общих друзей, например Донну Уилкинсон, поведение Джини приводило в недоумение. В Сент-Луисе знали Зингейла как любезного «ходока» – мужчину, который ведет себя как очаровательный эскорт, но не интересуется гетеросексуальными отношениями. «Джини делала вид, что он – любовь всей ее жизни», – говорила Уилкинсон. Она не знала, стоит ли обсуждать прошлое Зингейла с Джонсон, или лучше просто подыгрывать – она не хотела снова видеть Джини несчастной.

Загадочные отношения Вирджинии с Ли Зингейлом

продолжались до последнего появления Мастерса и Джонсон на публике. Когда она узнала, что Мастерс собирается брать с собой Доди на интервью с Ларри Кингом и другие мероприятия, входившие в промо-тур по США, она попросила Зингейла сопровождать ее. В Смитсоновском институте Джонсон и Колодны прочли короткую лекцию, которая была хорошо принята аудиторией. Мастерс чувствовал такую слабость из-за болезни, что его участие в выступлениях свели к минимуму.

Колодны восхищался представлением, разыгранным Джонсон перед камерами под светом софитов. «Она превосходно умела говорить красиво – и не сказать ничего, – рассказывал он. – Она бралась за вопрос, в котором ничего не смыслила, делала плавный переход со словами «это напоминает мне…» – и возвращалась к чему-то, что узнала от Билла и о чем могла бы разговаривать даже во сне. В тот вечер на программе Ларри Кинга она выглядела потрясающе. У нее была настоящая харизма».

На следующий день Мастерс и Джонсон давали совместное интервью для одного из разделов «Вашингтон пост», и между ними возникло некое напряжение. Американские СМИ больше не нянчились с исследователями из Сент-Луиса. К 1990-м годам рассказ о сексе во всех клинических подробностях уже не вызывал трепета. «Пост» сварливо жаловалась, что «нет на свете двух других людей, которые говорили бы о сексе так откровенно и так аксексуально, как Мастерс и Джонсон». Репортер не упомянул Зингейла, но отметил, что новая жена Мастерса «немного напоминала Лави Хауэлл из «Острова Гиллигана»[17], вся в завитках белокурых волос и идеальном костюмчике от Шанель».

Через несколько месяцев после окончания книжного тура Джонсон и Зингейл перестали встречаться. Снова сложные отношения с очередным мужчиной в жизни Вирджинии подошли к концу.

По каким-то соображениям Джонсон вскоре согласилась присутствовать на ужине, куда пригласил ее Мастерс, который привел с собой свою новую жену.

– Я тебе рассказывал, как мы с Доди познакомились? – спросил Билл, сидя рядом с ней.

– Нет. Расскажи, – автоматически отозвалась Джини – тем же тоном, каким разговаривала с пациентами, заполняя истории болезней.

Джонсон слышала «роман о розах» достаточно, чтобы ее начинало от него мутить. С тех пор как Билл обрел последнюю в своей жизни женщину, он пересказывал эту историю в каждом интервью. И все же врожденное любопытство заставило ее терпеливо выслушать все еще раз. Скрипучий голос Билла вновь

воскрешал романтическую любовь его юности. Однако в этой новой версии он брал верх над превратностями любви и над мужчинами, которые были женаты на его возлюбленной Доди. Закончил он хвастливой фразой о втором муже Доди, с которым Билл познакомился в Аризоне.

– Знаешь, встречаясь с ним, я всегда знал, что я – лучше как мужчина, чем он, – прокаркал Билл.

Джонсон только хихикнула и перевела разговор на другую тему. От суждений Билла можно было отмахнуться как от невнятного лепета больного старика, приближавшегося к слабоумию. Однако его слова засели в ее памяти – как квинтэссенция сущности Билла Мастерса, со всей его напыщенностью и глубоко сидящими комплексами. «Вот ключ к тому, каким он был, – говорила она десять лет спустя. – Вот это – «я всегда знал, что я лучше как мужчина» – и есть его движущая сила. Всегда быть лучшим».

Глава тридцать девятая
In Memoriam [18]

Привычка Билла Мастерса ежедневно ходить на работу умирала неохотно. Приближаясь к 80 годам, он уже не мог положиться ни на свой разум, ни на тело. С уходом из клиники Вирджинии стало казаться, что Институт Мастерса и Джонсон носит неправильное название. Поток пациентов, обращавшихся за лечением, превратился в жалкую струйку. «Его занятость была минимальной», – говорил Фредерик Питерсон, который в 1994 году был последним сотрудником клиники, обучавшимся у Мастерса.

Под его руководством Питерсон составлял историю болезни супружеской пары, не имевшей секса за семь лет брака и достигшей соития через неделю лечения. Хотя институт рассыпался на части, «волшебство Мастерса в работе с этими людьми», как описывал происходящее Питерсон, позволяло оценить целительные способности терапии.

Однажды Мастерс попросил его отыскать старый фильм под названием «Женский оргазм», снятый им и Джонсон в Вашингтонском университете в 1959 году. Телевизионная съемочная группа, готовившая биографическую документальную ленту о Мастерсе и Джонсон, просила посмотреть этот запись.

Когда молодой практикант нашел пленку, Мастерс искренне обрадовался. Он установил проектор и стал показывать старый фильм Питерсону – так же, как показывал его много лет назад коллегам-преподавателям в медицинской школе. Он ни словом не обмолвился о том, кто эта обнаженная женщина, ублажающая себя на экране.

«Док купался в собственной славе, – вспоминал Питерсон. – Он давал комментарии, которые было очень трудно расслышать, указывая на изображение женщины своей тростью». Эта реликвия давних времен, времен дерзаний, была свидетельницей вершины его карьеры, когда Билл Мастерс и Вирджиния Джонсон только мечтали войти в историю медицины.

Когда пленка кончилась, Питерсон спросил:

– А кто в этом фильме был закадровым комментатором?

– Так это же я! – воскликнул удивленный Мастерс.

«Я не узнал его голос, потому что он сильно отличался от того, каким я его знал», – говорил Питерсон.

Мастерс старался поддержать свою любимую клинику новыми проектами, но ни один из них не дотянул до его прошлых

успехов. При институте был открыт центр для лечения детей, подвергшихся сексуальному насилию. Как Мастерс знал из предыдущих исследований, многие подвергшиеся насилию дети вырастали взрослыми, имевшими сексуальные дисфункции, серьезную депрессию, болезненные флэшбэки[19] и деструктивные отношения. Люди, съезжавшиеся со всех концов США, в течение месяца получали лечение и жили в помещениях, предоставленных центром. Мастерс объединил усилия с Марком Шварцем, который стал вторым директором клиники, хотя это партнерство продлилось недолго.

Билл также пытался запустить проект «горячей линии» «Информация о сексе от Мастерса и Джонсон», чтобы пользователи могли бесплатно позвонить и поговорить с квалифицированным специалистом по любому вопросу; но и это предприятие не получило развития. К декабрю 1994 года Билл уступил пожеланиям Доди и ушел на пенсию. Он собирался закрыть клинику и уехать из Сент-Луиса, где провел почти всю свою взрослую жизнь. «В моем возрасте пора немножко понюхать розы, – сказал он, уходя. – Я буду писать и читать лекции, но больше никакой терапии, никаких исследований». Вскоре он поселился в Аризоне, наслаждаясь мягким климатом и проводя время с Доди в ее старом доме.

Хауи Мастерс занялся закрытием клиники. Он согласился стать вице-президентом института и следил, чтобы документы были в порядке, пока некоммерческий исследовательский фонд заполнял последние налоговые декларации для правительства. Хауи был хорошим и любящим сыном для обоих своих родителей. Вместе с сестрой он сильно поддерживал мать Либби после их развода с отцом. Либби познакомилась с контр-адмиралом Уильямом Ройаллом, в марте 1982 года вышла за него замуж и переехала из Сент-Луиса в Мэн, где провела остаток своей жизни, занимаясь садоводством, вышиванием и общением с друзьями.

Джини никогда не понимала отношения Билла к Хауи: у нее было ощущение, что Мастерс, несмотря на свою психотерапевтическую подготовку, не вынес никакого урока из тяжелых конфликтов с собственным отцом. «[Билл] во многом вел себя с ним низко и жестоко, – вспоминала она. – У Хауи не было никаких причин любить его. Он – человек, который готовил сладкий лимонад из кислого лимона. Он куда больше похож на свою мать».

Закрывая институт, Уильям Мастерс оставил неизученными многие аспекты человеческой сексуальности, надеясь, что клиника будет заниматься ими после его выхода на пенсию. Он пытался – безуспешно – обеспечить федеральные гранты

кризисному центру для жертв изнасилования, намереваясь изучать причины и симптомы склонности к сексуальному насилию.

Нейрофизиология секса оставалась самой большой загадкой. С научной точки зрения Мастерс так и не раскрыл основополагающую тайну секса, которую подчеркнул в «Человеческой сексуальной реакции»: «на вопрос, почему мужчины и женщины реагируют именно так, а не иначе, в этом тексте ответа нет». Другие исследователи в Европе повторили и подтвердили наличие четырех важнейших фаз сексуальной реакции, которые впервые описали Мастерс и Джонсон; но сверх этого было сделано немногое. К 1990-м годам CAT-сканеры и МРТ позволили врачам заглянуть во внутреннее устройство мозга и других органов. Если бы правительство США преодолело свои моральные ограничения и обеспечило институту финансирование; если бы научное учреждение, подобное Вашингтонскому университету вновь признало его работу, чем позволило бы нанять сотрудников, полагал Мастерс, они сумели бы раскрыть намного больше тайн. Вероятно, они смогли бы дать утешение и облегчение жертвам инсульта, неврологических болезней и повреждений спинного мозга, восстанавливая некое подобие их сексуальности.

К тому времени как закрылись двери клиники, матрица, созданная Мастерсом и Джонсон, была принята по всей стране. Как их открытия, связанные с телом, опровергали взгляды Зигмунда Фрейда на женскую сексуальность, так и их терапия радикально меняла традиционные психоаналитические методы лечения людей с сексуальными проблемами. Хотя цены в их клинике с годами значительно поднялись, они оставались гораздо ниже, чем у консультантов-фрейдистов. Однако к 1994 году главная находка Мастерса и Джонсон – двойная терапевтическая команда – пала жертвой экономии, вызванной появлением медицинских страховок. При наличии двух терапевтов цена лечения вырастала вдвое, а раскрепощенным людям 1990-х было практически все равно, с кем говорить о своих сексуальных проблемах – с мужчиной или с женщиной.

Медицинская сторона секса, открытая Мастерсом и Джонсон, вступила в новую фазу «лекарственных» оргазмов. Крупные фармацевтические корпорации сорвали куш на «виагре» и других популярных методах решения проблемы эректильной дисфункции. Компания «Файзер», которая выпустила «виагру» на рынок в 1998 году, зарабатывала по 1,3 миллиарда долларов в год. В течение пяти лет после появления этого средства его попробовали более 16 миллионов мужчин. После агрессивной

рекламы на ТВ даже побочный эффект четырехчасовой эрекции никого особенно не пугал. «Любая фармацевтическая компания, выпускающая средства типа «виагры», должна быть благодарна Уильяму Мастерсу и Вирджинии Джонсон, которые сделали сексуальное здоровье вопросом общественной важности», – заявлял журнал «Плейбой».

«Виагра» и другие таблетки, пластыри и лосьоны предлагали волшебное исцеление – и для этого всего-то надо было получить рецепт. «Попроси помощи у своего врача» – советовала реклама. Медико-ориентированный подход Мастерса и Джонсон был вытеснен гарантированными «готовыми» решениями «в одном флаконе». Ученые ринулись в лаборатории, чтобы отыскать такое же средство для женщин, которым нужно было взбодрить свою сексуальную жизнь. «Журнал Американской медицинской ассоциации» (*JAMA*) писал, что 43 процента женщин и 31 процент мужчин страдают какой-либо формой сексуальной дисфункции. Половина женщин сообщала, что регулярно испытывают оргазм во время соития, но 10 процентов вообще никогда его не испытывали.

Но и к XXI веку многие трудные случаи по-прежнему нельзя было разрешить с помощью новомодных лекарств. Как подчеркивали Мастерс и Джонсон, знание половой функции не способно заменить мудрость сердца.

Терапевты винили в углублении пропасти между любовью и соитием сексуальный уклон в рекламе и онлайн-порнографию – бизнес, который, по приблизительным оценкам, всего за пять лет достиг оборота в 1 миллиард. «В каком-то смысле сегодня проблем больше, чем в 1970-х», – говорила Джойс Пеннер, которая некогда стажировалась в Институте Мастерса и Джонсон вместе с мужем Клиффом. Как и их знаменитые наставники, Пеннеры писали книги и работали вместе как супружеская команда. Они давали консервативным христианам советы по супружеской близости с благословения пасторов. Люди ныне довольно откровенны в том, что касается секса, сообщали Пеннеры, но часто не способны выразить свои сексуальные чувства друг к другу в словах. «Сложилось ложное представление – основанное на том, что мы видим по телевизору, – будто супружеская жизнь должна быть этаким гиперсексуальным приключением, – объясняла Джойс. – Порнография вызывает сильное привыкание, а потом хочется того же самого в реальных отношениях».

Однако, несмотря на все эти излишества, лишь немногие предпочли бы вернуться в старые времена. Американский секс радикально изменился меньше чем за полстолетия, и вклад

Мастерса и Джонсон в этот процесс гарантировал, что возврата не будет. Когда закрылась их клиника, нерешенными остались некоторые вечные вопросы, которые невозможно решить биологическим путем – неуловимость настоящей любви, неумение партнеров поддерживать эмоциональный контакт, неравенство половых ролей и ожиданий, нарциссизм людей, не способных к обязательствам или самовыражению.

Жизнь в Аризоне подарила Биллу Мастерсу счастье, но его здоровье ухудшалось. Доди заботилась о нуждах мужа как преданная сиделка, милая спутница его последних лет. Ее манеры казались осколком иной эпохи – она была такой же улыбчивой и не задающей лишних вопросов докторской женушкой, как и Либби в 1950-е годы. И разумеется, в Доди не было ничего от Вирджинии Джонсон с ее беспокойными амбициями и острым интеллектом.

Все, что происходило в Сент-Луисе, теперь осталось позади. Годами Мастерс запрещал сотрудникам обсуждать события внутри клиники. Десятилетием раньше он отказался от идеи мемуаров. Но после несколько праздных лет в Аризоне он почувствовал, что готов к еще одному проекту. К 1999 году Билл собрал рассказы-зарисовки из своего профессионального опыта и объявил, что готов опубликовать автобиографию. Он позвонил Джуди Сейфер, которая стала к тому времени видным секс-терапевтом с собственной серией книг-советов, с просьбой помочь ему написать книгу. Из уважения к старому наставнику Сейфер прилетела в Таксон. Она выслушала воспоминания Мастерса, написанные лаконичным языком, и сказала, что к тексту нужно добавить немного задора и саморефлексии:

– Все это должно быть закручено вокруг вас как личности. Люди хотят знать, как вы с Вирджинией поженились, почему развелись и все такое.

Мастерс насупился:

– Это все, о чем я готов рассказать, – заявил он.

Сейфер, несмотря на свои сомнения, пообещала подкинуть эту идею каким-нибудь нью-йоркским издателям. Но в конечном счете никто не заинтересовался последним проектом Мастерса. Тем не менее он продолжал диктовать свои мысли – отказы его и прежде не останавливали. Рукопись разрослась до ста страниц. Они содержали воспоминания о его победах в исследованиях секса, о том, как он одолевал хулителей, а также апокрифические легенды, которые он десятки раз повторял своей аудитории. Он вспоминал свою первую любовь и позднюю женитьбу на Доди, но уклонился от рассказа о двух женщинах, с которыми прожил бо̀льшую часть своей взрослой жизни. На единственной странице,

посвященной браку с Либби, он признал, что был «далеко не лучшим отцом» – и, как и все прочее в своей жизни, изложил историю развода в контексте своей карьеры. («Либо я должен был отказаться от программы исследований секса, которая требовала львиной доли моего времени, либо мы не могли больше продолжать жить как супруги», – подытожил он.)

Еще меньше воспоминаний было уделено Вирджинии Джонсон. Он воздал ей должное за то, что она объясняла ему «психосексуальную ориентацию женщины», и за создание основанной на медицинском подходе терапии. Но Мастерс ничего не сказал об их отношениях – вначале как коллег, затем как супругов, главных экспертов по человеческой близости в Америке. Вероятно, зная, что Джонсон тоже подумывает о написании мемуаров, он как бы предупреждал ее: «Я не собираюсь говорить о том, что касалось наших личных взаимоотношений. И я надеюсь, что она придет к такому же выводу».

Джонсон так и не увидела этого обращения. Она даже не знала о существовании его мемуаров. Хауи прочел рукопись и решил, что развивающееся старческое слабоумие отца сделало всю работу довольно сомнительной. «Честно говоря, бо̀льшая часть того, что он писал, была далека от правдоподобия, – говорил Хауи. – Как его сын, я позаботился о том, чтобы эту книгу никто не увидел».

Закат Уильяма Хауэлла Мастерса завершился 16 февраля 2001 года. Он умер от осложнений болезни Паркинсона в возрасте 85 лет в хосписе Таксона. Пока позволяло здоровье, они с Доди проводили зимы в Аризоне, а лето – в доме Бейкеров на берегу озера Рэйнбоу-Лейк. Последние месяцы он находился в палате жизнеобеспечения у предгорий Каталины. В один из моментов ясного сознания он сказал Доди, что всегда любил ее.

Авторы некрологов наперебой оценивали историческое значение Уильяма Мастерса. Газета «Вашингтон Пост» велеречиво писала, что Мастерс «отслеживал нежный акт занятий любовью с помощью научно-лабораторных инструментов». Газета его родного города «Сент-Луис Пост-Диспэтч» называла его «первопроходцем в изучении проблем и разработке решений в прежде пренебрегаемой и противоречивой сфере человеческой сексуальности». В длинном некрологе, каких обычно удостаивались только президенты или монархи, «Нью-Йорк Таймс» заявила, что Мастерс «революционизировал способ изучения, обучения и наслаждения сексом в Америке».

Несмотря на всю свою славу, книги-бестселлеры и успешную клинику терапии, Мастерс оставил не такое уж большое наследство. Просмотрев институтские гроссбухи, Хауи обнаружил

немало упущенных возможностей. «Они могли бы зарабатывать десятки миллионов долларов, если бы продавали франшизу [своей терапии] и стали владельцами более обширной корпорации. Но их предприятие так и осталось тем, чем было изначально: кабинет, стол, отец и Джини, – рассказывал его сын. – Заработанные деньги тут же вкладывались в дело. Мой отец умер неимущим».

Многим казалось, что Мастерса несправедливо лишили последних почестей. Вашингтонский университет – место, где Мастерс и Джонсон проводили свою самую важную работу, – проигнорировал его вклад в медицину. Здесь нет ни памятных табличек, ни именных стипендий, и даже на университетском сайте имена Мастерса и Джонсон едва упомянуты.

Хауи был на съемках документального телефильма в Австралии, когда ему по телефону сообщили о кончине отца. Он и сам собирался ехать домой, поскольку несколькими днями ранее умерла его мать. Элизабет Эллис Ройалл скончалась в возрасте 83 лет в частном доме престарелых в Уилтоне, штат Коннектикут. Она переселилась туда в 2000 году из штата Мэн после смерти второго мужа, контр-адмирала Уильяма Ройалла.

Вначале Хауи приехал в Таксон на частную церемонию и был там единственным членом своей семьи. Останки Мастерса кремировали, а прах развеяли с самолета над Аризоной и над тем районом Адирондака, где лежит Рэйнбоу-Лейк; частички его тела упокоились в тех местах, где он знал и любил Доди.

Главное чествование Билла Мастерса было организовано Робертом Колодны и другими друзьями и родственниками в Грэхемской часовне на территории Вашингтонского университета. Хотя Колодны давно покинул клинику, он так и не утратил восхищения Мастерсом. Он написал длинную памятную статью в «Журнал исследований секса», назвав своего друга «одним из гигантов сферы сексологии двадцатого столетия». Но Мастерс временами был слеп к собственной личной жизни, к темным, холодным сторонам своей натуры, которые вели к глубоким разочарованиям и даже трагедиям. Некоторое время Колодны подумывал написать книгу о своем друге, но, в конечном счете, не смог заставить себя сделать это.

Джонсон вначале собиралась присутствовать на мемориальной службе 20 мая 2001 года, а также на небольшом поминальном ужине в отеле «Чейз-Парк Плаза». Прошло восемь лет после их развода. Друзья и коллеги, которые были частью их совместной жизни, такие как Пегги Шепли, Майк Фрайман и его жена, Марк Шварц и бывший редактор «Плейбоя» Нат Лерман, говорили, что с удовольствием вспомнят Мастерса на этом вечере

«для своих».

Но накануне от рака легких умер единственный брат Джонсон Ларри. Скорбь по любимому младшему брату – несомненно, усугубленная переживаниями из-за кончины Мастерса, – вызвала у нее эмоциональный шок. «Это самая ужасная утрата в моей жизни, потому что он был моим маленьким братцем», – объясняла она.

Успешный менеджер по продажам страховых услуг Ларри наслаждался счастливым браком, в котором родилось несколько замечательных детей, один умнее другого. Временами он заменял отца Скотту и Лизе, когда их собственный отец Джордж Джонсон пропадал из виду, а Билл Мастерс был слишком занят, чтобы заботиться о них. Поначалу Джонсон говорила, что приедет на мемориальную службу в честь Мастерса, но не будет выступать с речью. После смерти Ларри она решила вообще не приезжать.

Колодны пытался переубедить ее. Ее отсутствие было бы истолковано как затянувшаяся враждебность к Биллу. Другие друзья, например Донна Уилкинсон, предлагали проводить ее в часовню. Уилкинсон пыталась убедить Джонсон в последний раз показаться рядом с Мастерсом и «не отказываться от той части наследия, которая ей принадлежала». Джонсон перебила ее, заявив, что с нее и так довольно скорби.

Однако она не могла сдержать своего любопытства. На ужине перед службой неожиданно объявилась ее внучка Ларк. «Джини послала туда одну из своих внучек, как она сказала мне потом, чтобы та представила ей отчет о присутствовавших», – вспоминал Колодны, который был расстроен поведением Джонсон.

– Давайте заглянем в «Ритц», выпьем по стаканчику – я угощаю, – предложил после службы Фрайман, один из самых старых и общительных друзей Мастерса, Нату Лерману и другому психиатру из Нью-Йорка.

В «Сигарном клубе», отделанном бархатом баре в «Ритц-Карлтоне», мужчины расслабились, потягивая мартини. Каждый из них на протяжении многих лет был свидетелем тесного взаимодействия между Мастерсом и Джонсон и участвовал в раскрытии обществу новых знаний о сексе. Однако тайны желания – влечение между мужчинами и женщинами и бесконечные поиски любви – остаются непознаваемыми, согласились они. «Все пришли к выводу: никто не знает, в чем состоит сущность секса, – вспоминал Фрайман. – Это остается тайной, которую женщины очень хорошо охраняют».

Глава сороковая
Не забывай меня

«Мы слишком скоро забываем то, что, как думали, не забудем никогда. Мы одинаково забываем любовь и предательство, забываем то, что шептали, и то, что выкрикивали, забываем, кем мы были».

Джоан Дидион

Когда мужчины ушли из ее жизни, Вирджиния почувствовала себя одинокой и преданной. В очередной раз она поняла, что должна рассчитывать только на себя, разбираясь с любовью и своими оскудевшими финансами.

В конце 1990-х годов она открыла «Учебный центр Вирджинии Джонсон-Мастерс», задуманный для борьбы с «дисфункцией, расстройствами и неудовлетворенностью» без индивидуальной терапии. Центр планировал торговать через интернет и почтовые заказы аудиозаписями на темы вроде «Супруги и сила близости» (*Couples and the Power of Intimacy*) и набором из 50 с лишним записей под общим названием «Близость на всю жизнь (С ней не покончено, пока не «все кончено»)» (*Intimacy for a Lifetime (It's Not Over 'Til It's Over*). Увы, это предприятие провалилось, хоть Джини и воспользовалась фамилией Мастерс, чтобы напомнить людям, кто она такая.

Не имея диплома и больше не будучи связанной с Биллом, Джини обнаружила, что для нее практически закрыта сфера, стандарты которой она сама помогала повышать и регулировать. «Ее репутация строилась на роли его помощницы, – объясняла Джуди Сейфер, бывшая коллега Билла. – У нее не было лицензии. Не все доступно, если у тебя нет иной опоры, кроме чьего-то чужого крыла».

Годами Джини платила бюро газетных вырезок за отслеживание упоминаний «Мастерса и Джонсон», но теперь ее покинул интерес к славе. «Если что-то где-то происходило, нам всегда звонили за откликом, – вспоминала она. – У Мастерса хорошо получались афоризмы. А у меня – нет. Мне всегда хотелось прочесть целую лекцию. Но в последние десять лет нас уже не цитируют всякий раз, как кто-нибудь поднимает тему [секса]. И я за это благодарна».

Со смертью Билла и уходом из ее жизни Ли Зингейла Джини больше, чем прежде, стала зависеть от своих взрослых детей, Лизы и Скотта. Она сознавала, чего стоила им ее непрерывная карьера. «Я всегда буду жалеть, что пропустила столько родительских собраний в школе, что на этом свете были очень печальные маленькие дети – и их печальная мать», – признавалась она в разговорах с прессой. Муж Лизы объяснял, каково было его жене расти в доме Вирджинии Джонсон. «Лизу вырастили домработницы, ее дразнили другие дети, – говорил Уильям Янг. – Они считали ее мать шлюхой из-за ее работы. Все о них знали – Мастерс и Джонсон были на обложке «Тайм».

Через год после смерти Билла Джини перенесла небольшой инфаркт и беспомощно лежала на полу, пока не подоспела помощь. Она страдала диабетом, пережила приступ рака, операцию по замене коленного сустава и другие недуги, которые подрывали ее жизненные силы. Она полагалась на сына, который советовал ей, где жить и как распоряжаться оставшимися активами. «Скотт тайно управляет моей жизнью. Мне жаль, что он должен все время находиться здесь, – но он боится, что одна я умру, – объясняла она. – Он хотел бы поместить меня туда, где за мной смогут ухаживать».

Джини продала свой дом в университетском городке и перебралась в высококлассный частный дом престарелых – с рестораном, развлечениями и прокатом лимузинов. Среди обитательниц этого роскошного приюта она встретила Сильвию – женщину, на которой судья Ной Вайнштейн женился после их романа, но не стала с ней здороваться.

Временами казалось, что Вирджиния рада бы забыть прошлое. Ее старые альбомы с вырезками пришли в беспорядок и были рассованы по коробкам. Она уничтожила аудиозаписи секс-терапии и документы из института, которые долго хранила. Роберт Колодны, узнав об этом, пришел в ужас. Были утрачены все аудиопленки с сеансами, истории болезни сотен пациентов, чьи дисфункции, несомненно, могли бы изучать студенты медицинских школ, терапевты и летописцы культурных нравов Америки XX столетия. «Думаю, это было сделано из-за злости на Билла за то, что он ее бросил и все испортил», – с отвращением говорил Колодны.

Хотя Джини пыталась забыть Билла, ее гнев на него выплескивался наружу при любой возможности. Обвинения, которые она произносила в кругу знакомых, все больше расходились с тем, что она рассказывала на публике. Во время телевизионного интервью для программы «Биография» в середине 1990-х годов Джини казалась благодарной Мастерсу за то, что он

дал ей в жизни такую уникальную возможность. Но наедине с друзьями она проклинала его как опасного интригана, обманом и лестью добивавшегося от нее всего, что он хотел. Она злилась на него за то, что он создал ее образ, контролировал ее действия, ее эмоции – в большей степени, чем она в то время сознавала. Она винила его в том, что он блокировал ее попытки получить диплом о высшем образовании; что крал ее время у ее детей, когда они вдвоем корпели в лаборатории; что использовал ее как клин между своей первой женой Либби и их детьми; что вечно мешал ей обрести прочное счастье с другим мужчиной. Только еще один человек в ее жизни обладал такой властью над ней, говорила Джини. «Он манипулировал мною точно так же, как мама – похвалой и наказанием, наказанием и похвалой, – рассказывала она. – Он любил довести меня до слез, чтобы потом утешить».

Боль от развода принуждала ее мысленно переписывать завершение их отношений. «Доди ужасно ревновала ко мне, – уверяла она. – Он где-то откопал ее, когда я развелась с ним. Это было так смехотворно и жалко! Он так любил возрождать прошлое!..». Джини только фыркала при любом предположении, что она, возможно, все еще любит Мастерса.

Социальная изоляция Джини усилилась, когда давние друзья в Сент-Луисе больше не смогли выносить ее желчные высказывания о Мастерсе. Колодны во время их телефонных разговоров тоже уставал от ее жалоб, но ему было жаль ее. Он знал, как много Джини на самом деле значила для успеха всего дела. Не упуская случая покритиковать ее недостатки, Колодны все равно соглашался, что Билл своим отношением унижал ее.

Открытия в области физиологии, сделанные Уильямом Мастерсом, были медицинским триумфом, ведущим к долгожданному научному пониманию функционирования человеческого тела во время акта продолжения рода. Но природный гений Вирджинии Джонсон находил применение этому знанию в работе с каждым пациентом. Колодны поражался ее способности сплетать вместе нити, взятые из фрейдистского психоанализа, теорий социальных гигиенистов, бихевиористов, когнитивных терапевтов, урологов, неврологов, брачных консультантов, фармакологов, энтузиастов природы и феминисток, чтобы соткать цельное полотно. Ее интуитивное знание человеческой природы, ее готовность экспериментировать привели их терапию к успеху, улучшив жизнь огромного числа людей на всем земном шаре. «Джини была, как минимум, равным партнером, – говорил Колодны. – Она заставляла Билла задумываться о множестве вещей, которых он попросту не сознавал».

Тех, кто хорошо ее знал, возмущала несправедливость в судьбе Вирджинии Джонсон. Как могло такое случиться, что одна из самых замечательных женщин Америки XX столетия оказалась в безвестности? Как она могла остаться настолько недооцененной? Куда подевались феминистки семидесятых и уверенные женщины «поколения X», те, что подражали «Сексу в большом городе» и посылали SMS мужчинам с предложением поехать за город на уикенд? Эти искушенные жительницы больших городов – так же как и любая консервативная жена из предместья, которая тайком заглядывала в книги Мастерса и Джонсон, – были у нее в долгу больше, чем могли себе представить. Джини деятельно выступала в защиту равенства женщин в самой интимной сфере жизни. Однако ее собственная судьба сложилась так, что она стала еще одной жертвой, пострадавшей от пренебрежения мужского мира.

Несмотря на многочисленные недуги, Вирджиния не жалела себя – этого ей не позволял несгибаемый дух дочки миссурийского фермера. Она мечтала увидеть завершенными свои мемуары или, может быть, фильм, который расскажет ее историю. Когда ведущий рубрики светской хроники одной из газет Сент-Луиса спросил, планирует ли она написать автобиографию, она ответила: «Да, потому что я боюсь, что иначе это сделает кто-то другой». Она хотела, чтобы фильм о ее жизни поставил Майк Николс, а Гор Видал написал к нему сценарий. Может быть, кто-то вроде Джоан Вудворд мог бы сыграть ее саму, а Мастерса, предположим, Роберт Дюваль… Ее воспоминания и грезы были достаточно яркими, чтобы заполнить праздные дни.

Если телепродюсеры больше не звонят, приглашая на съемки, если издатели не предлагают крупные суммы за ее советы, это не имеет значения, утверждала Вирджиния. «Мне больше не нужен почет, – говорила она. – Мне на это плевать. Любой телепродюсер и без того понимает, какой была моя роль. Тот факт, что у меня не было диплома, – половина людей о нем даже не знает».

То единственное в области секса и любви, что еще имело для нее значение, крылось в ее собственной жизни.

Однажды днем в комнате 83-летней Изабель Смит раздался звонок, который несказанно удивил ее. Знакомый с юности голос принялся расспрашивать о ее брате, Гордоне Гарретте. Изабель давно вышла замуж и уехала далеко от Голден-Сити. Почти все ее школьные друзья отошли в мир иной. Однако сейчас в телефонной трубке звучал голос из прошлого, голос девушки по имени Мэри Вирджиния Эшельман, у которой была такая большая любовь с ее младшим братом, рыжеволосым Гордоном.

«Мэри Вирджиния позвонила, чтобы узнать, как там Гордон,

что с ним сталось, – вспоминала Изабель. – И я сказала ей, что он умер несколько месяцев назад».

Впоследствии Изабель высказала предположение, что Вирджиния надеялась возобновить отношения с ее братом.

Джини часто думала о мужчинах, за которых так и не вышла замуж, и гадала, что̀ в ее жизни могло повернуться по-другому. Думала об армейском капитане, который разбил ее сердце, о судье Ное Вайнштейне, о магнате Хэнке Уолтере и – в тот самый день – о Гордоне Гарретте. Поиски некогда утраченной романтической любви казались ей нелепицей, похожей на надуманные сценарии голливудских мелодрам. Настоящая жизнь была куда сложнее, чем романы, которые она когда-то читала, сидя на грушевом дереве. Но Билл Мастерс именно это и сделал – воскресил свое прошлое. Он разрушил все, что было между ними, объявив о своих бессмертных чувствах к Доди, которую называл своей первой и единственной истинной любовью. Сидя в одиночестве в своей квартире, Вирджиния вспоминала счастливые дни юности с Гордоном – и однажды решила узнать, где он и как он. Если Билл обрел такое блаженство в конце жизни, почему бы ей не поступить так же?

Узнав от Изабель о кончине Гордона, она позвонила другой его сестре Кэролин Эванс, чтобы расспросить, как он жил. Кэролин, которой в то время было 76 лет, из вежливости согласилась поболтать о былых временах. Но она не забыла, что Вирджиния однажды разбила сердце ее брату: «У ее матери был девиз: бери лучшее, что сумеешь добыть. Мэри Вирджиния тоже была такая. Она не хотела выходить за него замуж, потому что он жил на ферме».

Но юная Вирджиния ошиблась насчет будущего Гордона Гарретта. Вторая мировая война выпихнула его, как и многих фермерских сыновей, в широкий мир. Вскоре после того как Вирджиния уехала в колледж, Гордон вступил в армию и отправился служить связистом. Так началась его 30-летняя карьера. Он работал в правительственных спецслужбах, занимаясь шифровкой и дешифровкой тайных сообщений. Во время Второй мировой он стал тайным агентом и работал на ЦРУ как криптограф. После увольнения со службы Гордон перебрался в пригород Чикаго и устроился в компьютерную фирму. В последние годы он жил в Ричленде, штат Миссури, примерно в 150 милях от Голден-Сити, чтобы быть поближе к своей младшей сестре Кэролин. Он так и не женился, в ответ на вопросы отшучиваясь: «не было времени».

В холодный, пасмурный октябрьский день Вирджиния на мгновение отвлеклась от воспоминаний, чтобы встать с кресла в

гостиной, размять ноющее тело и выглянуть в окно. Она смотрела, как люди идут по улице вдоль Вашингтонского университета, в котором они с Биллом некогда творили историю медицины.

Запакованные коробки и ящики загромождали комнату. На полу стояла вставленная в раму парадная фотография Вирджинии, сделанная 10 лет назад, когда мужчины, как она говорила, еще считали ее привлекательной. Теперь, в свои 83 года, она мало что сохранила от прежнего очарования. «Мне нравится быть замужем – и мне *ненавистно* то, что я сейчас не замужем», – признавалась она.

Эта квартирка в Сент-Луисе была ее третьим местом жительства за два года, и каждый раз она переезжала в более скромное жилище. Привратнику и управляющему было велено не пускать к ней посетителей и даже отрицать, что она здесь живет. Аура секретности, витавшая над ее работой, когда она была знаменитым исследователем секса, по-прежнему обволакивала ее существование. Она жила в таких разных местах, под столькими разными именами! Забыты Джини и Мэри Вирджиния. Даже то имя, под которым она стала известна миру – Вирджиния Э. Джонсон, осталось позади. В телефонном справочнике она значилась как Мэри Мастерс – по-прежнему отождествляя себя с мужчиной, который был ее партнером, пусть и невозлюбленным.

Для независимой женщины, которая столько лет доказывала сексуальное равенство в лаборатории, казалось необъяснимым, что мужчины так часто определяли ее жизнь. Была ли эта податливость ее собственной ошибкой, результатом социального опыта или просто сутью отношений между мужчинами и женщинами? Она не знала этого наверняка. «Меня воспитали, чтобы я была надежной опорой для великих мужчин, – объяснила она в редкий момент откровенности. – Помню, как-то я сказала вслух, что счастлива быть всем, чем захочет меня видеть мужчина».

Сумерки окутывали улицу холодными тенями. Зима наступала на Сент-Луис, и от подоконника веяло холодом. Она обернулась и посмотрела на свою старую фотографию. «Оглядываясь назад, я спрашиваю себя: «Боже мой, неужели я действительно *полностью* себя потеряла?» Но я во многом была продуктом своего времени, той эпохи. В моем представлении это была высшая задача женщины. И я посвятила ей долгие годы своей жизни».

Примечание об источниках

Эта книга опирается на записи бесед с родственниками, друзьями и бывшими коллегами Уильяма Мастерса (У.М.) и Вирджинии Джонсон (В.Д.), внутренние документы их клиники и неопубликованные мемуары Мастерса, завершенные незадолго до его смерти в 2001 году. Значительная часть повествования навеяна записанными на пленку с 2005 по 2008 годы беседами с Вирджинией Джонсон и Робертом Колодны, врачом, заместителем директора, директором по тренингу и членом совета Института Мастерса и Джонсон, а также их соавтором в работе над несколькими книгами. Беседы проводились во время приездов автора в квартиру В.Д. в Сент-Луисе и дом Колодны в Нью-Гэмпшире. Помощь в исследованиях также оказывали медицинская школа Вашингтонского университета, Институт Кинси при Индианском университете и исследователи Фред Уинстон и Сюзанна Макгир из общественной библиотеки города Коммака, штат Нью-Йорк.

Готовя к изданию эту книгу, я хотел бы поблагодарить свою жену Джойс, которая редактировала исходные черновики и дала мне немало полезных советов, и наших сыновей – Эндрю, Тейлора и Рида, которые подбадривали и поддерживали меня. Я также благодарен за помощь многим людям из *Basic Books*, особенно Аманде Мун, Уитни Кассер, Крису Гринбергу и покойной Элизабет Магуайр.

Примечания

ГЛАВА I – ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО ГОРОДА

Вступительная цитата принадлежит В.Д. и приведена в статье Мэри Харрингтон Холл «Разговор с Мастерсом и Джонсон» (A Conversation with Masters and Johnson, *Medical Aspects of Human Sexuality,* no. 12, December 1969). Первая сцена, происходящая в машине Гордона Гарретта, описана в интервью В. Джонсон; дальнейшие подробности о Голден-Сити и юности В. Джонсон внесены в текст благодаря беседам с Воном Николсом, Филом Лолларом, Кэролин Эванс, Изабель Смит и Лоуэллом Пагом. Документы из исторической коллекции Спрингфилдской библиотеки в Миссури, в том числе некролог Гарри Эшельмана (в газете *Springfield News Leader*, 4 октября 1964 г.). Упоминание о грушевом дереве на ферме Эшельмана – в статье Джерома Карри «Жизнь исследовательницы секса» (*New York Post*, 2 мая 1970 г.); сексуальные обычаи Озарка в XIX веке упомянуты в книге Джона Д'Эмилио и Эстель Фридман «*Intimate Matters: A History of Sexuality in America*» (New York: Harper and Row, 1988); сведения о В.Д. и Гордоне Гарретте в альбоме выпуска 1941 г. средней школы Голден-Сити предоставлены Лоуэллом Пагом. Кроме того, использована опубликованная частным образом брошюра *Golden City, Mo. – Our History – Our Heritage, 1866–1966*.

ГЛАВА II – В САМОМ СЕРДЦЕ

Вступительная цитата – из песни *Don't Let the Stars Get in Your Eyes* Слима Уиллета, которая была записана Редом Фоли на студии *Decca Records* 7 октября 1952 г. Подробности первых браков В. Джонсон изложены по статье Майры Макферсон «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, 2 июля 1973 г., а также по документам из исторической коллекции Спрингфилдской библиотеки, включая вырезки из местных газет. Обстановка жизни женщин в Миссури во время Второй мировой войны описана Катариной Корбетт в статье «*In Her Place – A Guide to St. Louis Women's History*».

ГЛАВА III – МИССИС ДЖОНСОН

Вступительная цитата – из «Госпожи Бовари» Гюстава Флобера. Подробности бракосочетания В.Д. с Айвеном Райнхартом в июне 1947 г. – из вырезок местных газет в исторической коллекции Спрингфилдской библиотеки. Об учебе и музыкальной карьере В.Д. – в статье Стива Фридмана «*Everything You Always Wanted to Know About Masters & Johnson*», St. Louis Magazine, июнь 1988 г. Бракосочетание В. Джонсон с Джорджем Джонсоном описано в статьях: Paul Wilkes «*Sex and the Married Couple*», The Atlantic, декабрь 1970 г.; Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, 22 июля 1973 г.; Jerome P. Curry «*The Life of a Sex Researcher*», New York Post, 2 мая 1970 г. Использованы также материалы бесед автора с В.Д., Айрой Галлом, Робертом Колодны и Альфредом Шерманом.

ГЛАВА IV – НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ

Воспоминания У.М. о детстве – из его неопубликованных мемуаров, если не указано иное. Описание учебы У.М. в колледже и медицинской школе, равно как и его первой любви на Рэйнбоу-Лейк, дополнено на основе бесед автора с В.Д., Джеральдиной Бейкер-Мастерс, Фрэнсисом Бейкером, Аддисоном Уордвеллом, Пэм Аппенфеллер, Полом Шлёрбом, Таунсендом Фостером-младшим и Хауи Мастерсом. Другие подробности о Фрэнсисе Бейкере – из *Rochester Medicine*, журнала выпускников школы медицины и стоматологии Рочестерского университета, весна/зима 2004 г.

ГЛАВА V – ЧУДО ДЛЯ ГЛАЗ

Вступительная цитата – George W. Corner «*Anatomist at Large: An Autobiography and Selected Essays*» (New York: Basic Books, 1958). Занятия У.М. медициной в Рочестерском университете и отношения с Элизабет Эллис описаны в его мемуарах и дополнены материалами бесед с Фрэнсисом Бейкером, Маршаллом Ширером, Мартином Полом, Таунсендом Фостером-младшим, Аддисоном Уордвеллом и В.Д. Дополнительная информация о влиянии Корнера на У.М. получена от Джейн Майеншайн, Мари Глитц и из следующих работ: Garland E. Allen «*Centennial History of the Carnegie Institution of Washington*», Volume V – The Department of Embryology (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004); «*The Personal Perils of Sex Researchers: Vern Bullough and William Masters*,” SIECUS Reports, March 1984; Harry Henderson «*Exploring the Human Sexual Response*», Sexual Medicine Today, April 1981; WHM and VEJ «*How Our Sex Research Program Began*», Redbook, October 1974; «*Biographical Memoirs*», vol. 65, National Academy of Sciences, 1994; Adele Clarke «*Disciplining Reproduction: Modernity, American Life Sciences and the Problem of Sex*» (Berkeley: University of California Press, 1998). Описание отношений Уилларда Аллена с У.М. – из бесед с Фрэнсисом Бейкером, Джоном Барлоу Мартином, Майком Фрайманом, Айрой Галлом.

ГЛАВА VI – ЭКСПЕРТ ПО РОЖДАЕМОСТИ

Описание карьеры У.М. как профессора медицины, хирурга-акушера-гинеколога и специалиста по рождаемости в медицинской школе Вашингтонского университета основано на беседах с Майком Фрайманом, Марвином Реннардом, Фрэнсис Райли, Джоном Барлоу Мартином, Юджином Ренци, Робертом Гоуэллом, Марвином Кэмелом, Айрой Галлом, Элфредом Лампе, Эрнестом Фридрихом, Марвином Гроуди, Аддисоном Уордвеллом, Доди Джозеф Бродхед, Робертом Колодны, В.Д., а также на неопубликованных мемуарах У. Мастерса.

ГЛАВА VII – ПРИМЕРНАЯ ЖЕНА

Вступительная цитата – из работы Теодора Рузвельта в книге *History as Literature and Other Essays* (New York: Charles Scribner's Sons, 1913). Подробности брака У.М. изложены в беседах с Мардж Шелдон, Марвином Гроуди, Элфредом Лампе, Хауи Мастерсом, Майком Фрайманом, Ритой Левис, Доди Джозеф Бродхед, Джоном Бродхедом, Джоном Барлоу Мартином, Филлис Шлафли, Таунсендом Фостером-младшим, Торри Фостером и В.Д. Кроме того, использован материал статьи Marvin H. Grody, MD, Donald W. Robinson, MD, and William H. Masters, MD «*The Cervical Cap – An Adjunct in the Treatment of Male Infertility*», Journal of the American Medical Association, May 31, 1952. В беседах и переписке с автором этой книги Гроуди подтвердил, что две успешные беременности женщины, обозначенной в этой статье только как «Э.М.», действительно были беременностями Элизабет Мастерс; другие детали тоже подходят под описание Мастерсов, включая совпадение возраста.

ГЛАВА VIII – АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА

Вступительная цитата – слова Шепли из речи перед *Newcomen Society* 14 октября 1958 г. Отношения У.М. с Шепли, Уиллардом Алленом и коллегами по медицинской школе описаны в беседах с Пегги Шепли, Уолтером Меткафом, Марвином Реннардом, Уильямом Данфортом, Томасом Гилпатриком, Сандрой Шерман, Эрнстом Фридрихом, В.Д. и в мемуарах У.М. Другие подробности – из «*The Personal Perils of Sex Researchers: Vern Bullough and William Masters*», SIECUS Reports, March 1984; Marion K. Sanders «*The Sex Crusaders from Missouri*», Harper's, May 1968. Исторические ссылки на роль секса в обществе: Платон, «Государство»; цитата Гиппократа приведена в работе Angus McLaren «*Impotence: A Cultural History*» (Chicago; University of Chicago Press, 2007); цитаты из Артура Уильяма Мейера и Аристотеля – в работе *The Rise of Embryology* (Oxford, UK: Oxford University Press, 1939); цитата из св. Августина – в работе Matthew Levering, ed. «*On Marriage and Family: Classic and Contemporary Texts*» (Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2005); цитата из Мартина Лютера – в работе Theodore G. Tappert «*Luther: Letters of Spiritual Counsel*» (Vancouver, B.C.: Regent College Publishing, 2003); цитата из Джона Хантера – Robert Darby «*A Surgical Temptation: The Demonization of the Foreskin and the Rise of Circumcision in Britain*» (Chicago: University of Chicago Press, 2005); цитата из Джеймса Грэма – Amanda Foreman «*Georgiana, Duchess of Devonshire*» (New York: Random House, 1999); цитата из Коттона Мэзера – Tracy Fessenden, Nicholas F. Radel, and Magdalena J. Zaborowska, eds. «*The Puritan Origins of American Sex: Religion, Sexuality, and National Identity in American Literature*»(New York: Routledge, 2000); цитата из Бенджамина Франклина – Walter Isaacson, ed. «*A Benjamin Franklin Reader*» (New York: Simon & Schuster, 2003); цитата из Джона Хамфри Нойеса – Lawrence Foster «*Religion and Sexuality: The Shakers, the Mormons, and the Oneida Community*» (New York: Oxford University Press, 1981); цитата из Г. Дж. Уэллса – Ellen Goodman «*At Large*» (New York: Summit Books, 1981); цитата из Хейвлока Эллиса – *Studies in the Psychology of Sex* – Vol. VI (Philadelphia: F. A. Davis Company, 1913); цитата из Роберта Дикинсона – «*Tampons as Menstrual Guards*», Journal of the American Medical Association, June 16, 1945.

ГЛАВА IX – СКВОЗЬ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ

Подробности о Сэме Присте – из бесед с Маргарет Прист, Торри Фостером, В.Д. и мемуаров У.М. Подробности о проституции в Сент-Луисе – из книг Ruth Rosen «*The Lost Sisterhood: Prostitution in America, 1900–1918*» (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982) и «*Fifth Annual Report of the Board of Health of the City of Saint Louis*», June 27, 1872. Подробности об участии проституток в исследовании У.М. – из бесед с Айрой Галлом, Элфредом Лампе, Уолтером Меткафом, Марвином Кэмелом, Фрэнсисом Райли и статей: Steve Friedman «*Everything you always wanted to know about Masters & Johnson*», St. Louis Magazine, June 1988; Earl Ubell «*Science*», New York Herald Tribune, November 21, 1965; John Corry «*Research Into Sexual Physiology Disclosed After 11-Year Inquiry*», New York Times, April 18, 1966. Встреча архиепископа Риттера с Мастерсом описана в мемуарах У.М. и подтверждается в беседе с В.Д.

ГЛАВА X – МАТРИЦА

Вступительная цитата – из пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион». История приема В.Д. на работу к У.М. описана в беседах с Майком Фрайманом, Альфредом Шерманом, Марвином Кэмелом, Сандрой Шерман, Джоном Барлоу Мартином, Айрой Галлом и В.Д. Также использована работа «*The Personal Perils of Sex Researchers: Vern Bullough and William Masters*», SIECUS Reports, March 1984.

ГЛАВА XI – ЭКСПЕРИМЕНТ

Подробности, касающиеся физиологического исследования секса в клинике, взяты из бесед с Полом Гебхардом, Альфредом Шерманом, Робертом Бурштейном, Крамером Льюисом и В.Д. Дополнительные детали – из статей: «*Playboy Interview: Masters and Johnson*», Playboy, November 1979; Time Magazine, May 25, 1970; «*Sex Under Scrutiny*», Newsweek, April 25, 1966; Marion K. Sanders «*The Sex Crusaders from Missouri*», Harper's, May 1968; Paul Robinson «*The Modernization of Sex»* (New York: Harper & Row, 1976); *WHM and VEJ, Human Sexual Response*(Boston: Little, Brown & Co., 1966); Mead comment about Kinsey found in «*Behavior, After Kinsey*», Time, April 12, 1948.

ГЛАВА XII – ВОЛОНТЕРЫ

Подробности о волонтерах в исследованиях секса получены из бесед с В.Д., Майком Фрайманом, Робертом Гоуэллом, Торри Фостером, Марвином Ренардом, Джоном Барлоу Мартином, Крамером Льюисом, Юджином Ренци, Альфредом Шерманом, Томасом Гилпатриком и из мемуаров У.М. В.Д. подтвердила большую часть рассказа Гилпатрика. Дополнительная информация – из работ: Masters, W., and V. Johnson «*How Our Sex Research Program Began*», Redbook, October 1974; Albert Rosenfeld «*Inside the Sex Lab*», Science Digest, November – December 1980; Masters, W., and V. Johnson «*Intravaginal Contraceptive Study: Phase I. Anatomy*», Western Journal of Surgery, Obstetrics and Gynecology, July-August 1962; Tom Buckley «*All They Talk About Is Sex, Sex, Sex*», New York Times Magazine, April 20, 1969; «*Sex Under Scrutiny*», Newsweek, April 25, 1966.

ГЛАВА XIII – НОЙ

История отношений В.Д. с Ноем Вайнштейном – из бесед с Гарри Фрёде, Джоан Фрёде, Сильвией Вайнштейн, Марвином Кэмелом, Доди Джозефиной Бродхед, Пегги Шепли, Майком Фрайманом и В.Д. Описание Вайнштейна – из собрания фотографий и печатных материалов Миссурийского исторического общества и статей: William C. Lhotka «*Retired Judge Noah Weinstein Dies*», St. Louis Post-Dispatch, July 16, 1991; «*A Judge for the Young – Editorial*», St. Louis Post-Dispatch, July 19, 1991.

ГЛАВА XIV – МАСКИ

Описание Эстабрукс Мастерс – из бесед с В.Д., Крамером Льюисом и мемуаров У.М. Подробности брака У.М. с Либби (Бетти) Мастерс изложены в беседах с Майком Фрайманом, Сандрой Шерман, Марвином Кэмелом. Начало сексуальных отношений У.М. с В.Д. обсуждалось с Робертом Колодны, Роджером Креншо и В.Д. О прекращении отношений В.Д. и Вайнштейна говорилось в беседах с Сильвией Вайнштейн, Гарри Фрёде, Джоан Фрёде и В.Д.

ГЛАВА XV – УХОД ИЗ УНИВЕРСИТЕТА

Вступительная цитата – из книги Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера». Реакция медицинской школы на исследования секса описана в беседах с Эрнстом Фридрихом, Майклом Фрайманом, Марвином Кэмелом, Альфредом Шерманом, Робертом Гоуэллом, Крамером Льюисом, Юджином Ренци, Марвином Гроуди, Джоном Барлоу Мартином и Робертом Бурштейном. Слова Уилларда Аллена процитированы в мемуарах У.М.

ГЛАВА XVI – ВОПРОС ДОВЕРИЯ

Отношения У.М. в семье и на работе описаны в беседах с Торри Фостером, Мардж Фостер-Шелдон, Пегги Шепли, Джоном Бродхедом, Доди Бродхед, Сандрой Шерман, Альфредом Шерманом, Марвином Кэмелом, Айрой Галлом, Хауи Мастерсом, Майком Фрайманом, Джойс Ренци и В.Д. О внешности У.М. – в работе Paul Wilkes «*Sex and the Married Couple*», The Atlantic, December 1970.

ГЛАВА XVII – РАСКРЫВАЯ СЕКРЕТЫ

Вступительная цитата – из книги Алексиса де Торквила «Демократия в Америке» (*Democracy in America*, New York: Penguin, 2004). Упоминание о сотрудничестве с Ричардом Амбергом из *Globe-Democrat* – из работы Steve Friedman «*Everything You Always Wanted to Know About Masters & Johnson*», St. Louis Magazine, June 1988, а также из беседы с В.Д. и мемуаров У.М. «Динамитный» комментарий У.М. – из работы Earl Ubell «*Science*», New York Herald Tribune, November 21, 1965. Реакция на исследование – в работах Leslie H. Farber «*I'm Sorry, Dear*», Commentary, November 1964; Marion K. Sanders «*The Sex Crusaders from Missouri*», Harper's, May 1968. Комментарий Гринсона – из «*Trouble Between the Sexes*», Time, December 9, 1966.

ГЛАВА XVIII – ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

Подробности анализа – из книги У.М. и В.Д. «Человеческая сексуальная реакция» (*Human Sexual Response*, Boston: Little, Brown & Co., 1966). Дополнительные комментарии – из работ John Corry «*Research into Sexual Physiology Disclosed After 11-Year Inquiry*», New York Times, April 18, 1966; Tom Buckley «*All They Talk About Is Sex, Sex, Sex*», New York Times Magazine, April 20, 1969; Paul Robinson «*The Modernization of Sex*», New York: Harper & Row, 1976.

ГЛАВА XIX – ВОСТОРГ РАЗРЯДКИ

Отзывы на книгу «Человеческая сексуальная реакция» – из работ Marion K. Sanders «*The Sex Crusaders from Missouri*», Harper's, May 1968; John Corry «*Research into Sexual Physiology Disclosed After 11-Year Inquiry*», New York Times, April 18, 1966; Harry Henderson «*Exploring the Human Sexual Response*», Sexual Medicine Today, April 1981. Комментарий В.Д. об «общественном мнении» – из статьи «*Sex Under Scrutiny*», Newsweek, April 25, 196; а также из бесед с Мэри Эриксон и В.Д.

ГЛАВА XX – ФОКУСИРУЯ ЧУВСТВА

Вступительная цитата – слова Льва Толстого, приведенные по книге под редакцией Фреда Шапиро *The Yale Book of Quotations* (New Haven, CT: Yale University Press, 2006). Вопросы, использовавшиеся в терапии, приведены по беседам автора с В.Д. и Александром Леваем, а также по работам У.М. и В.Д. «Человеческая сексуальная неадекватность» (*Human Sexual Inadequacy*, Boston: Little, Brown & Co., 1970); Robert C. Kolodny «*Evaluating Sex Therapy*», Journal of Sex Research, November 1981, и Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, July 22, 1973.

ГЛАВА XXI – СЕКСУАЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Подробности о Р. Колодны и его отношениях с У.М. и В.Д. – из бесед с Робертом Колодны, Роуз Боярски, Деллой Фитц-Джералд, Роджером Креншо и В.Д. Детали клинических операций – из бесед с Вандой Боуэн и Мэй Биггс. Подробности о влиянии Семанса – из бесед с Мэри Семанс и В.Д. Дополнительная информация – из работы J. H. Semans «*Premature Ejaculation: A New Approach*», Southern Medical Journal 49, 1956.

ГЛАВА XXII – «СУРРОГАТЫ»

Вступительная цитата – из книги «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера. Подробности о деле Калверт – из бесед с Эрнстом Фридрихом, Майклом Фрайманом, Альфредом Шерманом, Робертом Хёмхе, Дагмар О'Коннор, Торри Фостером, Робертом Колодны и В.Д. Дополнительные подробности – из статей «*Sex Suit Secrecy Studied*», December 5, 1970, St. Louis Post-Dispatch; «*2 Sex Researchers Sued for $750,000»,* St. Louis Post-Dispatch, Aug 25, 1970; A. J. Vogl «*Are Masters and Johnson Really Infallible?*», Hospital Physician, November 1970; Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, July 22, 1973.

ГЛАВА XXIII – ПЛЕЙБОИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Деловые связи У. Мастерса и В. Джонсон с журналом «Плейбой» и другие попытки заручиться финансовой поддержкой упомянуты в беседах с Хью Хефнером, Натом Лерамном, Робертом Мейнерсом, Маршаллом Ширером, Пегги Ширер, Томасом Лаури, Полом Гебхардом, Робертом Колодны и В.Д., а также в мемуарах У.М. Вклад «Плейбоя» отражен в финансовой документации клиники. Дополнительные подробности – из статей Marion K. Sanders «*The Sex Crusaders from Missouri*», Harper's, May 1968; «*Playboy Interview: Masters and Johnson*», Playboy, November 1979.

ГЛАВА XXIV – «ПОЧИНКА СУПРУЖЕСКОГО ЛОЖА»

Вступительная цитата – из «Очерков психоанализа» Зигмунда Фрейда. Передовица журнала «Тайм» об У.М. и В.Д. («*Repairing the Conjugal Bed*», Time, May 25, 1970). Подробности терапии описаны в работах: «*The $2,500 Understanding*», Newsweek, June 10, 1968; У.М. и В.Д. «*Human Sexual Inadequacy*», Boston: Little, Brown & Co., 1970; обзор Alan F. Guttmacher «*Human Sexual Inadequacy for the Non-Layman*», New York Times Book Review, July 12, 1970. Комментарии Галланта и Гэдпая в статье A.J. Vogl «*Are Masters and Johnson Really Infallible?*», Hospital Physician, November 1970. Дополнительные комментарии Майка Фраймана и В.Д.

ГЛАВА XXVI – АРОМАТ ЛЮБВИ

Вступительная цитата – из книги «Происхождение человека и половой отбор» Чарлза Дарвина. Рабочие и личные отношения между Мастерсом, Джонсон и Хэнком Уолтером описаны в беседах с Гейл Таллман, Джоан Бауман, Торри Фостером, Розалинд Уолтер, Вандой Боуэн, Маршаллом Ширером, Робертом Колодны и В.Д. Теории, касающиеся обоняния и сексуального поведения, изложены в книге У.М. и В.Д. «Человеческая сексуальная неадекватность» и подробнее описаны в личной переписке между Хэнком Уолтером, В.Д. и Робертом Колодны, который позволил автору просмотреть эти документы. Дополнительная информация – из работ Melva Weber «*New Cures for Sex Problems*», Ladies' Home Journal, July 1970; Lee Smith «*Adventures in the Sex and Hunger Trade*», Fortune, August 9, 1982.

ГЛАВА XXVI – ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Подробности о браке и семейной жизни Мастерса – из бесед с Хауи Мастерсом, Доди Джозефин Бродхед, Джоном Бродхедом, Джудит Сейфер, Пегги Шепли, Мардж Фостер Шелдон, Мартином Полом, Робертом Колодны и В.Д. Дополнительные детали – из мемуаров У.М. и статей: Paul Wilkes «*Sex and the Married Couple*», The Atlantic, December 1970; Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, July 22, 1973; Judy J. Newmark «*Conversation with Masters and Johnson*», St. Louis Post-Dispatch, September 16, 1984.

ГЛАВА XXVII – БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ

О браке У.М. и В.Д. говорилось в беседах с Полом Гебхардом, Робертом Колодны, Альфредом Шерманом, Доди Джозефин Бродхед, Пегги Шепли, Джун Доббс Баттс, Торри Фостером, Майклом Фрайманом, Линн Стренкофски, Салли Барток Тейлор и В.Д. Дополнительная информация – из статей: Steve Friedman «*Everything You Always Wanted to Know About Masters & Johnson*», St. Louis Magazine, June 1988; Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, July 22, 1973.

ГЛАВА XXVIII – ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Вступительная цитата – из книги Betty Friedan «*The Feminine Mystique»* (New York: W.W. Norton, 1963). Отношения Мастерса и Джонсон с персоналом их клиники описаны в беседах с Роуз Боярски, Дорис Макки, Говардом Макки, Деллой Фитц-Джералд, Максом Фитц-Джералдом, Томасом Лаури, Салли Барток Тейлор, Уолтером Меткафом, Вандой Боуэн, Пегги Ширер, Дагмар О'Коннор и В.Д. Дополнительная информация – Jane Gerhard «*Revisiting 'The Myth of the Vaginal Orgasm': The Female Orgasm in American Sexual Thought and Second Wave Feminism*», Feminist Studies 26, no. 2 (Summer 2000), Women and Health, John D'Emilio and Estelle B. Freedman *«Intimate Matters: A History of Sexuality in America»* (New York: Harper and Row, 1988); Paul Robinson «*The Modernization of Sex»* (New York: Harper & Row, 1976); Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, July 22, 1973; Elaine Sciolino «*Sex Talk*», Newsweek, March 17, 1975; Anne Koedt «*The Myth of the Vaginal Orgasm*», эссе 1970 г. Из книги Jeffrey Escoffier «*Sexual Revolution»* (New York: Thunder's Mouth Press, 2003); Norman Mailer «*The Prisoner of Sex»* (Boston: Little, Brown & Co., 1971); Germaine Greer «*The Female Eunuch»* (New York: McGraw-Hill, 1970); Barbara Ehrenreich, Elizabeth Hess, and Gloria Jacobs «*Re-Making Love: The Feminization of Sex»* (New York: Doubleday, 1986).

ГЛАВА XXIX – БИЗНЕС НА СЕКСЕ

Участие Мастерса и Джонсон в работе центров секс-терапии и сфере сексологии обсуждалось в беседах с Салли Шумахер, Риа Дорнбуш, Робертом Колодны, Торри Фостером, Ширли Зюссман, Джун Доббс Баттс, Пегги Ширер и В.Д. Дополнительные подробности – из работ Tom Buckley «*All They Talk About Is Sex, Sex, Sex*», New York Times Magazine, April 20, 1969; Albert Rosenfeld «*Inside the Sex Lab*», Science Digest, November – December 1980; Joanne Koch and Lew Koch «*A Consumer's Guide to Therapy for Couples*», Psychology Today, March 1976; «*Playboy Interview: Masters and Johnson*», Playboy, November 1979; Ruth Macklin «*Ethics, Sex Research and Sex Therapy*», Hastings Center Report, April 1976; Joan Dames «*A Celebration of the Pioneering Work of Masters and Johnson*», St. Louis Post-Dispatch, November 11, 1984; «*Adelbert Schumacher – Obituary*», Union Leader (Manchester, NH), September 8, 2004; «*Arthur N. Levien – Obituary*», New York Times, August 24, 1987; Helen Singer Kaplan «*The New Sex Therapy: Active Treatment of Sexual Dysfunctions*» (New York: Brunner-Routledge, 1974).

ГЛАВА XXX – УЗЫ УДОВОЛЬСТВИЯ

Вступительная цитата – из эссе Вирджинии Вулф «Своя комната». Об У.М. и В.Д. как супругах вспоминали Джун Доббс Баттс, Пегги Шепли, Пол Гебхард, Маршалл Ширер, Донна Уилкинсон, Роберт Колодны, Хауи Мастерс, Макс Фитц-Джералд и В.Д.; другая информация взята из мемуаров У.М. и книги У.М. и В.Д. «Узы наслаждения» (*The Pleasure Bond*, Boston: Little, Brown & Co., 1976). Дополнительные подробности – Shana Alexander «*Coming Out of the Closet*», Newsweek, February 3, 1975; Harry Henderson «*Exploring the Human Sexual Response*», Sexual Medicine Today, April 1981; «*Out of the Lab*», Time, February 3, 1975; «*Sex and Sexuality: The Crucial Difference*», from McCall's, reprinted in Reader's Digest, November 1966; Lois Timnick «*Sex Researchers' Book Stresses Commitment*», St. Louis Globe-Democrat, January 17, 1975.

ГЛАВА XXXI – ПРОВОДНИК К ЗВЕЗДАМ

Взаимоотношения Мастерса и Джонсон со знаменитостями и использование их дома в Лейдью описаны в беседах с Дорис Макки, Линн Стренкофски, Маршаллом Ширером, Пегги Ширер, Джудит Сейфер, Уильямом Сейфером, Синди Тодорович, Мэй Биггс-Лонерган, Мэри Эриксон, Салли Барток Тейлор, Пегги Шепли, Роджером Креншо, Роуз Боярски, Робертом Колодны и В.Д. Барбара Иден через своего пресс-секретаря Майкла Кейси отказалась от беседы. Дополнительная информация – из статей «*I'm Marion, Fly Me*», Newsweek, January 26, 1976; John J. Miller «*Geraldo's Jive*», National Review, September 1, 1998. Подробности о браке Джорджа Уоллеса после покушения – из фильма «*George Wallace: Settin' the Woods on Fire*», снятого продюсерами Полом Стеклером и Дэном Маккейбом по сценарию Стива Фейера и показанного в программе PBS *The American Experience*, 2000.

ГЛАВА XXXII – КОНВЕРСИЯ И РЕВЕРСИЯ

Расшифровка диалогов – из программы «Встреча с прессой» студии *NBC* от 22 апреля 1979 г. Анализ гомосексуальности – из книги У.М. и В.Д. «Гомосексуальность в перспективе» (*Homosexuality in Perspective*, Boston: Little, Brown & Co., 1979). Многие внутренние документы института предоставлены Р. Колодны, в том числе подписанное письмо от мужчины из Индианы и докладная записка Колодны Мастерсу от 8 августа 1978 г., касающаяся проблем с книгой «Гомосексуальность в перспективе». Обсуждение теорий конверсии/реверсии – из бесед с Робертом Колодны, Робертом Мейнерсом, Джун Доббс Баттс, Маршаллом Ширером, Алексом Леваем, Линн Стренкофски, Роуз Боярски, Томасом Лаури, Роджером Креншо, Мэри Эриксон, Нэнси Манд, Полом Гебхардом и В.Д. Дополнительные подробности – из статей: Paul Wilkes «*Sex and the Married Couple»,* The Atlantic, December 1970; «*The Personal Perils of Sex Researchers: Vern Bullough and William Masters*», SIECUS Reports, March 1984; «*Playboy Interview: Masters and Johnson*», Playboy, November 1979; «*Homosexuality: Help for Those Who Want It*», Science News, April 28, 1979, «*Target: Masters and Johnson*», Time, August 11, 1980; Matt Clark «*Sex and the Homosexual*», Newsweek, April 30, 1979; Bernie Zilbergeld and Michael Evans «*The Inadequacy of Masters and Johnson*», Psychology Today, August 1980; обзор «Гомосексуальности в перспективе», сделанный Лоуренсом Хэттерером, в *Journal of the American Medical Association*, December 28, 1979; Joan Kuda «*Gerdine Hosts Dinner Honoring Sex Therapist*», Webster University Journal, November 1984.

ГЛАВА XXXIII – ОБЕЩАНИЕ БУДУЩЕГО

Празднование годовщины Мастерса и Джонсон описано в статьях: Joan Kuda «*Gerdine Hosts Dinner Honoring Sex Therapist*», Webster University Journal, November 1984; Judy J. Newmark «*Conversation with Masters and Johnson*», St. Louis Post-Dispatch, September 16, 1984; Steve Friedman «*Everything You Always Wanted to Know About Masters & Johnson*», St. Louis Magazine, June 1988. Цитата из Тализа – по статье Myra MacPherson «*Masters and Johnson at Home*», Washington Post, July 22, 1973, и его книге «*Thy Neighbor's Wife»* (New York: Doubleday, 1980). Дополнительные подробности – из бесед с Джун Доббс Баттс, Донной Уилкинсон, Хелен Герли Браун, Маршаллом Ширером, Робертом Колодны, Марком Шварцем и В.Д.

ГЛАВА XXXIV – КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Вступительная цитата – из романа Владимира Набокова «Лолита». Использование суррогатных партнерш в 1980-х гг. обсуждалось в беседах с Морин Салливэн-Уорд, Полом Гебхардом, Виной Блэнчард, Алексом Леваем, Марком Шварцем, Максом Фитц-Джералдом, Рут Вестхаймер, Донной Мартини, Робертом Колодны и В.Д. Дополнительная информация – из работ: Xaviera Hollander «*The Happy Hooker: My Own Story*»(New York: Dell, 1972); Jenifer Hanrahan «*Time Has Overcome Surrogate Partners: Sexual Healer Is One of the State's Last in Practice*», San Diego Union-Tribune, October 14, 2001. Подробности появления Морин Салливэн на телевидении – из расшифровки программы *Tonight Show with Johnny Carson* на канале *NBC* 9 сентября 1982 г. Обсуждение суррогатных партнеров, этики и сексуальных злоупотреблений в отношении партнеров – из работы Robert T. Francoeur, ed. «*Sexuality in America: Understanding Our Sexual Values and Behavior*» (New York: Continuum Publishing, 1999).

ГЛАВА XXXV – КРИЗИС

Вступительная цитата – из книги Edmund White «*States of Desire: Travels in Gay America*» (New York: Plume, 1991). Сцена с Мизом изложена в статьях Ronald J. Ostrow «*Meese Panel Asks Porn Crackdown*», Los Angeles Times, July 10, 1986; Richard Stengel «*Sex Busters*», Time, July 21, 1986. Дальнейшие комментарии о Мастерсе и Джонсон – в статьях Guy D. Garcia «*Sexology on the Defensive*», Time, June 13, 1983; A. J. Vogl «*Are Masters and Johnson Really Infallible?*», Hospital Physician, November 1970; Bernie Zilbergeld and Michael Evans «*The Inadequacy of Masters and Johnson*», Psychology Today, August 1980; Robert C. Kolodny «*Evaluating Sex Therapy*», Journal of Sex Research, November 1981; Michael Fumento «*What the Press Release Left Out*», New Republic, April 4, 1988; Michael Fumento «*The AIDS Cookbook*», New Republic, April 4, 1988; David M. Alpern «*It Scares the Hell out of Me*», Newsweek, March 14, 1988; Jean Seligman «*The Storm over Masters and Johnson*», Newsweek, March 21, 1988; John D'Emilio and Estelle B. Freedman «*Intimate Matters: A History of Sexuality in America*» (New York: Harper and Row, 1988); Lawrence K. Altman «*H.I.V. Study Finds Rate 40 % Higher than Estimated*», New York Times, August 3, 2008; и книги У. Мастерса, В. Джонсон и Р. Колодны «Кризис. Гетеросексуальное поведение в эпоху СПИДа» (*CRISIS: Heterosexual Behavior in the Age of AIDS*, New York: Grove Press, 1988). Дополнительная информация – из бесед с Эвереттом Купом, Джун Доббс Баттс, Робертом Колодны, Хауи Мастерсом, Роджером Креншо, Дагмар О'Коннор, Робертом Мейнерсом, Роуз Боярски и В.Д.

ГЛАВА XXXVI – РАЗРЫВ

Крушение партнерства Мастерса и Джонсон обсуждалось в беседах с Робертом Мейнерсом, Пегги Шепли, Донной Мартини, Робертом Колодны, Хауи Мастерсом, Мартином Полом, Лизой Янг, Донной Уилкинсон и В.Д. Дополнительные подробности – из статей: Robert Kerr «*Sex Therapist Does Battle with Myths*», Commercial Appeal (Memphis), February 25, 1993; «*A Life in the Day of Virginia Johnson*», Seen, February 1993; Sharon Churcher «*They Told the World All About Sex…*», The Mail on Sunday (London), April 18, 1993.

ГЛАВА XXXVII – К РОЗАМ

Обсуждение личных отношений У.М. – в беседах с Джеральдиной «Доди» Бейкер-Мастерс, Хауи Мастерсом, Пегги Шепли, Максом Фитц-Джералдом и В.Д. Дополнительные описания отношений с Доди – из неопубликованных мемуаров У.М. и статей: «*Love Styles of the Love Advisers – Special Issue – Celebrity Romance 1995*», People, February 13, 1995; Sharon Churcher «*They Told the World All About Sex…*», The Mail on Sunday (London), April 18, 1993; Gail Sheehy «*Men Grieve More When Spouse Dies*», Dallas Morning News, July 3, 1996; Nadine Brozan «*Chronicle*», New York Times, March 31, 1993.

ГЛАВА XXXVIII – ПАРЫ

Вступительная сцена из программы Ларри Кинга, расшифровка *CNN* от 29 марта 1994 г. Расставание В.Д. с У.М. обсуждалось в беседах с Донной Уилкинсон, Пегги Шепли, Ли Зингейлом, Уолтером Меткафом и В.Д. Дополнительная информация – из статей: Enid Nemy «*Masters and Johnson; Divorced, Yes, But Not Split*», New York Times, March 24, 1994; Nadine Brozan «*Chronicle*», New York Times, March 31, 1993; Martha Sherrill «*What's Love Got to Do With It?: From Masters & Johnson, Another Passionless Look at Sex*», Washington Post, March 29, 1994.

ГЛАВА XXXIX–IN MEMORIAM

Последние дни У. Мастерса и его историческое воздействие обсуждались в беседах с Фредериком Питерсоном, Марком Шварцем, Хауи Мастерсом, Майклом Фрайманом, Джеральдиной Бейкер-Мастерс, Джудит Сейфер, Алексом Леваем, Джойс Пеннер, Клиффом Перреном, Фрэнсисом Бейкером, Майклом Перельманом, Эрнстом Фридрихом, Натом Лерманом, Донной Уилкинсон, Робертом Колодны и В.Д. История закрытия института – из налоговых деклараций, упоминание деятельности Хауи Мастерса от лица отца; Cynthia Gorney «*Designing Women: Scientists and Capitalists Dream of Finding a Drug That Could Boost Female Sexuality. There's One Little Problem…*», Washington Post, June 30, 2002; «*Transition: What Lives They Lived – William Masters*», Newsweek, December 31, 2001; Robert C. Kolodny «*In Memory of William H. Masters*», Journal of Sex Research, August 1, 2001; Suzie Hayman «*William Masters*», Manchester Guardian, February 21, 2001; Richard Severo «*William H. Masters, a Pioneer in Studying and Demystifying Sex, Dies at 85*», New York Times, February 19, 2001.

ГЛАВА XL – НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ

Вступительная цитата – из книги Joan Didion «*Slouching Toward Bethlehem»* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1968), p. 139. Жизнь В. Джонсон в последние годы обсуждалась в беседах с Изабель Смит, Кэролин Эванс, Джудит Сейфер, Майклом Фрайманом, Лизой Янг, Робертом Колодны и В.Д. Дополнительная информация – из статей: Stephen Farber «*Masters and Johnson TV Film is Set*», New York Times, February 6, 1985; Harry Levins «*Sex and the Single Expert: Virginia Johnson of 'Masters And' Will Be Working Solo on Her Next Book*», St. Louis Post-Dispatch, May 18, 1994.

Об авторе

Томас Майер – отмеченный наградами писатель, автор книг и журналистских расследований. Его последняя книга «Кеннеди – изумрудные короли Америки» (*The Kennedys: America's Emerald Kings*) вошла в ежегодный список лучших юбилейных книг по версии *USA Today* в 2003 году. Одновременно с ее переизданием вышел двухчасовой документальный фильм, снятый продюсером Робертом Клайном на студии *Warner Bros. Home Video*. Созданная Майером биография «Доктор Спок. Жизнь американца» (*Dr. Spock: An American Life*) вошла в список 10 лучших научно-популярных и документальных книг 1998 года по версии газеты *Boston Globe* и стала «выдающейся книгой года» по версии газеты *New York Times*. Выдержки из «Доктора Спока» публиковались в журнале *Newsweek*; в сокращенном варианте эта книга была опубликована в *Reader's Digest*. Майер также был консультантом и закадровым комментатором документального фильма о Споке, снятого совместно *BBC* и *A&E's Biography*. Его книга «Ньюхаус. Весь блеск, сила и слава богатейшей медиа-империи Америки и ее таинственный «серый кардинал»» (*Newhouse: All the Glitter, Power and Glory of America's Richest Media Empire and the Secretive Man Behind It*), вышедшая в 1994 году, была удостоена премии Фрэнка Лютера Мотта, присуждаемой Национальным обществом стипендий в области журналистики и массовых коммуникаций, как лучшая медиакнига года. Как автор журналистских расследований *Newsday* с 1984 года Майер был удостоен нескольких национальных и региональных наград, в том числе приза за лучший репортаж национального Общества профессиональных журналистов – за серию статей о неподобающем поведении полиции. В 2002 году Майер завоевал первое место и премию Международного консорциума журналистов-расследователей за свои репортажи из Сальвадора о рабочих-иммигрантах. В Высшей школе журналистики Колумбийского университета Майеру был присвоен приз Джона М. Паттерсона за телевизионные документальные фильмы. Позднее он был удостоен членства в европейском союзе журналистов Джона Макклоя, присуждаемого Колумбийской школой журналистики и Американским советом в Германии. Майер – обладатель диплома по политологии Фордхэмского университета; живет на Лонг-Айленде вместе с женой Джойс Макгаррин и тремя сыновьями – Эндрю, Тейлором и Ридом.

notes

Сноски

1

Beau (*франц.*) – поклонник, кавалер.

2

Пыльный котёл, Пыльная чаша (*англ.* Dust Bowl) – серия пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 годами.

З

Амбушюр – специфический способ сложения губ и языка для извлечения звука при игре на духовых инструментах.

4

В правде сила (*лат.*).

5

Новая земля (*лат.*).

6

Прерванное сношение (*лат.*).

7

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании; основала первую в мире школу сестер милосердия.

8

Букв. «громкое, нашумевшее дело» (*франц.*); зд. «дело жизни».

В естественном виде (*франц.*); шутл. «голышом».

10

Регион в США, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром Библейского пояса традиционно являются штаты Юга.

11

Супруга президента США Джеральда Форда.

12

Университеты США.

13

Стоунволлские бунты, или Стоунволлское восстание (*англ.* Stonewall riots) – серия беспорядков и спонтанных демонстраций против полицейского рейда, которые начались в ночь на 28 июня 1969 г. в гей-баре «Стоунволл-инн» на Кристофер-стрит (*Прим. пер.*).

14

Радость жизни (*франц.*).

15

«Уловка-22» (*англ.* Catch-22) – роман американского писателя Джозефа Хеллера. Название романа стало нарицательным обозначением искусственно созданной абсурдной и безвыходной ситуации.

16

Пол Ревир (1734–1818) – американский ремесленник, серебряных дел мастер во втором поколении. Один из самых прославленных героев Американской революции. В ночь с 18 на 19 апреля 1775 года, накануне сражения при Лексингтоне и Конкорде, Ревир верхом проскакал к позициям повстанцев, чтобы предупредить их о приближении британских контингентов. Благодаря Ревиру патриоты успели подготовиться к встрече с королевскими войсками.

17

«Остров Гиллигана» – американский комедийный сериал (1964–1967) (*Прим. ред.*).

В память (*лат.*); обычно употребляется в эпитафях.

19

В психологии – невольное и непредсказуемое яркое воспоминание, переживание заново прежнего травматического опыта.